

В ЛИТЕРАТУРНЫХ ТЕКСТАХ ДРЕВНЕЙ РУСИ
И ДРУГИХ СЛАВЯНСКИХ СТРАН (XII—XIII вв.)

**ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В ЛИТЕРАТУРНЫХ ТЕКСТАХ
ДРЕВНЕЙ РУСИ И ДРУГИХ СЛАВЯНСКИХ СТРАН
(XII—XIII вв.)**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО
В ЛИТЕРАТУРНЫХ ТЕКСТАХ
ДРЕВНЕЙ РУСИ
И ДРУГИХ СЛАВЯНСКИХ СТРАН
(XII—XIII вв.)

Ответственный редактор
Б. Н. Флоря

ББК 63.3(49)=Сл
В 58

Исследование выполнено
в рамках программы фундаментальных исследований Отделения историко-
филологических наук РАН «История, языки и литературы славянских народов
в мировом социокультурном контексте»

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 11-01-16015

В 58 Власть и общество в литературных текстах Древней Руси и
других славянских стран (XII—XIII вв.) / Отв. ред. Б. Н. Флоря.
— М.: Знак, 2012. — 328 с.: ил.

ISBN 978-5-9551-0517-8

В книге на материале литературных текстов, главным образом историографического и агиографического жанра, созданных в Древней Руси и других славянских странах на переходе от раннего к развитому средневековью, рассматриваются представления о власти и обществе в разных частях славянского мира. Авторы рассматривают этот период как время переосмысления, перестройки традиционных отношений между властью и обществом, в основе которых лежало представление о наследственной передаче власти одними членами правящего рода другим. Выявляются существенные изменения в представлении о характере таких отношений, которые находят свое основное выражение в обосновании необходимости для власти считаться с интересами общества, права общества избирать правителя, соответствующего его пожеланиям, и низлагать его. Показано большое разнообразие конкретных ситуаций — от переплетения новых и старых представлений в одних и тех же текстах до решительной победы одной из двух тенденций.

ББК 63.3

*В оформлении переплета использовано изображение:
св. Симеон Сербский (Стефан Неман) с сыновьями — архиепископом Савой и королем
Стефаном Первовенчанным. Фреска церкви Богородица Лавишка (нач. 14 в.)*

ISBN 978-5-9551-0517-8

© Авторы, 2012
© Знак, 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
<i>Б. Н. Флоря.</i>	
Представления об отношениях власти и общества в Древней Руси (XII — начало XIII вв.)	9
<i>С. А. Иванов.</i>	
Общественная мысль в Болгарии в XI—XIII вв.	95
<i>Б. Н. Флоря, А. А. Турилов.</i>	
Общественная мысль Сербии конца XII—XIII вв.	125
<i>О. А. Акимова.</i>	
Представления о власти и обществе в хорватских и далматинских источниках конца XI — середины XIII в.	169
<i>Б. Н. Флоря.</i>	
Польская общественная мысль на переломе от раннего к развитому Средневековью	231
<i>Г. П. Мельников.</i>	
Монарх и общество в Чешском государстве XII в. глазами хронистов	277

ВВЕДЕНИЕ

Исследования, предпринимавшиеся учеными разных стран, показали, что к исходу раннего средневековья в жизни славянских народов начались важные изменения социальной и социально-политической организации общества, которые привели позднее к существенной трансформации традиционной модели всего общественного строя. Наиболее значительные перемены произошли в положении социальной элиты общества и были связаны с постепенным превращением дружинников раннего средневековья в феодалов-землевладельцев эпохи развитого средневековья. Приобретая своих подданных и свои источники доходов, эта элита становилась самостоятельной политической силой, уже не во всем зависящей от государственной власти и ее физического воплощения — монарха. У нее появились свои интересы, не только отличные от интересов государственной власти, но и находившиеся с ними в противоречии. Она стремилась к изменению традиционных порядков раннего средневековья, когда сбор и распределение всего общественного продукта находились в руках государственных органов. Притязания части элиты на особое, самостоятельное место в общественной жизни вызывало враждебную реакцию той части господствующего слоя, которая была тесно связана с институтом монархии и ее традиционными функциями. Понятно поэтому, что изменения общественного строя происходили далеко не мирным путем, сопровождались острыми конфликтами между приверженцами старых и новых порядков.

Столкновения на поле брани сопровождались идейной борьбой, которая прекратилась с утверждением в обществе новых представлений о характере отношений между социальной элитой и властью. Итогом этой борьбы стало осмысление общественным сознанием произошедших перемен и выработка соответствующих новым общественным условиям представлений о месте и роли власти в обществе

и о нормах, которые должны определять взаимоотношения власти с новой социальной элитой. Целью данного исследования является установление того, как отражались эти процессы на развитии общественной мысли славянских народов и к каким итогам пришла эта общественная мысль после длительного и интенсивного обсуждения данной темы. Наблюдения и выводы исследователей основываются главным образом на анализе основных видов нарративных источников этого времени — исторических хроник и памятников агиографии.

Исследовательский коллектив поставил своей целью проследить осмысление отношений власти и общества во всем обширном регионе Европы, который занимали славянские народы. Следует учитывать при этом, что в отличие от раннего средневековья историческое развитие региона в эпоху перехода от раннего к развитому средневековью характеризовалось неравномерным темпом социальных перемен и сопутствующих им сдвигов в общественном сознании, что в немалой степени зависело от того, в каких внешних условиях эти процессы протекали. Отношение общества к власти, место власти в реальной жизни и в общественном сознании не могли быть одинаковыми, когда общество развивалось без сильного внешнего давления и когда восстановление и укрепление собственной государственности перед лицом враждебных внешних сил являлось едва ли не главной задачей. Поэтому смена представлений об отношениях общества и власти, о роли власти в жизни общества происходила в разных странах в разные исторические сроки, отсюда — разные хронологические рамки отдельных глав.

**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ОТНОШЕНИЯХ
ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА
В ДРЕВНЕЙ РУСИ (XII — НАЧАЛО XIII ВВ.)**

Главным источником, позволяющим судить о том, какие представления о взаимоотношениях власти и общества существовали в домонгольской Руси в период феодальной раздробленности, являются летописи. Исследования древнерусского летописания привели исследователей к важному выводу, что описание событий первой половины XII в. в главных летописных сводах, отразивших традиции домонгольского летописания, Лаврентьевской и Ипатьевской летописях, отражает, в основных чертах, один и тот же источник — летописание, которое велось в Киеве на протяжении этого периода. Правда, в тексте Лаврентьевской летописи киевский источник читается в обработке, произведенной в Переяславле Залесском, но эта обработка не сопровождалась серьезной переделкой текста, имело место, главным образом, его последовательное сокращение¹.

Изучение этого общего источника Лаврентьевской и Ипатьевской летописей показало, что летописец, как правило, в своей оценке событий отражал точку зрения того князя, который в данный момент

¹ Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII века. М., 1969. С. 80—99.

правил в Киеве, однако некоторые наблюдения указывают на то, что после прихода к власти его преемника, который придерживался других взглядов, предшествующий текст мог подвергаться редакторской обработке².

Связь киевского летописания этого времени с каким-либо церковным центром не прослеживается так ясно, как связь сводов конца XI — начала XII вв. с Киево-Печерским монастырем. Отсюда закономерным стало появление гипотез о написании летописи высокопоставленными светскими лицами из княжеского окружения. Так, по мнению Б. А. Рыбакова, составителем обширного повествования киевской летописи о княжении Изяслава Мстиславича был боярин Петр Бориславич³. Эта гипотеза не получила, однако, общего признания и нуждается в дополнительной аргументации. Следует признать, что в тексте киевского летописания закономерно искать отражение взглядов прежде всего княжеских заказчиков. Вопрос о том, отразились ли в этих известиях интересы каких-либо иных общественных кругов, трудно поддается общему решению и будет рассматриваться в связи с анализом отдельных свидетельств.

Вместе с тем сопоставление Лаврентьевской и Ипатьевской летописей позволило установить, что в тексте последней наряду с киевским летописанием при изложении событий 1146—1155 гг. использован иной источник — летопись, которая велась при дворе одного из черниговских князей, Святослава Ольговича⁴. Поскольку Святослав Ольгович принадлежал к числу противников киевского князя Изяслава Мстиславича, в этих текстах в ряде случаев присутствуют описания тех же событий, что и в киевской летописи, но с иными оценками. Очевидна тесная связь и этого источника с княжеским двором.

Во второй половине XII в. мы имеем дело с несколько иным набором текстов. С этого времени (точнее с 1157 г.) можно говорить

² Примером могут служить помещенные под 6647 г. критические высказывания в адрес киевского князя Всеволода Ольговича, внесенные в летопись, видимо, при его преемнике Изяславе Мстиславиче. — *Насонов А. Н.* История... С. 89—90.

³ *Рыбаков Б. А.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. С. 277 и след.

⁴ *Насонов А. Н.* История... С. 101 и след.

о самостоятельной традиции владими́ро-суздальского летописания. Как показано в работах целого ряда исследователей (начиная с А. А. Шахматова), ранняя редакция летописных записей времени Андрея Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо отразилась в тексте Лаврентьевской летописи за XII — начало XIII вв. Более поздняя, времени княжения Всеволода редакция нашла свое отражение в текстах Радзивилловской и Московско-Академической летописей и Летописца Переяславля Суздальского, одна из этих более поздних редакций большими фрагментами оказалась включена в повествование Ипатьевской летописи за вторую половину XII века.

Очевидна связь этого летописания с владимирским княжеским двором и его интересами. Своеобразным исключением могут служить записи Лаврентьевской летописи за 6683—6685 гг. о борьбе за власть в Ростово-Суздальской земле после смерти Андрея Боголюбского. Составителем этих записей был клирик Успенского собора во Владимире, отстаивавший интересы владимирцев. При включении в великокняжескую летопись текст был отредактирован⁵.

В Ипатьевской летописи описание событий, происходивших в Киевской и других землях, обрывается на известиях самого конца XII в. Анализ последних статей повествования дал исследователям основание утверждать, что они были составлены при дворе киевского князя Рюрика Ростиславича при участии монахов Выдубицкого монастыря, родовой обители потомков Всеволода Ярославича. Летописные известия, содержащие благожелательные для Рюрика известия, встречаются в тексте Ипатьевской летописи с начала 70-х гг., когда он еще не занимал киевский стол. Очевидно, что при дворе Рюрика производилось редактирование предшествующего летописного материала. Использование в этой части летописного повествования обширных записей, почерпнутых из владимирской летописи, позволяет предположить, что в повествовании Ипатьевской летописи за вторую половину XII в. использовались летописные записи, сделанные в разных центрах Руси. Так, есть основания полагать, что черниговский источник, связанный с двором Святослава Ольговича, мог быть использован в тексте Киевского свода при описании событий второй

⁵ Насонов А. Н. История... С. 158 и след.

половины XII в. (к этому источнику относят, в частности, подробный рассказ о походе сына Святослава, Игоря, на половцев в 1185 г.), но нет возможности выделить его из общего повествования с помощью текстологических аргументов⁶.

Целый ряд исследователей, например, М. Д. Приселков, Б. А. Рыбаков⁷, полагали, что эти реальные и предполагаемые источники были объединены в одно повествование в Выдубицком монастыре, с которым связаны события, описанные в последних статьях киевской части Ипатьевской летописи. Но в предшествующем повествовании нить записей, связанных с этой обителью, не прослеживается, и это лишает выдвинутое предположение убедительности. По отношению к этой части Ипатьевской летописи также остается неясным, с какой общественной средой были связаны люди, делавшие летописные записи по заказу разных княжеских дворов.

Так как во владими́ро-суздальском и южнорусском летописании неоднократно речь шла об одних и тех же событиях, тем самым открывается возможность сопоставить между собой их оценки в разных центрах Древней Руси. Вместе с тем общая характеристика рассматриваемых летописных текстов говорит о том, как сама княжеская власть смотрела на отношения между властью и обществом, чем о взглядах другой стороны.

В этом плане существенно отличается от повествования Лаврентьевской и Ипатьевской летописи повествование о событиях XII в. в тексте Новгородской I летописи. Убедительно показано, что это повествование представляет собой летопись, которая велась при новгородской владычной кафедре, записи делались духовными лицами по поручению архиерея. Имена некоторых из этих летописцев нам известны⁸. Так как новгородская владычная кафедра (особенно по-

⁶ О возможных источниках повествования Ипатьевской летописи о событиях второй половины XII в. см.: *Приселков М. Д.* История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940. Гл. II. С. 48 и след.

⁷ *Рыбаков Б. А.* Русские летописцы... С. 60 и сл.; *Приселков М. Д.* История... С. 47.

⁸ См.: *Гиттинс А. А.* К характеристике новгородского владычного летописания XII—XIV вв. // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию В. Л. Янина. М., 1999.

сле 1157 г., когда епископов стали избирать на вече) была гораздо теснее связана с городской общиной Новгорода, закономерно искать в ней взгляды не княжеской власти, а сложно взаимодействовавшего с этой властью местного общества, сопоставлять содержащиеся в ней оценки событий с оценками тех же событий в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях.

Помимо отмеченной выше направленности основных источников, которая заметно ограничивает возможности исследователя, следует отметить еще одну важную особенность всех трех повествований, которая создает для него дополнительные трудности. Печерские старцы, создатели летописных сводов конца XI — начала XII вв., постоянно открыто выражали свое отношение к событиям, которые они описывали, порицая одно или одобряя другое, что открывает возможности для реконструкции их взглядов. Что касается летописных известий более позднего времени, то в них количество оценочных суждений заметно уменьшается, и об отношении летописца к событиям часто приходится судить лишь по подбору фактов. Кроме того, и те суждения, которые в тексте все же присутствуют, касаются прежде всего отношений между членами княжеского рода, а не между правителями и их подданными, да и в этом случае трудно определить, исходят эти оценки от представителя каких-то общественных кругов — летописца или же от князя — соперника (или союзника) главного героя повествования. В таких условиях возможным путем для реконструкции общественных представлений становится наблюдение над самим характером описания летописцами тех или иных общественных ситуаций, описываются ли они без комментариев, как нечто привычное, или воспринимаются как нечто необычное, вызывающее удивление.

По сравнению с летописями другие источники имеют для освещения данной темы гораздо меньшее значение. Среди них следует особо выделить «Слово» Даниила Заточника. Хотя этот памятник сохранился лишь в списках XVII в., по общему мнению исследователей это произведение было создано еще в домонгольской Руси и в более раннее время, чем «Моление», которое также связывается с именем Даниила Заточника. Мнения исследователей о том, кто был автор этого текста по своему общественному положению, расходят-

ся. Ясно, однако, из самого содержания «Слова», что автор не принадлежал к общественным верхам, он лишь рассчитывал попасть в эту среду. Представляется важным соотнести содержащиеся в этом произведении высказывания о том, каким должен быть хороший правитель, как должны складываться его отношения с дружиной и подданными, с теми высказываниями, которые могут быть обнаружены в летописях.

Такие важные литературные памятники XII в., как «Слово о князех», «Слово о гибели Русской земли» и, наконец, «Слово о полку Игореве», могут быть использованы при выяснении вопроса о том, как смотрело общество на обязанность власти защищать страну от внешнего врага.

И. У. Будовниц для исследования взглядов общества на отношения дружинников и князя привлек такие произведения, как «Слово о князех» и «Слово о храбросте», приведенные в сборнике XIV в. «Златая чепь»⁹, однако, как выяснил уже митр. Макарий (Булгаков), эти тексты принадлежат перу епископа Матфея Сарайского, действовавшего в середине XIV в.¹⁰

Рассмотрение представлений о власти и обществе и их взаимоотношениях в Древней Руси следует начать с вопроса о том, какой образ хорошего правителя предлагали читателю летописцы, какие достоинства выдвигаются на первый план в похвальных характеристиках умерших князей. Это прежде всего достоинства храброго воина и умелого военачальника. Так, о князе Мстиславе Ростиславиче летописец сообщает, что он «дерзость подаваше воємь своим и тако от всего сердца бяшется за отчину свою»¹¹. О переяславском князе Владимире Глебовиче также сообщается, что он «бе моужь бодр и дерзок, и крепок на рати, всегда бо тосняся на добра дела»¹². «Добрые дела» здесь явно ассоциируются с военными подвигами. Для Дании-

⁹ Будовниц И. У. Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI—XV вв.). М., 1960. С. 145—146, 192.

¹⁰ Макарий (Булгаков). История русской церкви. Кн. III. М., 1995. С. 258—261, 544.

¹¹ Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. II. М., 1962. Стб. 611.

¹² Там же. Стб. 652.

ла Заточника князь также прежде всего военачальник, от действий которого зависит успех войска¹³.

Наиболее ярко черты такого образа выступают в обширном повествовании киевского летописца о Изяславе Мстиславиче, который выступает в нем и как главный, и как идеальный герой повествования. Как и следует ожидать по самому характеру летописного повествования, князь выступает в нем прежде всего как воин и военачальник, который «бе... храбр и крепок на рать»¹⁴. Эта общая оценка конкретизируется в ряде рассказов о его военных подвигах и одержанных им победах. Оценка каких-либо иных достоинств правителя в повествовании не обнаруживается. Летописец, правда, отмечает привязанность дружинников к Изяславу¹⁵, расположение к нему «киян»¹⁶, его умение жить в ладу с другими членами княжеского рода. Как правитель, завоевавший расположение «киян» и умеющий жить в ладу с родичами, Изяслав явно противопоставляется летописцем его главному сопернику — Юрию Долгорукому¹⁷. Однако из повествования совсем не ясно, благодаря каким качествам он добился этого. Летописец, например, ни разу не называет своего героя справедливым. Характерной чертой такого идеального героя является его забота о своей чести. Д. С. Лихачев справедливо обратил внимание на то, что забота о своей чести — характерная черта изображения князей в источниках XII—XIII вв.¹⁸ Но с особой силой эта забота проявляется в поведении такого идеального героя, как Изяслав Мстиславич.

Вопросу о том, в чем заключалась это честь и как проявлялась забота о ней, следует уделить особое внимание не только потому, что это важно для понимания того, каким представлялся древнерусскому обществу идеальный правитель, но и потому, что этому понятию

¹³ «Видех велик зверь, а главы не имеа. Тако и многи полки без добра князя» // Библиотека литературы Древней Руси. Кн. 4. СПб., 1997. С. 276.

¹⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 336.

¹⁵ Там же. Стб. 412.

¹⁶ Там же. Стб. 409, 416, 433—434.

¹⁷ Там же. Стб. 383, 393—395.

¹⁸ Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978. С. 117—118.

принадлежало важное место в представлениях о взаимоотношениях подданных и князя.

В недавнее время понятию чести в древнерусских текстах домонгольского времени посвятил специальное исследование П. С. Стефанович¹⁹. Следует согласиться с исследователем, что честь тесно связана с общественным положением человека, обозначает то, что вызывает или поддерживает уважение к нему со стороны других людей, уважение, соответствующее его социальному статусу²⁰. Это уважение поддерживается поступками, соответствующими правилам поведения обладателя данного статуса. Исследователь справедливо подчеркивает связь в древнерусских текстах между честью и славой. Слава — это как бы общественное признание того, что данное лицо обладает честью²¹. П. С. Стефанович справедливо отмечает, что в киевском летописании XII в. как противоположное понятию чести выступает понятие «сором». «Сором» постигает человека, если он совершает поступки, не соответствующие правилам поведения носителей соответствующего статуса, или если с ним поступают не так, как следует поступать с носителями такого статуса²².

Исследователь указал и свидетельства, когда древнерусского князя мог постичь «сором». Таких ситуаций в киевском летописании можно отметить две. Первая — это, когда князя сгоняют со своего стола, и он покидает город «с великим соромом»²³. Как носитель княжеского сана должен реагировать на такие факты, показывает известие об аресте и изгнании князя Ростислава, сына Юрия Долгорукого, лишённого и своего стола и своей дружины. В уста Юрия Долгорукого летописец вкладывает слова: «любо сором сложю...

¹⁹ Стефанович П. С. Древнерусское понятие «честь» по памятникам литературы домонгольской Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2004. Июнь.

²⁰ Стефанович П. С. Древнерусское понятие «честь»... С. 66—67.

²¹ Там же. С. 68—69.

²² Там же. С. 78—79.

²³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 399. Когда изгнанного таким образом князя его племянник вернул на княжеский стол, то тем самым он на него «честь возложил» (Там же. Стб. 418—419).

любо честь свою налему, паки ли а голову свою сложаю»²⁴. Таким образом, поступок по отношению к сыну приносит «сором» его отцу²⁵, и ему следовало предпринять действия, даже рискуя жизнью, чтобы вернуть («налезть») свою честь, т. е. вернуть себе уважение окружающих.

Для понимания характера образа идеального правителя в летописных текстах следует остановиться на второй ситуации, которая также могла принести князю «сором». «Сором» могла принести неудача в войне. «Сорома добыли», — говорится в летописи о князьях, которые хотели, но не сумели овладеть Киевом²⁶. Но не только это. Не случайно летописец подчеркивает, что его герой Изяслав Мстиславич был готов вступить в битву с превосходящим противником, полагаясь на суд Божий и желая не допустить «сорома», отважно устремлялся в битву, чтобы «честь свою взяти»²⁷. Как видно из рассказа Ипатьевской летописи о походе Игоря 1185 г., участников похода, если бы они вернулись «не бившися», мог ожидать «сором... пуши смерти»²⁸. В свете этих высказываний очевидно, что князь как идеальный герой должен был быть беззаветно храбрым воином, готовым сражаться в любых условиях, с любым противником. Как такой идеальный князь выступает в «Слове» Даниила Заточника Святослав «сын Олжин», который идет к Константинополю «с малою дружиною», полагаясь на Божий суд²⁹.

Д. С. Лихачев увидел в этих представлениях отражение норм «дружинной морали»³⁰, идеальным носителем которых оказывается князь. Аналогии им могут быть указаны в других средневековых обществах, в которых преобладало военное начало. П. С. Стефанович в этой связи справедливо указал на древнерусский перевод

²⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 375.

²⁵ Стефанович П. С. Древнерусское понятие... С. 78—79.

²⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 433.

²⁷ Там же. Стб. 401, 410, 434, 448, 449.

²⁸ Там же. Стб. 639. Игорь также идет в поход, полагаясь на суд Божий, несмотря на неблагоприятные знамения (Там же. Стб. 638).

²⁹ Библиотека литературы Древней Руси. Кн. 4. С. 274.

³⁰ Лихачев Д. С. «Слово...». С. 117—118.

византийского романа о Дигенисе Акрите³¹, где в уста его героя, сарацинского эмира, вкладываются слова: « не дамся в сраме, да не рекут гречане, яко полоняна зятя ведут»³². Прямую параллель к высказываниям Игора в Ипатьевской летописи можно указать в свидетельствах бургундского хрониста о герцоге Филиппе Добром, что тот был «сильно озабочен, не слишком ли затронута его честь тем, что он не дал сражение противнику», так как «ущемление чести... было бы горше смерти»³³.

Все сказанное позволяет сделать вывод, что образ идеального князя, который мы находим на страницах киевского летописания XII в., сложился в дружинной среде и соответствовал ее идеалам. Именно к этой среде обращался киевский летописец, убеждая, что князь Изяслав Мстиславич является воплощением этого идеала.

В летописных повествованиях князь выступает обычно в сопровождении дружины. Роль дружины в древнерусском обществе, характер отношений дружинников и князя, нормы, определяющие эти отношения, стали в последние десятилетия предметом особого внимания исследователей³⁴. Создатели сказаний о первых русских князьях и печерские летописцы конца XI — начала XII вв. уделяли взаимоотношениям князя и дружины значительное внимание, и это дало возможность реконструировать характерные для эпохи раннего средневековья представления о нормах отношений между дружиной и князем³⁵.

³¹ Стефанович П. С. Древнерусское понятие... С. 76.

³² Кузьмина В. Д. Девгениево деяние. М., 1962. С. 165.

³³ Цит. по: Малинин Ю. П. Общественно-политическая мысль позднесредневековой Франции XIV—XV вв. СПб., 2000. С. 53.

³⁴ Горский А. А. Древнерусская дружина. М., 1989; Стефанович П. С. Германская дружина и попытки сравнения ее со славянской дружиной (историографический обзор) // *Rossica antiqua*. 2006. Исследования и материалы. СПб., 2006.

³⁵ Попытка такой реконструкции предложена мной в разделе «Древняя Русь» в коллективном труде «Общественная мысль славянских народов в эпоху раннего средневековья».

Сопоставление полученных результатов с характеристиками отношений дружины и князя в летописных известиях XII в. показывает, что традиционные нормы во многом продолжали действовать.

Так, сохранялась тесная связь между дружиной и князем. Рассказы о междукняжеских войнах 40—50-х гг. XII в. свидетельствуют о том, что с утратой князем своего стола в изгнание отправлялась и его дружина. В уста князя Изяслава Мстиславича, покинувшего Киев, летописец вкладывает обращенные к его дружинникам слова: «Вы есте по мне из Рускы земли вышли»³⁶. При смене власти дружину побежденного князя ожидали самые серьезные неприятности. Так, при свержении Игоря Ольговича с киевского стола в 1146 г. «розграбиша Кияне с Изяславом дружины Игореве и села, и скоты»³⁷, а позднее, при изгнании князя Ростислава Юрьевича, тот же Изяслав «отъима у него именье, и оружие, и кони, и дружину его, и сковав, расточи»³⁸. Таким образом, противники князя явно смотрели на его дружинников, как на лиц, особо тесно связанных с князем. В уста оказавшегося в критическом положении князя Святослава Ольговича летописец вкладывает следующее размышление: ему придется либо «дати женоу, и дети, и дружину на полон, либо голову свою сложити»³⁹. Здесь судьба дружины не отделяется от судьбы княжеской семьи. В нормальной ситуации дружина сопровождала князя до самых похорон. Из рассказа о похоронах князя Владимира Андреевича в Андреевском монастыре в Киеве узнаем, что на похоронах князя дружинники вели его коня и несли его стяг⁴⁰.

Как известно, главным обязательством дружинников по отношению к князю была готовность сражаться за его интересы вплоть до смерти на поле брани. Такая готовность проявляется в словах воинов, обращенных к Святославу: «Идеже глава твоя, ту и свои главы сложим»⁴¹. Как показал П. С. Стефанович, такой взгляд на отношения

³⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 409.

³⁷ Там же. Стб. 328.

³⁸ Там же. Т. I. М., 1962. Стб. 320.

³⁹ Там же. Т. II. Стб. 355.

⁴⁰ Там же. Стб. 547—548.

⁴¹ Повесть временных лет. Ч. I. М.; Л., 1950. С. 50.

между дружинниками и князем продолжал сохраняться и в XII в.⁴² В уста дружинников Изяслава Мстиславича и его союзников летописец вкладывает слова: «хочем... головы свое сложити да любо честь вашу налезем, так ли хочем с вами тоу измерети»⁴³. Следует согласиться с П. С. Стефановичем, что в данном контексте возвращение чести означало возвращение под власть союзников Киева, однако, очевидно, что забота о чести князя не связывалась только с помощью ему в овладении различными материальными благами. Сам исследователь цитирует известие Ипатьевской летописи, где говорится о соглашении «мужей» князей Изяслава Мстиславича и Вячеслава Владимировича «добра хотети и чести ею стеречи, а не сваживати ею»⁴⁴. Связь между князем и дружинниками находила свое выражение теперь и в том, что победа приносила честь не только князю, но и его воинам, а поражение означало «сором» и для них⁴⁵.

Служба дружинника князю на ратном поле или в управлении «землей» нуждалась в вознаграждении. В рассказах о Владимире Святославиче, воспринимавшемся в XI в. как образец идеального правителя, специально подчеркивалась его забота о дружине. В летописных текстах XII в. забота о дружине также рассматривалась, как характерная черта доброго правителя, заслуживающая похвалы. В некрологах смоленских князей второй половины XII в. настойчиво повторяется, что тот или иной из них «именья не щадяше, не сбираше злата и серебра, но даваше дружине»⁴⁶. Кратко это обозначалось выражением, что князь «кормит» свою дружину. В сказании о смерти Андрея Боголюбского, убитого своими приближенными,

⁴² Стефанович П. С. Князь и бояре: клятва верности и право отъезда // Горский А. А., Кучкин В. А., Лукин П. В., Стефанович П. С. Древняя Русь. Очерки политического и социального строя. М., 2008. С. 177.

⁴³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 427.

⁴⁴ Там же. Стб. 399.

⁴⁵ См. запись Ипатьевской летописи о беспокойстве дружинников Андрея Боголюбского — «аше ли добудем сорома» (Там же. Стб. 389) и слова Изяслава Мстиславича: «луче, братье, помрем сде, нежели сесь сором възмем на ся» (Там же. Стб. 401).

⁴⁶ Там же. Стб. 551, 611, 703.

читаем слова князя, обращенные к убийцам: «Бог отмыстит вы мои хлеб»⁴⁷.

С этими сообщениями следует сопоставить ряд высказываний в «Слове» Даниила Заточника, человека, стремившегося попасть в среду связанных с князем людей⁴⁸. Необходимость заботы князя о своих воинах доказывается здесь изречением, восходящим к летописным рассказам о Владимире: «мужи злата добудут, а златом мужей не добыть»⁴⁹. Князь выступает в «Слове» как источник щедрого вознаграждения. Щедрый князь сравнивается с рекой без берегов, которая поит всех. Его щедрость приводит к появлению у него многих слуг, которые «оставляют отца и мать, к нему прибегают»⁵⁰. Подобающее вознаграждение за службу означало, что князь оказал дружиннику «честь», которой он заслуживает, и это обязывало его быть верным своему князю⁵¹. Очень яркую характеристику всего этого комплекса отношений между князем и дружинниками находим в древнерусской вставке в тексте жития св. Федора Тирона⁵². Вставка содержит отсутствующую в греческом оригинале речь святого: «Послушайте мя, мали и велици, братия и дружино. Господин цесар нашъ створи нас бояре и предасть нам серебро свое и злато, и роухоу, и власти и градове и по вся дни зоветь ни в полату свою на велику честь и любовь. И рекохом да за его умремь, а тои да живь будеть»⁵³.

Более кратко и прозаично то же представление вложено в уста галицких мужей, обращающихся к своему князю Ярославу: «како ны

⁴⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 587.

⁴⁸ О взглядах, получивших выражение в «Слове», см. подробнее: *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII в. СПб., 2003. С. 639—641.

⁴⁹ Библиотека литературы Древней Руси. Кн. 4. С. 274.

⁵⁰ Там же. С. 276.

⁵¹ *Стефанович П. С.* Древнерусское понятие... С. 83.

⁵² Святой почитался в Федоровском монастыре в Киеве, основанном Мстиславом, сыном Мономаха.

⁵³ Белград. Нар. Библиотека Сербии. Ркп. 711. Л. 1 (фрагмент перг. рукописи XIV в.). За указание на этот источник приношу глубокую благодарность А. А. Турилову.

будеть отец твои кормил и любил; а хочемь за отца твоего честь и твою головы свои сложити»⁵⁴.

Частью своеобразного неписанного контракта между дружиной и князем была обязанность князя запрашивать мнение дружины. Не случайно в рассказах о Владимире Киевском подчеркивалось, что он «думал» с дружиной по самым разным вопросам⁵⁵. Летописные тексты содержат довольно много сведений о совещаниях князя и дружины. В соответствии с кругом интересов летописцев, точнее их заказчиков, в летописях говорится о совещаниях, на которых решались вопросы о войне и мире, о выборе союзников, о способе ведения военных действий. Какого-либо точного регламента здесь не было. В одних случаях князь поступал, следуя советам дружины, в других — принимал решение, не считаясь с ее мнением, и в целом ряде случаев дружина подчинялась такому решению. Однако, судя по сообщениям летописцев, ничего хорошего из этого не выходило. Так, в 1155 г., по свидетельству Ипатьевской летописи, кн. Ростислав Мстиславич решил идти в поход на Чернигов вопреки мнению мужей, предлагавших ему сначала утвердиться с «киянами», жителями Киева, где Ростислав недавно стал князем. Рассказ заканчивается сообщением о полной неудаче похода и утрате Ростиславом Киева⁵⁶. Помещение в летописи таких сообщений, как представляется, говорит о том, что подобные поступки не одобрялись общественным мнением. Убеждение, что князь не решает никаких вопросов и не предпринимает никаких действий без дружины, нашло на страницах летописи яркое выражение в словах дружинников, обращенных к Мстиславу Изяславичу: «тобе без нас того нельзя было замыслити, ни створити»⁵⁷.

Из состава дружины иногда выделяются «передние мужи», лица высокопоставленные, наиболее близкие к князю люди. Такие бояре выступают на страницах летописи как советники князя, «думцы». В уста Игоря Святославича, героя «Слова», скорбящего о своем поражении, летописец вложил слова: «где бояре думающие, где мужи

⁵⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 465—466.

⁵⁵ Повесть временных лет. Ч. I. С. 86.

⁵⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 473—475.

⁵⁷ Там же. Стб. 542.

храбростью»⁵⁸. В ряде случаев летописец упоминает решения, принятые под влиянием советников. Так, узнаем, что князь Вячеслав, сын Мономаха, «послушав бояр своих, не приложи чести» своему племяннику Изяславу Мстиславичу⁵⁹. Позднее бояре «размолвиша» Юрия Долгорукого, который, вступив на киевский стол, думал было поделиться с Вячеславом своей властью⁶⁰. В этих сообщениях отразилось представление о сильном влиянии бояр на решение князя.

Такое представление нашло свое выражение и на страницах «Слова» Даниила Заточника. Он выражал убеждение, что князь «не сам впадает в вещь, но думцы вводят». «З добрым бо думцем думая, — писал он, — князь высока стола добудет, а с лихим думцем думая, меньшего лишен будет»⁶¹.

Князь мог действовать вопреки советам бояр, но из этого тоже не выходило ничего хорошего. Так, в Ипатьевской летописи под 1180 г. читаем, что кн. Святослав Всеволодович принял решение изгнать из Киевской земли Давыда и Рюрика Ростиславичей вместе «с Кочкарем, милостником своим, и не поведе сего моужем своим лепшим». Как видно из последующего изложения, эта попытка закончилась полной неудачей⁶². В другой части повествования читаем, что кн. Владимир Ярославич утратил Галицкий стол, так как «думы не любяшеть с мужми своими»⁶³. Таким образом, попытки править, игнорируя мнение советников, не имели поддержки в обществе.

Более того, по-видимому советники имели право не выполнять решение, принятое без их участия. Так, в Ипатьевской летописи под 1169 г. рассказывается о попытке кн. Владимира Мстиславича захватить Киев. Князь созвал дружину, которой сообщил о принятом решении. В ответ участники совещания заявили: «А собе еси, княже, замыслил, а не едем по тебе, мы того не ведали». Услышав такие слова, князь сказал: «взрев на децкыя, а се будуть мои бояре». Таким образом, решению князя воспротивились его бояре, его «думцы».

⁵⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 642.

⁵⁹ Там же. Т. I. Стб. 314; Т. II. Стб. 330.

⁶⁰ Там же. Т. II. Стб. 394.

⁶¹ Библиотека литературы Древней Руси. Кн. 4. С. 278.

⁶² ПСРЛ. Т. II. Стб. 614.

⁶³ Там же. Стб. 659.

Далее говорится о том, что союзники оставили его, видя, что он один «и без мужии своих», и все предприятие Владимира Мстиславича закончилось полным крахом⁶⁴. Ясно, что в общественном сознании такие советники воспринимались как влиятельная сила, игнорируя которую князь обрекал себя на неудачу.

Подводя итоги, следует констатировать, что комплекс норм, определявших в общественном сознании характер отношений князя и дружины, носил традиционный, восходящий к раннему средневековью характер. Можно отметить лишь, что с распространением понятий о чести и славе князя и дружинника можно говорить о некотором увеличении в системе этих связей духовного компонента.

Некоторые новые явления в сфере отношений между дружинником и князем были следствием окончательного утверждения на Руси в XII в. политического полицентризма. В условиях одновременного существования на Руси большого количества князей, боровшихся между собой за обладание княжескими столами, перед дружинником заметно расширялись возможности выбора, появлялись реальные возможности оставить одного князя и перейти на службу к другому. Верность князю, который «кормил» дружинников и оказывал им честь, продолжала высоко цениться. В Сказании о смерти Андрея Боголюбского его убийцы, княжеские приближенные, сравниваются с Иудой и характеризуются как люди, желающие «угодити отцу своему Сатане», а сам князь уподобляется Христу, которого «возлюбленнии людье на кресте пригвоздиша»⁶⁵. Ценилась и верность князю, оказавшемуся в трудном положении. Так, летописец Святослава Ольговича, конечно, не случайно отметил, что, когда князь был вынужден бежать на север княжества, в «лесную землю», за ним последовал «добрый старец» Петр Ильич, который служил еще его отцу, хотя он от «старости не можаше ни на конь сести». В том же рассказе читаем, что с уходом князя на север «они по нем идоша, а друзеи осташа его»⁶⁶. Это известие не сопровождается какими-либо ком-

⁶⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 536.

⁶⁵ Там же. Стб. 584—585. Приношу благодарность П. С. Стефановичу, привлекая мое внимание к этим свидетельствам.

⁶⁶ Там же. Стб. 335, 340.

ментариями, очевидно, для летописца такое поведение дружинников было чем-то обычным.

Под 1238 г. в Лаврентьевской летописи приводится похвала убитого монголами кн. Василька Ростовского. Здесь читаем, что князь «был до бояр ласков, никто же от бояр, кто ему служил и чашю пил и дары имал, тот никакоже у иного князя можаше быти»⁶⁷. Здесь не только перечисляются все блага, которые бояре получают от своего князя, но и ясно показано, что они верно служат ему, так как другой князь не мог бы предложить им лучшей службы.

Вместе с тем в XII в. можно отметить и воздействие иных факторов, содействовавших ослаблению традиционной связи между дружинниками и князем. Выше уже цитировалось известие Ипатьевской летописи под 1150 г. об уходе вместе с Изяславом Мстиславичем его дружинников из «Русской земли». Однако из последующего изложения, как справедливо отметил А. А. Горский⁶⁸, следует, что не все дружинники последовали за князем. В рассказе упоминается «дружина, многое множество, иже сядяхуть по Тетереви». Эти люди с приходом войск Изяслава сразу переходят на его сторону⁶⁹. Они сторонники Изяслава, но не решаются уйти вместе с ним, очевидно, потому, что уже тесно связаны с землей, в которой они живут.

В этом факте находит конкретное отражение один из тех процессов, развивавшихся в древнерусском обществе, которые привели к тому, что рядом с княжеской властью выступает такой независимый от нее и ограничивающий ее власть орган, как вече.

Вопрос о вече, его характере и роли в общественной жизни в течение длительного времени был предметом оживленных дискуссий в научной литературе. Вопрос о характере веча в настоящее время можно считать в значительной мере выясненным благодаря специальному исследованию П. В. Лукина⁷⁰. Исследователь убедительно показал, что вече было собранием жителей города, в котором

⁶⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 467.

⁶⁸ Горский А. А. Древнерусская дружина... С. 75.

⁶⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 412—413.

⁷⁰ Лукин П. В. Вече в домонгольское время (социальный состав) // Горский А. А., Кучкин В. А., Лукин П. В., Стефанович П. С. Древняя Русь. Очерки политического и социального строя. М., 2008.

принимали участие представители разных социальных слоев его населения.

Изучение летописных свидетельств ясно показывает, что именно в XII в. вече начинает играть особую самостоятельную роль в жизни целого ряда древнерусских земель. Причины усиления роли и значения вече в политической жизни земли можно установить лишь предположительно. Таких причин, как представляется, можно указать две. Одна из них — это отстранение сельского населения, членов общин, от несения военной службы. В таких условиях городские ополчения стали главной военной силой земли. Другая причина была связана с тем, что размещенная в этих городах дружина и боярство, ее верхушка, установили разнообразные связи с городским населением, и у тех и других появились интересы, отличные от интересов княжеской власти. Такой союз был возможен, когда бояре и дружинники оказались достаточно прочно связаны с определенной землей, определенным городом, но еще не превратились в землевладельцев, чьи интересы расходились с интересами горожан. Разумеется, и в XII в., как правильно отметил А. А. Горский, и значительная часть дружинников, и многие бояре считали для себя главной традиционную связь именно с институтом княжеской власти⁷¹. Об этом говорят, по-видимому, достаточно часто имевшие место переходы бояр от одного князя к другому и соответственно из одной земли в другую⁷². В источниках с конца XI в. явно выступают и явления другого порядка. Летописи, сохранившие наибольшее количество сведений о положении в Киеве, содержат сведения о том, что многие киевские бояре уже в последней четверти XI в. служили разным князьям, сменявшим друг друга на киевском столе. Когда в 1093 г. в Киев пришел новый князь Святополк Изяславич, ему пришлось иметь дело «с болшею дружиною отнею и стрыя своего»⁷³. И для первой половины XII в. М. Н. Тихомиров привел ряд примеров того, что одни и те же киевские бояре служили разным князьям, занимавшим киев-

⁷¹ Горский А. А. Древнерусская дружина... С. 46, 79.

⁷² Там же. С. 47—48. Сведения о переходах бояр от одного князя к другому собраны в исследовании: Стефанович П. С. Князь и бояре... С. 245 и сл.

⁷³ Повесть временных лет. Ч. I. С. 143.

ский стол⁷⁴. Критический пересмотр этих данных, произведенный П. С. Стефановичем⁷⁵, позволил отбросить некоторые конкретные детали, но подтвердил существование самого явления. В подробном рассказе черниговского летописца о событиях 1146 г. в Киеве, когда был свергнут со стола князь Игорь Ольгович, содержатся ясные указания на то, что именно киевские бояре выступали как руководители и организаторы выступлений киевской городской общины против князя. Улеб тысяцкий и боярин Иван Войтишич, служивший еще Мономаху, когда тот был киевским князем, «съвещаста совет зол с кияны на князя своего»⁷⁶. Позднее они и ряд других бояр «скупиша около себе кияны и свещашеся, как бы им... прельстити князя своего»⁷⁷. Позднее по приказу Улеба и Ивана Войтишича городское ополчение во время сражения «поверга стягы» и оставило своего князя⁷⁸. Соединение в одно целое бояр и городского населения сделало вече большой и серьезной политической силой⁷⁹.

А. Е. Пресняков указал и один из важных источников силы и значения боярства, анализируя известия владими́ро-суздальской летописи о событиях, происходивших в Ростовской земле после смерти Андрея Боголюбского. Здесь читаем, что для выбора нового князя собрались «Ростовци, и Суждальци, и Переяславци, и вся дружина от мала до велика»⁸⁰. Из последующего изложения видно, что в работе съезда именно дружинники играли главную роль. Обращение послов, отправленных участниками съезда к избранному ими князю Ярополку, летописец называет «дружинной речью»⁸¹. «Дружина вся»

⁷⁴ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 161—162, 195—196.

⁷⁵ Стефанович П. С. Князь и бояре... С. 248 и сл.

⁷⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 324.

⁷⁷ Там же. Стб. 325.

⁷⁸ Там же. Стб. 326.

⁷⁹ См. замечание А. Е. Преснякова о киевском вече: «во главе вече становятся боярские элементы, придав политике киевлян больше значения и самостоятельности» (Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 170).

⁸⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 371.

⁸¹ Там же. Стб. 372.

встречала нового князя у Переяславля Залесского, где принесла ему присягу. Здесь же отмечено, что и «володимерци» «ехали... по повеленью Ростовець» встречать князя⁸². Кто были эти «володимерци», выясняется из параллельного рассказа северо-восточного источника Ипатьевской летописи, где читаем, что во Владимире «дружине не сущи в граде, ехали бо бяхуть противу Ярополку»⁸³. Вырисовывается руководящая роль «ростовцев», которые распоряжаются дружинами, расположенными на всей территории Ростовской земли. В дальнейшем выясняется, что распоряжаются этими силами сидящие в Ростове «боляре», они призывают в Ростов князя Мстислава, где вокруг него собирают «гридьбу и пасынки и всю дружину»⁸⁴. Разбор этих известий позволил А. Е. Преснякову сделать вывод о большой роли старшей дружины, сидевшей в Ростове, в жизни всей Ростовской земли. Она действовала, указывал исследователь, «опираясь на вече главного города и дав тем самым вечу значительно больший вес и силу»⁸⁵. Этот рост роли и значения города, главного центра земли, как представляется, имел одно важное последствие. Население других городов земли и находившиеся в них дружины подчинялись принятым в главном городе решениям. В Лаврентьевской летописи читаем: «Новгородци бо изначала и Смолняне и Кияне, [и Полочане]⁸⁶... яко на думу на вече сходятся, на что же старейшии сдумают, на томь же пригороди станут»⁸⁷. В таких условиях вече главного города земли становилось органом, противостоящим княжеской власти и ограничивающим ее.

⁸² ПСРЛ. Т. I. Стб. 373.

⁸³ Там же. Т. II. Стб. 596.

⁸⁴ Там же. Т. I. Стб. 380. В другом месте того же рассказа говорится, что Мстислава привела «старейшая дружина».

⁸⁵ Пресняков А. Е. Указ соч. С. 171.

⁸⁶ Чтение более поздней редакции.

⁸⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 377—378. Нельзя согласиться с интерпретацией этого и других связанных с ним текстов, которую предлагает М. Б. Свердлов (*Свердлов М. Б. Домонгольская Русь...* С. 624—626). Хотя владимирского летописца, записавшего данный текст, подобный порядок не удовлетворял, для него, писавшего в 70-х гг. XII в., такой порядок являлся принятым, традиционным.

Для выяснения и компетенции веча, и его роли в общественном сознании много сделал, внимательно проанализировав всю совокупность летописных известий, уже В. И. Сергеевич в «Юридических древностях». Исследование это как бы подвело итог бурным спорам о вече и его роли в исторической науке второй половины XIX в.⁸⁸ Целый ряд полученных им результатов сохранил свою силу и после критической переоценки итогов работы В. И. Сергеевича в исследованиях А. Е. Преснякова⁸⁹.

Очень существенным представляется наблюдение В. И. Сергеевича, что сообщения летописцев о тех или иных решениях или действиях веча излагаются часто без каких-либо комментариев, без какого-либо удивления, как нечто обычное⁹⁰. Это позволяет утверждать, что общественное сознание воспринимало вече и его полномочия, как нечто признанное и традиционное. Как показано в целом ряде исследований, где анализировались известия об этом институте, в поле внимания летописцев были прежде всего два вопроса, при решении которых проявлялась самостоятельность веча по отношению к княжеской власти.

Один из них — это вопрос о войне и мире. Это естественно, так как участники веча были одновременно членами городского ополчения. Так, под 1149 г. в киевском летописании Изяслава Мстиславича приводится рассказ о том, как князь принял решение идти в поход на Юрия Долгорукого, но «кияне» отказались участвовать в нем, и князю пришлось удовлетвориться участием в походе лишь тех, кто

⁸⁸ Сергеевич В. И. Русские юридические древности. СПб., 1900. Т. 2. Вече и князь. Советники князя.

⁸⁹ Имею в виду исследование А. Е. Преснякова «Княжое право в Древней Руси». В настоящее время украинская исследовательница Т. Л. Вилкул пришла к выводу, что «реальное место веча в политической системе, к сожалению, не может быть определено даже в общих чертах» (Вилкул Т. Л. «Людьє» и князь в конструкциях летописцев XII—XIII вв. Киев, 2007. С. 313). Критику методов работы с источниками, которые привели автора к этому выводу, см. в: Лукин П. В. Деконструкция деконструкции. О книге Т. Л. Вилкул по истории древнерусского веча // *Scrinium*. V. 4. СПб, 2008.

⁹⁰ Сергеевич В. И. Русские юридические древности. Т. 2. С. 1—2, 8—9 и др.

добровольно захотел присоединиться к его войску⁹¹. Под 1151 г. описывается иная ситуация, когда для отпора наступающим войскам Юрия Долгорукого «кияне» провели поголовную мобилизацию: «ать же поидуть вси, како может... паки ли хто не поидет... мы сами побиемы»⁹².

Другой вопрос — это вопрос о судьбе княжеского стола. Вече стремилось, чтобы этот вопрос решался в соответствии с его пожеланиями, изгоняя неугодного князя и приглашая на стол удобного. Выше уже в иной связи говорилось о перевороте в Киеве в 1146 г., когда князь Всеволод Ольгович передал киевский стол своему брату Игорю, а киевляне призвали в Киев Изяслава Мстиславича из Владимира-Волынского. Летопись цитирует обращение «киян» к Изяславу: «ты — наш князь, поеди, Ольговичь не хоцем быти, аky в задничи»⁹³. В этих словах, как неоднократно отмечалось исследователями, выразилось недовольство киевлян, что их передают по наследству, как родовое имущество, в то время как вече считало, по-видимому, что оно само должно распоряжаться княжеским столом. Говорилось уже выше и о событиях 70-х гг. XII в. в Ростовской земле, когда ростовцы приняли решение призвать на стол Ярополка и Мстислава Ростиславичей и не желали признать прав на ростовский стол за сыновьями Юрия Долгорукого. Полоцкое вече в XII в. также неоднократно призывало и изгоняло князей. Л. В. Алексеев обратил внимание на весьма необычный поступок полоцкого веча в 1151 г., когда в Полоцке сидел князь Ростислав Глебович: «прислашася полотчане» к черниговскому князю Святославу Ольговичу «с любовью, яко имети отцем себе и ходити в послушаньи его»⁹⁴. Таким образом, вече признало черниговского князя своим верховным сюзереном, когда у полочан был свой собственный князь и сделало это без его участия⁹⁵.

Приглашение князя на стол сопровождалось заключением между ним и вечем «ряда», или договора. Известно, что когда Мстислав, сын

⁹¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 344.

⁹² Там же. Стб. 433—434.

⁹³ Там же. Стб. 323.

⁹⁴ Там же. Стб. 446.

⁹⁵ Алексеев Л. В. Полоцкая земля (очерки истории Северной Белоруссии) в IX—XII вв. М., 1966. С. 268, 274.

Изяслава Мстиславича в 1167 г. въехал в Киев, то он «възма ряд с братьею и с дружиною и с кияны»⁹⁶. Все это повторилось, когда в 1172 г. он снова сел на киевском столе⁹⁷. Указания на заключение таких соглашений содержит и рассказ о событиях в Ростовской земле после смерти Андрея Боголюбского. Здесь говорится о том, что после достижения соответствующей договоренности князя Ярополка Ростиславича «посадиша володимерци... в городе Володимери на столе в Святеи Богородици, т. е. в Успенском соборе, весь поряд положше»⁹⁸. В последующем повествовании говорится, что, когда ростовцы признали Михалка Юрьевича своим князем, то он, приехав в Ростов, «створи людем весь наряд, оутвердився крестным целованьем с ними и честь возма оу них и дары многи»⁹⁹. Вероятно, такое соглашение определяло условия, на которых князь должен был управлять землей. Впрочем, в этой области каких-либо общепризнанных норм, по-видимому, не существовало. Многое зависело от баланса сил, в частности, от того, насколько прочным был союз между местным боярством и широкими кругами городского населения. Юрий Долгорукий заставил киевлян признать себя их князем, а войска Андрея Боголюбского, как известно, взяли Киев штурмом.

Известий о самостоятельных политических действиях веча достаточно много, чтобы признать его важной политической силой древнерусского общества. Исследователь общественной мысли в связи с деятельностью веча должен искать ответ на целый ряд вопросов: как предводители и участники веча обосновывали свое право распоряжаться военной силой земли и княжеским столом; в чем они видели разницу между хорошим и плохим правителем; какие поступки правителя могли оцениваться как достаточное основание, чтобы отстранить его от власти; наконец, какие конечные цели преследовали участники веча, настаивая на своем праве определять судьбы княжеского стола. Обращение к текстам Лаврентьевской и Ипатьевской летописей показывает, что по одним вопросам материал для поисков ответа отсут-

⁹⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 534.

⁹⁷ Там же. Стб. 548.

⁹⁸ Там же. Т. I. Стб. 374.

⁹⁹ Там же. Стб. 379.

ствуется, для ответа на другие летописные тексты дают лишь отдельные отрывочные сведения.

Так, никаких обоснований прав веча на обладание теми или иными полномочиями в имеющихся текстах не содержится, и, соответственно, летописцы не могут определить своего отношения к таким утверждениям. Хотя в них сохранилось довольно много известий о политических переворотах, связанных с выступлениями участников веча, даже о конкретных причинах таких переворотов ничего не сообщается. Примером могут служить известия о перевороте 1146 г. в Киеве. В киевском летописании Изяслава Мстиславича читаем: «И не угоден бысть кияном Игорь»¹⁰⁰. В Новгородской Первой летописи читаем: «седе на столе брат его Игорь... и негодовахуть его людье»¹⁰¹. Причины недовольства в обоих текстах никак не объясняются. Не дает ответа на вопрос и подробный рассказ летописца Святослава Ольговича. Здесь, правда, рассказывается, что в Киеве начались после смерти князя Всеволода Ольговича волнения, вызванные злоупотреблениями его тиунов, Ратши и Тудора, выступавших в роли судей от имени князя. Однако из дальнейшего изложения ясно, что новый князь Игорь Ольгович поспешил удовлетворить пожелания «киян» («а се вы и тивун по вашей воли»), и достигнутая договоренность была скреплена присягой обеих сторон¹⁰². Почему и после этого киевляне продолжали быть недовольными, остается загадкой. В известиях о переворотах в Полоцке причины недовольства полочан своим князем ни разу не указываются, а в одном из текстов мы читаем признание полочан, что они выгнали своего князя «без вины»¹⁰³. Пробелы в наших познаниях следует, вероятно, связывать с тем, что создатели княжеских летописей не были заинтересованы в освещении интересующих нас сторон в отношениях веча и княжеской власти.

Исключением, приносящим некоторый материал для освещения темы, являются записи владимирского летописца середины 70-х гг.

¹⁰⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 322.

¹⁰¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950 (далее — НПЛ). С. 27.

¹⁰² ПСРЛ. Т. II. Стб. 321.

¹⁰³ Там же. Стб. 494.

XII в. На особое место этих записей во владимирском летописании XII в. справедливо указал А. Н. Насонов¹⁰⁴. Эти записи отражают отношение к происходившим событиям владимирцев, жителей Владимира на Клязьме, т. е. одного из городов Ростовской земли, а не кого-либо из князей. Лишь позднее они были внесены в текст княжеской летописи, для чего подверглись определенной обработке.

Рассмотрение этих записей показывает, что способность верхушки главного города добиваться исполнения важных политических решений зависела от того, удастся ли ему добиться единства действий с другими городами земли. Решение возвести на княжеский стол Ярополка и Мстислава Ростиславичей было принято без участия владимирцев, это вызвало их недовольство, они отказались подчиняться такому решению и стали на сторону сына Юрия Долгорукого, Михалки. У летописца вызвали возмущение утверждение ростовцев, что «как нам любо... тако створим: Володимерь е пригород наш»¹⁰⁵ и их угрозы: «пожжем ѿ, паки ли посадника в немь посадим»¹⁰⁶. В явном противоречии с общей направленностью княжеского летописания летописец заявляет: «не противу же Ростиславичема бяхутся володимерци, но не хотяще покоритися ростовцем»¹⁰⁷.

Для последующего изложения важно, что владимирцы настояли на своем, и один из князей, Ярополк, сел на столе во Владимире. Далее летописец сообщает, что своими наместниками, посадниками Ростиславичи поставили «русьских дедьцких», т. е. дружинников, пришедших с ними с русского Юга, и те «много тяготу створиша... продажами и вирами». Дружинники, не связанные с местным населением, стремились обогатиться за его счет, используя оказавшуюся в их руках судебную власть. Кроме того, князья забрали «золото и серебро», находившиеся в Успенском соборе во Владимире, и отобрали «города... и дани», которые пожаловал храму Андрей Боголюбский. Рассказ завершался следующим комментарием: «мы есмы волная

¹⁰⁴ Насонов А. Н. История русского летописания... С. 158 и след.

¹⁰⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 378.

¹⁰⁶ Там же. Стб. 374.

¹⁰⁷ Там же. Это место является одним из наиболее ярких доказательств того, что первоначальные записи не предназначались для княжеского летописания.

князя прияли к собе, и крест целовали на всемь, а си яко не свою волость творита, яко не творящися седети оу нас, грабита не токмо волость всю, но и церкви»¹⁰⁸. Первая часть этой записи говорит о том, что Ростиславичей они приняли добровольно, по своей воле, а не были принуждены к этому силой. Последующие слова имеют ввиду события, предшествовавшие вокняжению Ярополка, когда «володимерци оутвердивъшеся с Ростиславичема крестным целованьем, яко не створити има в городе никакого зла»¹⁰⁹. Эти обязательства, скрепленные присягой, князья нарушили, обращаясь со своей волостью, как с чужой, как с объектом разграбления. Далее говорится, что они искали защиты у ростовцев, но, когда ее не получили, выступили против Ростиславичей. Очевидно, что рассказ доказывал читателю законность действий владимирцев.

Очевидно, что выступление против князя не было таким беспричинным, стихийным, как это выглядит в записях княжеских летописцев, это был совсем не ординарный поступок. В тексте достаточно ясно выражено представление о договорных отношениях между князем и городом, о их взаимных обязательствах, нарушение которых князем дает основание для неповиновения ему. Вместе с тем к какой-либо перестройке отношений владимирцы, судя по этому рассказу, не стремились, желая лишь оградить себя от незаконных поборов¹¹⁰.

При всем значении этих свидетельств, демонстрирующих взгляд общества на его отношения с княжеской властью, они намечают лишь некоторые наиболее общие контуры этой важной темы.

Казалось, пробелы поможет восполнить обращение к новгородскому летописанию. Как известно, в Новгороде с 30-х гг. XII в. верховным органом власти стало вече, избиравшее и изгонявшее князей по своей воле, и на протяжении XII в. княжеская власть здесь утратила целый ряд функций, которыми она обладала в других древнерусских городах. Соправителем князя стал выбиравшийся новгородцами посадник, который вместе с князем вершил суд и раздавал волости в

¹⁰⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 374—375.

¹⁰⁹ Там же. Стб. 373—374.

¹¹⁰ Об этом же говорит и рассказ о событиях 1146 г. в Киеве.

кормление¹¹¹. У летописца, клирика новгородской владычной кафедры, находившейся с середины XII в. под коллективным патронатом веча, казалось, надо было бы ожидать изложения взглядов новгородцев на их отношения с княжеской властью. Однако обращение к летописным текстам показывает, что процесс становления в Новгороде своего особого политического строя вовсе не является предметом каких-либо специальных рассуждений летописца. Более того, в летописи мы вообще не находим каких-либо оценок, характеризующих отношения Новгорода с князьями, сидевшими на новгородском столе. Правда, рассказывая об аресте и изгнании из Новгорода князя Всеволода Мстиславича, события, положившем начало новгородской практике избрания и изгнания князей, летописец приводит перечень «вин», проступков Всеволода, которые служат для читателя объяснением, почему «не въсхотеша людье Всеволода»¹¹²: он «целова крест к новгородцем, яко хоцю у вас умерети»¹¹³, но нарушил обещание; «не блюдет смерд», менял свою политическую ориентацию, и, наконец, «ехал... с пълку переди всех». Изгнание князя явно воспринималось как событие необычное, и для его обоснования пришлось прилагать усилия. Так, обещание оставаться на новгородском столе Всеволод нарушил за несколько лет до этого, и затем состоялось его примирение с новгородцами¹¹⁴. Потом, однако, летописец просто регистрирует приезд очередного князя, а затем его изгнание, как правило не сопровождая эти факты какими-либо комментариями, не предлагая читателю ни обоснования, ни объяснения принятых вечею решений.

Обращает на себя внимание, что принимают решения и принимают соответствующие действия новгородцы — городская община Новгорода. Нет сомнений, что во главе этой городской общины стояли бояре. В. Л. Янин убедительно показал на одном из примеров, что стоявшие во главе этой общины посадники были родоначальниками хорошо известных боярских

¹¹¹ Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 2003. См. также: Флоря Б. Н. К изучению церковного устава Всеволода // Россия в средние века и новое время: Сб. ст. к 70-летию Л. В. Милова. М., 1999.

¹¹² НПЛ. С. 24.

¹¹³ Там же. С. 22.

¹¹⁴ Там же. С. 22—23.

родов Новгородского государства¹¹⁵. Однако при описании событий, происходивших в Новгороде после 1136 г., бояре упоминаются только один раз — под 1137 г., как «приятели» низложенного князя Всеволода¹¹⁶. Чаше в летописном повествовании фигурируют «вятские», «лутские», «передние мужи», но на страницах летописи они выступают лишь как участники посольств, которых Новгород направлял по разным делам¹¹⁷, а не как руководители городской общины.

Эти особенности летописного повествования получают свое объяснение в тех особенностях жизни новгородского общества, которые так ярко показаны в книге В. Л. Янина «Новгородские посадники». В борьбе за право распоряжаться княжеским столом, за превращение собрания жителей города, веча, в верховный орган власти в Новгородском государстве, городская община выступала как единое целое, интересы бояр не расходились с интересами других слоев населения. Для внутренней жизни Новгорода в XII — начале XIII вв. была характерна борьба боярских кланов за обладание постом посадника. В этой борьбе, однако, боярские кланы выступали не самостоятельно, а возглавляя объединение жителей «своей» части города — «конца». Вовлечение населения города в эту борьбу было связано с особенностями социально-политической организации новгородского общества.

Одной из важных обязанностей посадника было распределение вместе с князем кормлений на территории Новгородского государства. Посадник мог выделить своему клану более доходные и богатые кормления, но наряду с кланом доступ к таким кормлениям получали и жители контролируемого кланом конца. Тем самым и весь «конец» оказывался объективно заинтересованным в победе «своего» клана. В обоих случаях новгородское боярство не было заинтересовано в том, чтобы как-то отделять себя в общественном сознании от других слоев новгородского населения. Поэтому из новгородской владычной летописи нельзя ничего узнать об особых, присущих именно новго-

¹¹⁵ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 118 и след.

¹¹⁶ НПЛ. С. 24.

¹¹⁷ Там же. С. 24, 26, 29, 40, 43—44.

родскому боярству чертах общественного сознания, о его взглядах на характер отношений общества и власти.

Таким образом, рассмотренные источники дают нам очень скудную информацию о взглядах той части общества, которая, объединившись в деятельности такого института, как вече, разным образом взаимодействовала с княжеской властью, ограничивая его деятельность. Вместе с тем сохранившиеся записи княжеских летописцев позволяют в определенной мере осветить другой аспект темы: взгляды княжеской власти на институт вече и на различные действия, предпринимавшиеся городской общиной. Важную информацию на этот счет содержит рассказ черниговского летописца о событиях в Киеве 1146 г. Рассказ был записан приближенным князя Святослава, брата свергнутого «киянами» князя Игоря Ольговича, и отражает взгляд противной стороны на действия киевского вече. Рассказ начинается сообщением о волнениях в Киеве, когда «кияне», собравшись на вече, потребовали у князя Игоря пресечь злоупотребления княжеских тиунов. После соответствующих заверений «целоваше вси кияне хрест и с детми, оже под Игорем не лстити». Затем и Игорь «целова к ним крест». Действия вече здесь описываются без каких-либо комментариев и никак не осуждаются. В другом месте рассказа говорится о стоявших во главе киевской общины боярах Улебе и Иване Войтишиче, которых князь заверил, что их положение будет прежним, и подтвердил Улебу пост киевского тысяцкого. Далее эти люди характеризуются, как лица, которые «великоу честь принимали от Всеволода и от брата его». Далее из повествования выясняется, что, несмотря на все действия, предпринятые Игорем, Улеб и Иван Войтишич «съвещаста совет зол с кияны на князя своего», «почаша лстити под князем своим», что летописец связывает с внушением дьявола¹¹⁸.

Разбор рассказа позволяет сделать несколько важных заключений. Княжеская власть признает законность не только существования вече, но и его права обращаться с разными требованиями к князю, добиваясь их удовлетворения. Признается и обязанность князя оказывать стоящим во главе городской общины боярам честь, соответствующую их высокому положению. Но вместе с тем носитель княжеской

¹¹⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 321—322, 324.

власти настаивает на том, что, когда претензии участников и веча и бояр по отношению к нему удовлетворены, они должны быть верны принесенным присягам. Иное поведение представляет собой опасное нарушение установленного порядка.

Уточнить и существенно дополнить сделанные рассуждения позволяет анализ известий, связанных с конфликтом Андрея Боголюбского с Новгородом. Сопоставление известий Лаврентьевской, Ипатьевской и Новгородской Первой летописей позволяет представить характер конфликта, его развитие и его осмысление в среде, связанной с княжеской властью.

Наиболее раннее известие находим в Ипатьевской летописи под 1160 г. Находясь на Волоке, Андрей обратился к новгородцам со следующим заявлением: «хочю искати Новагорода и добром, и лихом, а хрест есте были целовали ко мне, яко имети мене князем, а мне вам хотети добра»¹¹⁹. Здесь появляется важная тема в отношениях княжеской власти и Новгорода: заключен договор и новгородцы должны его соблюдать. После этого, как читается в летописи, «начашась Новгородци мясти, и вече часто начаша творити». Не желая конфликта с Андреем, новгородцы попытались избавиться от своего князя Святослава, сына киевского князя Ростислава Мстиславича. Рассказ о произошедшем в Новгороде перевороте содержится и в Новгородской Первой и в Ипатьевской летописях. В Новгородской Первой в соответствии с общим стилем изложения помещена краткая протокольная запись об аресте самого князя, его жены и дружины без каких-либо комментариев. В ином духе выдержан рассказ в Ипатьевской летописи, восходящий к летописанию Ростислава Мстиславича, где резко обличаются действия новгородцев («ли не дотуда ста злоба их, но паче на горшее зло подвигошась») и подчеркивается нарушение принесенных ими присяг. Из рассказа мы узнаем, что новгородцы принесли присягу Ростиславу «имети князем собе» Святослава «до живота его», а затем для скрепления клятв «целовали святую Богородицу»¹²⁰. С этого момента тема соблюде-

¹¹⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 509—510.

¹²⁰ Там же. Стб. 510. Новгородская летопись о таком соглашении умалчивает.

ния договоров начинает занимать в летописных известиях все большее место.

Следующий момент — соглашение Андрея Боголюбского с Новгородом в Новгородской Первой и Лаврентьевской летописях освещено по-разному. В Новгородской Первой отмечается, что 21 июня «введоша» в Новгород племянника Андрея, Мстислава Ростиславича¹²¹. В Лаврентьевской летописи говорится, что новгородцы «прислаша» к Андрею, «просяще» у него князя на новгородский стол¹²².

О последующем развитии событий сведения сохранились только в Ипатьевской и Новгородской Первой летописях. В Ипатьевской указано, что новгородцы «пояша» к себе Святослава Ростиславича «опять», а Мстислава «выгнаша»¹²³. Запись говорит о победе Ростислава над новгородцами, вынужденными вернуть его сына, однако, как увидим далее, этой победой он был обязан не только собственным силам. Запись Новгородской Первой летописи о возвращении Святослава открывается словами: «уладився Ростислав с Андреем о Новгород», т. е. состоялось соглашение двух сильнейших русских князей о возвращении Святослава. В этих условиях у новгородцев не стало выбора, и они были вынуждены принять его. Не случайно летописец отметил, что Святослав возвратился «на всеи воли его»¹²⁴. Сопоставляя это сообщение с более ранним известием Ипатьевской летописи, следует сделать вывод, что соглашение о пожизненном княжении Святослава в Новгороде возобновило свое действие.

Под 1166 г. в Новгородской Первой летописи читается сообщение о поездке большой новгородской делегации, включавшей представителей разных групп населения, к князю Ростиславу, приехавшему в Великие Луки, на «поряд», т. е. для заключения соглашения¹²⁵. Далее ничего не говорится ни о содержании, ни о результате переговоров. Указание летописца, что Ростислав в Луках «ся разболе», создает у читателя впечатление, что переговоры ни к чему не привели. Но совсем иную картину рисует известие Ипатьевской летописи,

¹²¹ НПЛ. С. 31.

¹²² ПСРЛ. Т. I. Стб. 351.

¹²³ Там же. Т. II. Стб. 518.

¹²⁴ НПЛ. С. 31.

¹²⁵ Там же. С. 32.

восходящее к киевскому летописанию Ростислава Мстиславича. Ростислав был обеспокоен тем, что «не добре живяху новгородци» с его сыном, и поэтому пригласил и новгородцев, и сына приехать в Луки. И здесь «целоваше новгородци хрест к Ростиславу на том, яко же им имети сына его собе князем, а иного князя не искати, оли ся с ним смертью разлучити»¹²⁶. Это известие представляет интерес не только потому, что сообщает о результатах переговоров под Луками, но и потому, что подтверждает более раннее известие о заключении договора, предусматривавшего пожизненное княжение Святослава Ростиславича в Новгороде. Обеспокоенный судьбой сына, тяжело болевший Ростислав добился от новгородцев подтверждения ими более раннего договора. Поскольку позднее он не соблюдался, неудивительно, что новгородский владычный летописец о нем умалчивает.

Смерть Ростислава, последовавшая вскоре после этого, развязала руки новгородцам, и княжению Святослава в Новгороде пришел конец. По сообщению Новгородской Первой летописи, Святослав сам выехал на Луки, откуда заявил новгородцам: «не хочу у вас княжити». После этого новгородцы, «целовавше святую Богородицю», также заявили, что не признают его своим князем¹²⁷.

Существенно иначе изображена ситуация в Ипатьевской летописи¹²⁸. Святослав узнал, что новгородцы собираются на вече «в таине по двором» и хотят его арестовать. Святослав решил обсудить положение со своей дружиной. В уста дружинников летописец вложил два существенных для нашей темы высказывания. Во-первых, узнаем, что новгородцы «хрест целовали вси по отни смерти», т. е. заключенные соглашения были еще раз подтверждены после смерти Ростислава. Это сообщение позволяет объяснить, почему, отвергая Святослава, новгородцы «целоваше Святую Богородицю». Именно таким целованием был скреплен договор о возведении Святослава на княжение, и для его публичной отмены необходим был соответствующий обряд. Во-вторых, если ранее в Ипатьевской летописи

¹²⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 528—529.

¹²⁷ НПЛ. С. 32.

¹²⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 537.

говорилось лишь о нарушении присяг по отношению к Святославу, то теперь в уста дружинников летописец вкладывает слова: «обаче неверни суть всегда ко всем князем». Таким образом, здесь уже налицо попытка создать в общественном сознании пейоративный образ новгородцев, которые всегда нарушают свои обязательства по отношению ко всем князьям. Высказывания дружинников заканчиваются словами: «промышляимы о собе», пока не «начнуть о нас людие промышляти». Очевидно, следуя таким советам, Святослав и поспешил уехать из Новгорода.

На этом прерывается цепь известий о новгородских делах в Ипатьевской летописи. Лаврентьевская летопись также не уделяет им внимания, хотя в развернувшихся событиях Андрей Боголюбский сыграл не последнюю роль. Единственный источник — Новгородская Первая летопись — в силу своей очевидной тенденциозности может быть привлечена для реконструкции событий лишь с большими оговорками.

Ход последующих событий никак не подтверждает утверждение летописца об отказе Святослава от новгородского стола, так как вслед за выездом Святослава из Новгорода началась война, в которой его поддерживали братья, смоленские князья. Кроме того, он «иде на Волгу и вда ему Андреи помощь». Против Новгорода сложилась коалиция, состоявшая из Андрея Боголюбского, смоленских и полоцких князей, подвергшая Новгород блокаде. Очень важно свидетельство летописца, что союзники силой навязывали Святослава новгородцам, заявляя: «нету вам князя иного разве Святослава»¹²⁹. Это свидетельство ясно показывает, что союзники требовали от Новгорода выполнения договора, заключенного с Ростиславом и неоднократно скрепленного присягами новгородцев. Этим, очевидно, объяснялось (с формальной стороны) и вмешательство Андрея Боголюбского: он был одним из участников (и гарантов?) соглашения, по которому Святослав в 1167 г. вернулся на княжение в Новгород.

Война продолжалась, и в 1169 г. последовал поход на Новгород. Цель этого похода в свете приведенных выше известий представляется ясной: новгородцев хотели заставить соблюдать договор. Состав

¹²⁹ НПЛ. С. 32.

участников похода был очень широким — помимо войск Андрея Боголюбского и смоленских князей в нем приняли участие рязанские и полоцкие князья¹³⁰. Была предпринята попытка очень серьезного воздействия на Новгород, которая, как известно, не привела к успеху.

С этим событием связано рассуждение, которое сопровождает рассказ о походе в Лаврентьевской и в Ипатьевской летописях. В Ипатьевской очевидны следы дополнительной работы над текстом, принадлежащие, возможно, составителю Киевского свода 1200 г.

Рассуждение начинается с тезиса, который автор затем старательно опровергает: «прави суть Новгородци, яко издавна суть свобоже ни Новгородци прадеды князь наших»¹³¹. Этот факт явно показывает, что действия Андрея и его союзников не вызвали общего одобрения и их приходилось обосновывать и оправдывать. Аргумент противников состоял в том, что новгородцы «издавна» обладают правом избирать себе князей и никто не вправе навязывать им своего кандидата. При этом обнаруживается и отсутствующее в новгородской традиции объяснения происхождения этого права: его пожаловали новгородцам прадеды ныне живущих князей, т. е. сыновья Ярослава Мудрого. В княжеской среде сохранились и более конкретные представления на этот счет. В Ипатьевской летописи сохранилось описание похорон княжившего в Новгороде кн. Мстислава Ростиславича (1179 г.), в его составе читается плач новгородцев, восхваляющих его за победы над угрожавшими Новгородской земле «погаными». Он принес «толикоюу свободоу Новгородьцем от поганых, яко же и дед твои Всеволод свободил ны бяше от всех обид»¹³². Из предков Мстислава Ростиславича имя Всеволод носил только Всеволод Ярославич, третий сын Ярослава Мудрого. Определенный элемент истины в этом был, так как, как показал В. Л. Янин, именно в правление Всеволода установилась практика выбора новгородцами посадника, соправителя князя¹³³. Всеволод был прямым предком и Андрея Боголюбского, и смоленских князей, сыновей Ростислава Мстиславича.

¹³⁰ Наиболее подробный список участников: НПЛ. С. 33.

¹³¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 362. Т. II. Стб. 561.

¹³² Там же. Т. II. Стб. 610.

¹³³ Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 83—84.

Автор рассуждения не опровергал этого тезиса. Очевидно, во второй половине XII в. он считался общепринятым. Он лишь противопоставлял ему свои доводы. Они состояли в том, что предоставленное новгородцам право выбирать князей не дает права нарушать заключенные договоры: «крест честными целовавши, то преступати», а самих князей «соромляти». В тексте Ипатьевской летописи эти утверждения усилены. Здесь говорится, что новгородцы нарушают присягу, так как «злое неверьство в них вкоренилося», и об их обычае князей не только «соромляти», но и «обеществовати»¹³⁴. Употребленные выражения особенно ясно показывают, что такое обращение новгородцев со своими князьями воспринималось членами княжеского рода, как оскорбление их чести. Все это находится в полном соответствии с высказываниями о новгородцах в более ранних известиях Ипатьевской летописи; но, если ранее эти высказывания были вложены в уста действующих лиц, то теперь летописец излагал их от себя, как общеизвестную истину. Рассмотренные известия рисуют напряженную картину отношений княжеской власти и новгородского веча. Признавая существование новгородского веча и его право избирать князей, князья рассматривали это право как акт «милости» со стороны княжеского рода и требовали соблюдения Новгородом обязательств, взятых им на себя по соглашениям с отдельными членами этого рода. В общественном сознании кругов, связанных с княжеской властью, утверждался отрицательный образ новгородцев, не желающих или не способных исполнять свои обязательства.

Вместе с тем некоторые записи Новгородской Первой летописи говорят о том, что новгородская городская община нуждалась в официальном признании своих прав и порядков со стороны княжеской власти. Так, сообщая под 1196 г. о заключении мира между Всеволодом Большое Гнездо и черниговскими князьями, летописец записал, что при этом «Новгород выложиша вси князи в свободу, где им любу ту же собе князя поймають»¹³⁵. Запись показывает, что в Новгороде придавали этому значение.

¹³⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 561.

¹³⁵ НПЛ. С. 43.

Еще более интересна запись того же источника под 1209 г. В этом году новгородское войско участвовало в походе Всеволода Большое Гнездо на Рязанскую землю. Из Коломны Всеволод отпустил новгородских воинов и «вда им волю всю и уставы старых князь, его же хотеху новгородьци»¹³⁶. В сообщении для нас много неясного, так как непонятно, о каких «уставах» идет речь. Ясно, однако, что речь идет о каких-то более ранних правовых актах, которые Всеволод должен был подтвердить. Ясно, что это подтверждение имело для новгородцев значение, раз его специально отметил владычный летописец.

Из разобранных выше свидетельств ясно, каково было отношение правителей Ростовской земли к новгородскому вечу, его решениям и действиям, и какие воззрения противопоставлялись новгородской точке зрения. Обработка владимирских записей 70-х гг. XII в. княжеским летописцем позволяет выяснить, что противопоставляли правители и их окружение воззрениям собственных подданных.

А. Н. Насонов убедительно выделил одну такую вставку в более ранний текст владимирских записей¹³⁷. В первоначальной записи без каких-либо комментариев отмечалось, что на съезде под Владимиром было принято решение предложить ростовский стол Ростиславичам, племянникам Андрея Боголюбского. Во вставке указывалось, что, поступив так, участники съезда нарушили присягу («крестное целование»), по которой после смерти Юрия Долгорукого ростовский стол должны были занять младшие сыновья Михалко и Всеволод, но после смерти Юрия они посадили на стол Андрея, «а меньшая выгнаша». После смерти Андрея они нарушили присягу вторично¹³⁸. Здесь налицо уже знакомый мотив — общество должно выполнять обязательства, взятые им на себя по отношению к обладателю княжеского сана. Вместе с тем в этих высказываниях налицо и другая мысль — именно князь, глава княжеского рода может по праву распоряжаться судьбой княжеского стола.

Таким образом, законными правителями Ростовской земли должны были стать Михалко и Всеволод в силу присяги, принесенной Юрию

¹³⁶ НПЛ. С. 50.

¹³⁷ Насонов А. Н. История... С. 159—160.

¹³⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 372.

Долгорукому. Далее, однако, указываются и другие обоснования прав Михалки на ростовский стол. Как представляется, в Лаврентьевской летописи совсем не случайно указывалось, что, когда члены княжеского рода поехали из Чернигова в Ростовскую землю, они «давше старейшинство Михалку»¹³⁹, т. е. признали его старшим среди членов княжеского рода. Из приведенных выше владимирских записей ясно, что владимирцы пытались добиться соглашения с утвердившимися в ростовской земле Ростиславичами, и когда все их усилия оказались безрезультатными, они обратились к Михалку. Однако далее в уста владимирцев летописец вкладывает слова: «ты еси старей в братьи своеи, поиди Володимерю»¹⁴⁰. Тем самым оказывалось, что Михалко имеет законное право на власть как старший член рода, и это право признает само общество в лице владимирцев, которые, как говорится далее в летописном рассказе, «яшася за правду крепко»¹⁴¹. Победу Михалка над его противниками княжеский летописец сопровождал следующим комментарием: «Богу наказавшю князии, креста честнаго не преступати и старейшаго брата чтити, а злых человек не слушати»¹⁴². Младшие члены княжеского рода не захотели признать законных прав «старейшего брата» на власть в Ростовской земле и были за это наказаны Богом.

Если ростовцы полагали, что они обладают правом выбрать себе князем кого-либо из членов княжеского рода, руководствуясь доброй славой их или их предков¹⁴³, то в высказываниях княжеского летописца проводится другая линия — не дело подданных распоряжаться княжеским столом, законное право на власть принадлежит старшему из княжеского рода, которому подданные к тому же ранее по приказу его отца принесли присягу на верность. Стоит отметить, что, по свидетельству летописи, после смерти Михалка владимирцы «целоваша крест ко Всеволоду брату Михалкову и на детех его»¹⁴⁴. Перед нами

¹³⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 373.

¹⁴⁰ Там же. Стб. 375.

¹⁴¹ Там же. Стб. 378.

¹⁴² Там же. Стб. 377.

¹⁴³ Летописец приводит слова ростовских послов, обращенные к Ростиславичам: «отец ваю добр был, коли княжил оу нас» (Там же. Стб. 372).

¹⁴⁴ Там же. Стб. 380.

важный шаг, явно направленный на то, чтобы серьезно ограничить попытки подданных распоряжаться княжеским столом.

Стоит отметить, что, если черниговский летописец признавал право «киян» собирать вече и обращаться к князю со своими требованиями, то для владимирского летописца все действия ростовцев с самого начала объявляются незаконными. Вероятно, не случайно во время длительного правления Всеволода Большое Гнездо летопись не упоминает о созыве вечевых собраний в городах Северо-Восточной Руси.

Чтобы закончить рассмотрение темы взаимоотношений княжеской власти с разными слоями светского общества, принимавшими участие в политической жизни, и осмысления этих взаимоотношений в общественном сознании, следует остановиться на ряде известий Ипатьевской летописи о событиях, происходивших в Галиче в последние десятилетия XII в. Возможно эти известия восходили к использованному в Киевском своде галицкому источнику, существование которого допускал М. Д. Приселков¹⁴⁵. От других летописных текстов эти известия отличаются некоторыми формальными особенностями. Бояре упоминаются в них один раз, «мужи переднии» — один раз¹⁴⁶. Составитель этих известий пользуется двумя терминами — «галичане» и «мужи галицкие». Термин «галичане» обозначает жителей Галича, термин «мужи галицкие» неоднократно выступает в таких контекстах, где речь идет именно о знати¹⁴⁷.

Главное, однако, заключается в том, как в этих известиях характеризуются отношения знати с носителем княжеской власти. Как видно из сказанного выше, в тексте и Ипатьевской и Лаврентьевской летописей сохранились свидетельства об организации боярами выступлений, направленных на ослабление княжеской власти. В этих свидетельствах такие выступления бояр резко осуждаются. Иную картину мы видим в галицких известиях.

В первом из них говорится о том, что галицкий князь Ярослав Осмомысл завел любовницу Настаску и игнорировал свою жену,

¹⁴⁵ Приселков М. Д. История... С. 54.

¹⁴⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 524, 564.

¹⁴⁷ Примером могут служить обращенные к князю Ярославу слова «галицких мужей», что его отец их «кормил и любил» (Там же. Стб. 466).

дочь Юрия Долгорукого. Княгиня Ольга в знак протеста выехала в Польшу, вместе с ней Константин Серославич, воевода, обычно командовавший в походах галицким войском, а также «мнози бояре». Она возвратились, когда на их сторону встала «ина дружина». В результате Настаска была сожжена на костре, «а князя водивше ко кресту, яко ему поимети княгиню въ правдоу»¹⁴⁸. Рассказ представляет особый интерес тем, что в нем как главная движущая сила выступает не городская община (хотя бы и под руководством бояра), а непосредственно сами бояре. Оценка их действий очевидно положительная. Своими действиями они заставляют отступившего от норм князя встать на правильный путь.

Далее читаем, что «моужи Галичкыи», нарушив присягу Осмомыслу, данную перед смертью, не допустили на трон сына Настасьи Олега, а передали трон сыну Ольги Владимиру¹⁴⁹. Эти действия «мужей» летописец не осуждает. Владимир, говорится далее, оказался плохим человеком и плохим правителем. Он совершал насилия над женщинами, отобрал жену у священника и жил с ней, пьянствовал и «доумы не любяшеть с мужми своими»¹⁵⁰. Не возражая против этих обвинений, летописец фактически оправдывал действия галицких мужей, которые «совокоупивше полкы своя и оутвердишеся крестом, и востаха на князь свои»¹⁵¹, и он был вынужден бежать в Венгрию.

Отмеченные особенности этих известий позволяют сделать вывод, что в самой западной из земель Руси — Галицком княжестве знать выступает уже как самостоятельная политическая сила, уже не связанная с городской общиной и не опирающаяся на ее поддержку, и здесь появляются тексты, обосновывающие право знати наставлять князей на путь истинный, а то и лишать их власти, если их поведение не соответствует их сану.

Следует остановиться теперь на том, как осмыслились общественным сознанием отношения власти с такой важной частью древнерусского общества, как духовенство.

¹⁴⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 564.

¹⁴⁹ Там же. Стб. 657.

¹⁵⁰ Там же. Стб. 659—660.

¹⁵¹ Там же. Стб. 660.

Следует сразу отметить, что на основании доступных источников тема полностью раскрыта быть не может, так как наши главные для этого периода источники, Лаврентьевская и Ипатьевская летописи, хотя и написаны, вероятно, духовными лицами, отражают взгляд на происходившие события различных княжеских дворов, фиксируют те факты из деятельности церкви, которые представляли для этих дворов интерес, и летописцы освещали эти факты в нужном для этих дворов духе. Это постоянно следует иметь в виду при анализе их свидетельств. Иные трудности возникают при анализе Новгородской I летописи — это владычная летопись, описывающая действия новгородских владык и отражающая их взгляд на события. Но хорошо известные особенности положения новгородской кафедры не дают возможности рассматривать наблюдения над текстом этого источника как отражение неких типичных черт в положении церкви и восприятии этого положения обществом.

При участии духовенства в важных событиях общественной жизни оно неизменно называется на первом, почетном месте. При въезде князя, героя повествования в новую столицу постоянно указывается на его торжественную встречу местным духовенством. Очевидно, участие духовенства в такой публичной церемонии было своеобразным актом легитимации его власти.

Целый ряд текстов считает важной чертой хорошего правителя его особую заботу о духовенстве. Так, уже в некрологе Мономаху в Лаврентьевской летописи читаем, что он строил и украшал церкви, «чтяшеть же излиха чернечский чин и поповский, подавая им иже на потребу и принимая от них молитвы»¹⁵². Там же читаем, что Андрей Боголюбский «по смерти отца своего велику память сотвори, церкви украси и монастыри постави»¹⁵³. Эта скупая запись получила подробное развитие в некрологе Андрея Боголюбского, содержавшем подробное описание воздвигнутых и украшенных им храмов. Здесь же указывалось, что он «кормитель бяшеть чернцем и черницам... яко возлюбленыи отец бяшеть»¹⁵⁴. Тема заботы о духовенстве занимает

¹⁵² ПСРЛ. Т. I. Стб. 294.

¹⁵³ Там же. Стб. 348.

¹⁵⁴ Там же. Т. II. Стб. 580 и сл.

видное место и в некрологах смоленских князей в составе киевского свода Рюрика Ростиславича. Так, в некрологе князя Мстислава Ростиславича читаем, что князь действовал, «монастыре набдя, чернце оутешивая и все игоумены оутешивая и с любовию приимая и взимая оу них благословение и мирския церкви набдя и попы, весь святительскои чин»¹⁵⁵. С явным одобрением отмечается приглашение князем духовенства на обед. Так, Давыд смоленский, прибыв в Киев, «позва монастыре вся на обед и бысть с ними весел и милостыню сильну раздава им»¹⁵⁶. Богоугодным делом считалась раздача после смерти князя его имущества духовным лицам. Так, после смерти князя Вячеслава Владимировича его «порты, и золото, и серебро» были розданы «по монастырем и по церквам по затвором»¹⁵⁷. Ярослав Осмомысл перед смертью также «повеле раздавати имение свое монастырем... и тако даваше по всемоу Галичю по три дни»¹⁵⁸.

Эти свидетельства представляют интерес как изображение желательной для княжеской власти модели отношений между княжеской властью и духовенством: князь строит и украшает храмы, обеспечивает духовных лиц дарами и доходами, а они в свою очередь отвечают на эту заботу молитвой и благословением. Заслуживает внимания, что во всех этих текстах как объект заботы наряду с духовными лицами постоянно выступают убогие и нищие.

Учитывая круг интересов княжеских летописцев, те события, которые привлекали их внимание, можно попытаться выяснить, какова была в их изображении роль церкви в военно-политических конфликтах, резко усилившихся с политическим распадом Древнерусского государства.

К первому этапу усобиц, ознаменовавшемуся масштабной войной 1135—1136 гг., относится свидетельство Ипатьевской летописи, что после второго крупного столкновения враждующих сторон был

¹⁵⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 610—611. Наиболее подробный из ряда сходных по содержанию текстов.

¹⁵⁶ Там же. Стб. 682. См. записи о пирах, устраивавшихся для киевского духовенства Рюриком Ростиславичем (Там же. Стб. 634, 706—707).

¹⁵⁷ Там же. Стб. 473.

¹⁵⁸ Там же. Стб. 657.

заключен мир, «ходячю ме(ж)имичестному Михаилу митрополиту»¹⁵⁹. Обращает на себя внимание краткость этого упоминания, очевидно, что выступлению митрополита не придавалось особого значения. Характерно, что в параллельный текст Лаврентьевской летописи это упоминание не попало. При последующем, еще более масштабном столкновении о каком-либо участии митрополита уже не говорится.

Следующий этап усобиц сопровождался вовлечением духовных иерархов в столкновения между князьями, отсюда появление в летописных текстах, связанных с определенными центрами, отрицательных суждений в адрес иерархов иной политической ориентации. В Киеве сидел митрополит Климент Смолятич, занявший митрополичий стол при поддержке занявшего Киев волынского князя Изяслава Мстиславича без санкции Константинополя и при оппозиции части епископов. Такого митрополита противники Изяслава не только не признавали, но и приписывали ему недостойные деяния. Так, в тексте, восходящем, очевидно, к летописцу Святослава Ольговича, в среде, где считали святым его брата Игоря, убитого киевлянами, сторонниками Изяслава, читаем, что когда над телом убитого стали происходить чудесные «знамения», то митрополит, когда ему о них сообщили, «запрети» об этом говорить, «повеле потаити такую благодать»¹⁶⁰. К этому же летописцу восходит сообщение о торжественной присяге в соборе Св. Спаса черниговских князей Изяслава и Владимира Давыдовичей их двоюродным братьям, Игорю и Святославу Ольговичам. При этой особо торжественной присяге черниговский епископ Онуфрий сказал своим священникам: «Аще кто сего крестна целования съступитъ, а проклят будет господскими 12 празникома»¹⁶¹. Очевидно, епископ участвовал в соглашении между князьями. Но при этом обращает на себя внимание, что, когда в дальнейшем Давыдовичи нарушили договор, летописец ничего не сообщает о реакции на это епископа. Перед нами материал к отрицательной оценке епископа, связанного, как видно из других летописных свидетельств, с Изяславом и его митрополитом.

¹⁵⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 299.

¹⁶⁰ Там же. Стб. 354.

¹⁶¹ Там же. Стб. 324.

Прямое сообщение об участии церковного иерарха в политической жизни восходит, возможно, к летописным записям, сделанным в Переяславле Русском, следы которых обнаруживаются в тексте и Ипатьевской, и Лаврентьевской летописей. Здесь читаем, что переяславский епископ Евфимий призывал Изяслава примириться с Юрием Долгоруким и положить конец войне: «много спасение приимеши от Бога и землю свою избавиши от великия беды». Изяслав отказался, «надеяся на множество вои», но потерпел поражение и вынужден был покинуть Киев¹⁶². Такой исход событий был веским подтверждением справедливости предостережений Евфимия.

Эта запись показывает епископа как человека, стремящегося установить мир и прекратить кровопролитие. Перед нами, однако, единственное свидетельство такого рода, относящееся к эпохе ожесточенной борьбы за Киев в 40—50-х гг. XII в. Остается неясным, был ли это единственный поступок такого рода, или он известен потому, что дал возможность летописцу Юрия Долгорукого, пришедшего в конце концов на киевский стол, бросить тень на его противника.

Известия, относящиеся к этому времени, позволяют сделать одно важное наблюдение. Декларации о необходимости окружать духовенство заботой и вниманием вовсе не гарантировали сохранности церковного имущества во время войн между князьями. Так, в летописце Святослава Ольговича читаем, что в селе, принадлежавшем его брату Игорю, враги «повелеста зажечи двор и церковь святого Георгия», а на княжеском дворе в Путивле «церковь святого Възнесения всю облоупиша», вынесли из нее всю церковную утварь, книги и колокола¹⁶³. В Городце Остерском, владении Юрия Долгорукого, его врагами была сожжена («пожгоша») «божница» св. Михаила¹⁶⁴. Подобные посягательства на храмы и их имущество можно проследить и в источниках более позднего времени. Так, во владимирских летописных записях читаем рассказ под 1177 г., как князь Глеб рязанский разграбил храм, поставленный Андреем Юрьевичем в Боголюбове, и «многы церкви запали огнем»¹⁶⁵. Разумеется,

¹⁶² ПСРЛ. Т. I. Стб. 322; Т. II. Стб. 380.

¹⁶³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 333—334.

¹⁶⁴ Там же. Стб. 446.

¹⁶⁵ Там же. Т. I. Стб. 383.

в летописных текстах такие поступки осуждаются. Последующие поражение и пленение Глеба летописец рассматривал явно как проявление божественного возмездия¹⁶⁶. Однако все эти высказывания принадлежат пострадавшей стороне. Между тем, очевидно, что покушавшиеся на церковное имущество как-то оправдывали свои действия. Очевидно, храм, находившийся под патронатом враждебного князя, рассматривался как часть вражеского имущества, и это давало право им овладеть. Такое объяснение подсказывают сами летописные тексты. Так, в летописце Святослава Ольговича рассказ о разграблении княжеского двора в Путивле и находящейся на этом дворе церкви заканчивается словами: «и не оставиша ничто же княжа»¹⁶⁷. При этом страдали не только приходские храмы. В рассказе о занятии войсками Изяслава Мстиславича Киева в 1146 г. читаем: «взяша именья много в домех и в монастырех»¹⁶⁸. При этом и сами духовные иерархи не были ограждены от посягательств. Так, Изяслав Мстиславич, отобрав у дяди Вячеслава Туров, как указано в Лаврентьевской летописи, «и посадники, исковав, приведе и туровьского епископа Якима»¹⁶⁹. Стоит отметить, что этот акт насилия не сопровождается в летописном повествовании какими-либо комментариями.

Исследователь после рассмотрения этих свидетельств сталкивается с серьезной проблемой, соответствует ли обрисованная картина подлинным событиям или мы имеем дело с ее искаженным княжескими летописцами изображением, а в действительности епископы постоянно добивались прекращения усобиц. Представляется, что, если бы дело обстояло таким образом, в отношениях духовной и светской власти возникли бы конфликтные ситуации, которые княжеские летописцы, очень внимательные, как увидим, к подобной теме, не могли бы обойти. Поэтому, скорее всего, мы действительно имеем дело с

¹⁶⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 384—385.

¹⁶⁷ Там же. Т. II. Стб. 334.

¹⁶⁸ Там же. Стб. 328.

¹⁶⁹ Там же. Т. I. Стб. 314. В параллельной записи Ипатьевской летописи слова «исковав, приведе» отсутствуют (ПСРЛ. Т. II. Стб. 330). Очевидно, в конфликте с Изяславом епископ и посадники поддерживали своего князя.

отдельными попытками вмешательства, которые не смогли серьезно повлиять на ход событий.

Такое положение дел можно было бы объяснить упадком авторитета митрополичьей кафедры после поставления Климента Смолятича и возникшими после этого резкими разногласиями среди епископов. Однако и позднее, когда церковный кризис миновал и восстановилась привычная система церковных связей, известные нам источники почти не отмечают усилий митрополита и других церковных иерархов, направленных на прекращение междоусобных войн. Одно из немногих свидетельств содержится в Ипатьевской летописи. Здесь говорится, что новгородский епископ Аркадий убедил князя Ростислава Мстиславича отказаться от похода на Полоцк¹⁷⁰. За последующие годы сохранился ряд свидетельств об участии духовных лиц в сношениях между князьями. Так, в 1178 г. князь Святослав Всеволодович послал к Всеволоду Юрьевичу суздальскому черниговского епископа ходатайствовать об освобождении пленных рязанских князей, его родственников, и Всеволод держал его у себя в течение двух лет¹⁷¹. Возможно, конечно, что епископ взялся за эту миссию, желая помочь попавшим в беду людям и сохранить мир, но столь же возможно, что в данном случае он выполнял поручение князя, которому надоели своими просьбами его родственники. Более определенные свидетельства о воздействии духовного иерарха на междукняжеские отношения относятся к правлению митрополита Никифора II. Так, рассказывая о захвате венгерским королем Галицкой земли, летописец отмечает, что митрополит говорил киевским князьям Святославу и Рюрику: «се иноплемьеници отъяли отчину вашу, а лепо бы вы потрудились», и после этого князья пошли походом к Галичу¹⁷². Очевидно, что вмешательству митрополита летописцем придавалось важное значение. Митрополит выступает здесь как защитник целостности «Русской земли», которую следует освободить от власти «иноплеменников». Вместе с тем обращает на себя внимание, что митро-

¹⁷⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 496. Любопытно, что в новгородской владычной летописи этот факт не отмечен.

¹⁷¹ Там же. Стб. 606. Лаврентьевская летопись об этом посольстве не упоминает.

¹⁷² Там же. Стб. 663.

полит призывает князей освободить их вотчину, явно рассматривая Русскую землю как общее владение всех членов рода Рюрика. Не ясно, летописец так передал слова митрополита, или сам митрополит после длительного пребывания в России подпал под влияние взглядов, характерных для русской среды.

Ряд других свидетельств говорит об отношении Никифора II к междукняжеским конфликтам на русском Юге в 90-е гг. XII в. Исследователи справедливо обращают внимание на приведенные в летописи слова митрополита, обращенные к киевскому князю Рюрику Ростиславичу: «княже, мы есмы приставлены от Бога встыгивати вас от кровопролитья», чтобы не «пролить крови крестьянской в Роуской земле»¹⁷³. Здесь получает выражение точка зрения, согласно которой обязанностью духовных иерархов является удерживать князей от войн, чтобы не допустить напрасной гибели христиан в этих войнах. Это воззрение письменно фиксируется княжеским летописцем и вкладывается в уста митрополита.

Значение этого свидетельства, однако, заметно ослабляется тем контекстом, в котором оно помещено. Оно высказано митрополитом в ответ на обращение князя Рюрика, просившего помочь ему выйти из затруднений. Некогда он дал своему зятю Роману некоторые города в Русской земле и принес присягу, что они не будут отданы никому другому. Тем временем уступки этих городов стал добиваться Всеволод суздальский. Приглашенный Рюриком митрополит своей властью освободил его от присяги. Этот свой шаг митрополит обосновывал приведенными выше высказываниями. Однако само обращение киевского князя к митрополиту говорит о значении, которое приобрела митрополичья кафедра в общественной жизни Руси к концу XII в. Роман Мстиславич не согласился с передачей своих городов Всеволоду и выступил против тестя. Далее летописец рассказывает, что когда он потерпел поражение, то он обратился к митрополиту с просьбой ходатайствовать перед Рюриком, «дабы и приял к собе и гнева отдал». Затем выясняется, что ходатайство митрополита имело успех¹⁷⁴. Эти свидетельства говорят не только о росте роли и значения

¹⁷³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 684.

¹⁷⁴ Там же. Стб. 687—688.

митрополичьей кафедры при регулировании междукняжеских отношений, но и о том, что такая ее роль одобряется самими носителями светской власти. Все же следует отметить, что митрополит выступает здесь в роли ходатая и советчика, а не как лицо, по своей инициативе предлагающее князьям свои решения, направленные на защиту христианских ценностей.

В 1210 г. произошло крупное событие — приезд митрополита Матфея во Владимир на Клязьме. Митрополит, как отмечено во владимирской летописи, был «в чести и славе от великого князя и от детеи его»¹⁷⁵. Поездка эта привела к окончанию длительного масштабного конфликта между черниговскими князьями и Всеволодом Юрьевичем. Мир был скреплен браком сына Всеволода Юрия с дочерью старшего из черниговских князей Всеволода Чермного. Роль митрополита в прекращении большой ушибы очевидна. Вместе с тем замечание владимирского летописца «прислаша... митрополита Матфея Всеволод Чермныи и вси Ольговичи» не позволяет считать эту роль самостоятельной.

Тем не менее совокупность приведенных свидетельств как будто говорит о том, что роль церкви в общественной жизни Древней Руси к концу рассматриваемого периода увеличилась.

Налицо, однако, свидетельства, которые противоречат такому выводу.

Первое из них — это рассказ Ипатьевской летописи о взятии Киева в 1169 г. войсками Андрея Боголюбского и его союзников. Из этого рассказа становится известно не только о том, что сгорел ряд церквей, но и о том, что были разграблены монастыри и главные храмы Киева — Св. София и Десятинная церковь, из церквей вынесли ризы, иконы, книги и колокола, и это из Киева «изнесоша все смолняне и соуждалци и черниговци»¹⁷⁶. В основных чертах это описание подтверждается независимым свидетельством Владимирской летописи¹⁷⁷. Из этого свидетельства видно, что в походе приняли участие войска 12 князей, и все они участвовали в тотальном разграблении

¹⁷⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 435; Т. 25. С. 108 (запись, восходящая к летописанию Юрия Всеволодовича).

¹⁷⁶ Там же. Т. II. Стб. 545.

¹⁷⁷ Там же. Т. I. Стб. 354.

церковного имущества в древней столице древнерусского государства¹⁷⁸.

Записи эти заслуживают ряда комментариев. Применительно к данному случаю явно не годится объяснение, что взята часть вражеского имущества. К тому же в предшествующие годы, когда в Киеве в результате военных действий неоднократно менялась власть, здесь не происходило ничего подобного. Такое масштабное покушение на церковное имущество, хотя бы и сделанное с желанием украсить храмы в собственных землях, не может быть не принято во внимание при оценке роли церкви в обществе домонгольской Руси. Заслуживает внимания, что летописные тексты не содержат сведений о каком-либо протесте духовных лиц, в частности, находившегося в Киеве митрополита, против таких действий.

Характерно, что автор рассказа в Ипатьевской летописи, ярко описывая страдания ограбленных жителей Киева, воздержался от прямого осуждения действий князей, захвативших город. Что касается владимирского летописца, он записал, что эти действия постигли киевлян (и киевское духовенство) «за митрополичю неправду», то есть явно не находил нужным как-то оправдывать такой поступок, видя в нем заслуженное наказание, вызванное несправедливыми действиями митрополита¹⁷⁹.

Это свидетельство о том, как княжеская власть налагает руку на церковное имущество, не уникально. Вскоре после разорения города в 1169 г. захвативший его князь Ярослав Изяславич «...попрода весь Киев, игумены и попы, и черныце, и чернице»¹⁸⁰. Принудительным непосильным побором было обложено все киевское духовенство, но у летописца никакого осуждения эти действия не вызвали.

В 1203 г., по свидетельству Лаврентьевской летописи, киевское духовенство подверглось еще более жестоким гонениям, чем в 1169 г. Снова были ограблены главные храмы и монастыри, откуда вынесли церковную утварь, оклады икон, книги, но этим дело не ограничи-

¹⁷⁸ По свидетельству Новгородской I летописи, помимо смолян, черниговцев и суздальцев в походе участвовали полочане и рязанцы (НПЛ. С. 33).

¹⁷⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 545; Т. I. Стб. 354.

¹⁸⁰ Там же. Т. II. Стб. 579.

лось: старые и больные священники и монахи были перебиты, а более молодые монахи и священники с женами и детьми были угнаны в плен¹⁸¹. Правда, угнали их в плен пришедшие к Киеву половцы, но это не могло быть сделано без согласия их союзников, русских князей, организаторов похода на Киев, Рюрика Ростиславича и Ольговичей. Во владимирской летописи это событие получило самую резкую оценку: «створися велико зло в Русстеи земли, якого же зла не было от крещенья». Летописец даже сопроводил свой рассказ стихами из псалма о том, как «языци» разорили Иерусалим и иерусалимский храм. Это событие привлекло к себе внимание и новгородского владычного летописца. По содержанию его запись близка к сообщению владимирской летописи, хотя и не содержит столь же резких оценок¹⁸². Последнее свидетельство говорит о том, что ограбление киевских храмов, массовое обращение в рабство духовных лиц произвели, очевидно, сильное отрицательное впечатление на русское общество. Однако предельно острые высказывания владимирского летописца не должны скрывать того факта, что из дальнейшего повествования мы узнаем, что Всеволод «не помяноу зла Рюрикова, что есть сотворило оу Русте земли» и «да ему опять Киев»¹⁸³. Вскоре после этих событий Рюрик был отстранен от власти и насильственно пострижен в монахи своим зятем Романом Мстиславичем. Летописец, однако, не видит в этом факте возмездия за дела, совершенные Рюриком в Киеве, а, напротив, говорит о «печали» Всеволода Юрьевича по этому поводу¹⁸⁴. Таким образом, общественное осуждение насилий над духовенством в Киеве, высказанное в достаточно резких оценках, не имело таких последствий, которых можно было бы ожидать.

Для характеристики роли церкви в общественном сознании древнерусского общества представляется важным рассмотреть известия летописцев о взаимоотношениях духовных иерархов с княжеской властью и о том, как вообще оцениваются в этих источниках действия епископов.

¹⁸¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 418—419.

¹⁸² НПЛ. С. 45, 240.

¹⁸³ ПСРЛ. Т. I. Стб. 419.

¹⁸⁴ Там же. Стб. 420—421.

Церковь Спаса на Нередице под Новгородом (1199 г.)

Князь Ярослав Владимирович.
Деталь ктиторской композиции росписи церкви Спаса на Переднице

Оклад Мстиславова Евангелия.
 Кон. XI — нач. XII в. с дополнениями XII- -XVI вв.

Борисоглебский собор в Чернигове

Князь Андрей Боголюбский.
Реконструкция М. М. Герасимова

Церковь Покрова на Нерли

Важный материал на эту тему содержит отразившийся в Лаврентьевской летописи владимирский летописный источник. О правившем духовенством Ростовской земли в середине XII в. епископе Несторе из этого источника можно узнать только, что епископ Нестор был вызван митрополитом в Киев, где «лишиша ѿ епископыи»¹⁸⁵. О его преемнике, епископе Леоне, тот же источник сообщает: «выгнаша Ростовци и Суждальци Леона епископа, зане оумножил бяше церковь, грабяи попы»¹⁸⁶. Обращает на себя внимание отрицательная оценка действий епископа, а также то, что действия ростовцев и суждальцев не вызывают у летописца никакого удивления, он не находит нужным их как-то обосновывать.

Из последующего рассказа узнаем, что Леон «не по правде поставися Суждалю», когда был еще жив епископ Нестор¹⁸⁷. Далее рассказывается о том, что епископ запретил есть мясо «в господьския праздники», но во время произошедшего за тем диспута «оупре его владыка Феодор». Леон отправился в Константинополь, но и там его доводы были опровергнуты в присутствии самого императора Мануила и послов русских князей¹⁸⁸. Из дальнейшего повествования читатель мог узнать о черниговском епископе Антонии, который тоже «браняшетъ ести мяс в господьские праздники», которого князь Святослав «изверже... из епископыи»¹⁸⁹. Прямо вслед за этим сообщением читался рассказ о преемнике Леона, Феодоре, который должен был ехать в Киев на поставление. Летописец говорит о нем, как о человеке, который «именья... бе не сыт, акы ад». Он лишал людей имущества и подвергал их пыткам, от него страдали не только «простецы», но и духовные лица. Люди «Ростовьския земля» были спасены от этих мучений «рукою благочестивою царскою правдиваго и благовернаго князя Андрея»¹⁹⁰. Таким образом, иерархи все время заблуждались и правильный порядок, верное положение дел в местной церкви поддерживалось в Ростовской земле благодаря действиям

¹⁸⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 347.

¹⁸⁶ Там же. Стб. 349.

¹⁸⁷ Там же. Стб. 352.

¹⁸⁸ Там же.

¹⁸⁹ Там же. Стб. 354.

¹⁹⁰ Там же. Стб. 355—357.

княжеской власти. В этой же части повествования находится, как уже отмечалось, враждебный выпад против митрополита, также запрещавшего есть мясо и пить молоко «в господские праздники»¹⁹¹. Есть веские основания полагать, что соответствующие известия вносились в летопись по указанию князя духовными лицами, клириками находившегося под его патронатом Успенского собора¹⁹².

Обрисованная во Владимирской летописи картина окажется тем более выразительной, если учесть, что она не соответствовала подлинным историческим фактам, известным нам по посланию патриарха Луки Хрисоверга Андрею Боголюбскому. Время написания этого послания было установлено в работах П. Соколова и Н. Н. Воронина. Ими же была предложена убедительная реконструкция тех событий, о которых говорится в послании¹⁹³. Из послания узнаем, что, не удовлетворившись изгнанием епископа Леона, Андрей решил лишить его кафедры и с этой целью выдвинул против него различные обвинения. Они рассматривались собором епископов «перед великим князем всея Руси», киевским князем Ростиславом Мстиславичем. Но собор епископов отверг эти обвинения и его решением епископ Леон был «оправлен». Затем рассмотрение дела было перенесено в Константинополь, куда были принесены грамоты и Андрея, и собора епископов, и куда прибыл сам епископ. Однако разбор обвинений и здесь закончился его оправданием. В своем послании патриарх настоятельно рекомендовал князю принять обратно своего епископа, «яко отца и учителя и пастыря» и руководствоваться его указаниями в делах касающихся церкви¹⁹⁴. Андрей Боголюбский должен был подчиниться и возвести епископа Леона на кафедру. Как отмечено в Ипатьевской летописи, ростовский епископ Леон умер в

¹⁹¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 354.

¹⁹² О связи владимирского летописания времени Андрея Боголюбского с клиром Успенского собора см.: *Насонов А. Н.* История... С. 138 и сл.

¹⁹³ *Соколов П. Л.* Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV в. Киев, 1913. С. 104 и сл.; *Воронин Н. Н.* Андрей Боголюбский и Лука Хрисоверг: (Из истории русско-византийских отношений XII в.) // Византийский временник. Т. 21. М., 1962.

¹⁹⁴ Русская историческая библиотека. Т. 6. Изд. 2-е. СПб, 1908. № 3. Стб. 65—67.

1183 г., и только тогда на ростовскую кафедру был поставлен новый епископ¹⁹⁵.

Характерно, что картина событий, обрисованная книжниками Андрея, не подверглась каким-либо изменениям при его преемнике Всеволоде. В его летописании епископ Леон вообще не упоминался и даже его смерть в 1183 г. не отмечена. Рассказ о церковных иерархах начинается с известия под 1185 г., что митрополит Никифор поставил «на мзде» Николу гречина, но Всеволод добился, что епископом стал его кандидат игумен Лука. В этой связи летописец пояснял, что епископом может быть только тот, «его же князь вьсхочет и людьє»¹⁹⁶. В этой связи во владимирской летописи приводится образ достойного положительного пастыря. Подчеркивается его «кротость» и «смирение», забота о «печальных», убогих и вдовах, указывается, что он отверг «мирьскоую похоть», успешно противостоял исходящим от дьявола «стрелам и гордым помыслам»¹⁹⁷. В последующем трудностей при поставлении епископов у Всеволода не возникало, так что летописец не всегда находил нужным отмечать, что это не князь, а киевский митрополит давал епископу соответствующий сан. Так, под 1198 г. читаем, что Всеволод отправил «Павла на епископство в Русьскыи Переяславль»¹⁹⁸. Владимирский летописец содержит и сведения о церковных иерархах, с которыми Всеволод Юрьевич вступал в контакт. Здесь читаем о приезде к Всеволоду черниговского епископа Порфирия с предложением посредничества между ним и рязанскими князьями. Но, приехав в Рязань, он «инако речь извороча» к рязанским князьям, поступил «яко переветник и ложь» и ушел в Чернигов, «испольнивься срама и бещестья». Возмущенный Всеволод даже «хотяше послати по нем и яти его»¹⁹⁹. Черниговский епископ пополняет перечень недостойных иерархов на страницах Владимирской летописи. Этот источник рисует нам модель отношений светской власти и церкви как модель патерналистскую, отклонения иерархов от которой ведут к нарушениям, которые исправляются благодаря

¹⁹⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 629.

¹⁹⁶ Там же. Т. I. Стб. 391.

¹⁹⁷ Там же.

¹⁹⁸ Там же. Стб. 414.

¹⁹⁹ Там же. Стб. 404—405.

вмешательству патрона. Духовные лица, согласные придерживаться отношений такого типа, могут рассчитывать на всяческую заботу о них со стороны правителя.

Обращение к южнорусскому летописанию позволяет выявить и в нем некоторые известия, которые отражают аналогичные представления о характере отношений носителей духовной и светской власти. Так, читаем, что Ярослав Галицкий, отсылая в Константинополь Андроника Комнина, «приставив к нему пискупа своего Козму»²⁰⁰. Формулировки Владимирской летописи живо напоминает и запись: «Постави Ярослав князь епископа Илью Новугороду Великому»²⁰¹.

Вместе с тем на юге иначе оценивали конфликт Андрея Боголюбского с епископом Леоном. Здесь читаем, что после изгнания епископа князь его «възврати опять, покаявся греха того», а, рассказывая о его втором изгнании после конфликта из-за спора о возможности есть мясо в господские праздники, летописец отметил, что изгнанный епископ отправился в Чернигов к Святославу Ольговичу, который его, «оутешив добре», отпустил в Киев к Ростиславу Мстиславичу²⁰². Эти известия показывают, что и епископа было не так просто изгнать, и такие действия Андрея Боголюбского не вызывали одобрения других князей. Важно отметить, что в эти годы у Андрея не было конфликтов с южнорусскими князьями, и их сочувствие Леону не было вызвано враждебной реакцией на политические действия ростовского правителя.

Вместе с тем обращает на себя внимание, что в составе Киевского свода также не обнаруживается сообщений о соборе епископов, созванном в Киеве, и об окончании спора между Андреем Боголюбским и Леоном. Очевидно, и южнорусские княжеские летописцы не желали вносить в свои тексты описание событий, свидетельствовавших о победе церковной власти над светской. На страницах южнорусского летописания можно найти критику действий духовного иерарха не менее острую, чем на страницах Владимирской летописи. Таков восходящий, по-видимому, к черниговскому источнику Ипатьевской

²⁰⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 524.

²⁰¹ Там же. Стб. 525.

²⁰² Там же. Стб. 520.

летописи образ черниговского епископа Антония. Из этого рассказа мы узнаем, что после смерти князя Святослава Ольговича его «мужи переднии» и епископ принесли присягу ждать приезда в Чернигов его сына Олега и не извещать о смерти князя Святослава Всеволодовича в Новгороде-Северском. Далее приводятся слова тысяцкого, что не следовало брать у епископа присягу, «зане же святитель есть», и слова епископа, что мужи не должны нарушать присягу, «да не погинете душою и будете предатели, яко Июда». Далее выясняется, что епископ говорил это, «лесть тая в себе», а сам «створи злое преступление» и, нарушив присягу, послал грамоту Святославу Всеволодовичу²⁰³. У читателей летописца Святослава Ольговича и его сыновей должна была возникнуть аналогия с поведением его предшественника на черниговском столе Онуфрия. Убеждая всех в святости присяги, он, однако, не протестовал против ее нарушения. Епископ Антоний пошел еще дальше: уверяя мужей в святости присяги, он сам нарушил ее.

Для нашей темы представляет интерес, как были использованы при составлении Киевского свода записи Владимирской летописи о взаимоотношениях духовной и светской власти. В Киевский свод вошла запись об изгнании епископа Леона за то, что он «грабляи попы»²⁰⁴, и обширный рассказ о спасении людей Ростовской земли от насилий Федорца «высокою рукою» князя Андрея²⁰⁵, и восходящий к владимирским источникам подробный некролог Андрея Боголюбского с описанием его забот о храмах и духовенстве²⁰⁶. Был включен в текст свода и рассказ о споре между митрополитом Никифором и Всеволодом из-за того, кто должен занимать Ростовскую кафедру²⁰⁷. Однако, что представляет особый интерес, текст владимирского известия подвергся определенной правке. Так, были сняты обвинения в том, что митрополит своего кандидата поставил «по мзде», был снят комментарий владимирского летописца, что епископом может быть лишь тот, «его же князь въсхочет и людье». Однако в другой части

²⁰³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 522—523.

²⁰⁴ Там же. Стб. 493.

²⁰⁵ Там же. Стб. 551—554.

²⁰⁶ Там же. Стб. 581—583.

²⁰⁷ Там же. Стб. 629—630.

рассказа тенденция владимирского рассказа была резко усилена. Если во владимирской записи просто указывалось, что князь не хотел принять ставленника митрополита, то в Ипатьевской летописи читаются слова Всеволода: «не избраша сего людье земли наше, но еже еси поставил, ино камо тебе годно, тамо же и де(р)жи». Во владимирской записи просто указывалось, что митрополит выполнил желание Всеволода, а в Ипатьевской летописи читаем, что митрополит вынужден был так поступить «неволею великою Всеволода и Святославлею», киевского князя Святослава Всеволодовича, т. е. южнорусский источник нашел нужным уточнить, что Всеволода поддержал киевский князь и они вместе принудили митрополита.

Очевидно, модель патроната светской власти над церковью была не чужда и составителям Киевского свода. Об этом же говорит и характер записей летописца о назначениях на епископские кафедры при князе Рюрике Ростиславиче. Так, здесь указано, что Рюрик после смерти белгородского епископа «в него место постави епископом отца своего духовнаго», игумена Выдубицкого монастыря²⁰⁸.

Как можно видеть из предшествующего изложения, на страницах Ипатьевской и Лаврентьевской летописей мы находим целый ряд отрицательных образов духовных иерархов, которым противостоит лишь положительная характеристика ростовского епископа Луки, главными качествами которого были кротость, смирение и забота об убогих.

Кроме духовных иерархов, на страницах Ипатьевской летописи как важные фигуры общественной жизни фигурируют почитаемые подвижники. Так, под 1128 г. рассказывается об игумене монастыря св. Андрея Григории, которого почитал сам Владимир Мономах, который, «свьзкупивше сбор иереиский», убедил сына Мономаха Мстислава отказаться от войны с Черниговом²⁰⁹. В рассказе отмечается, что он был «чтен от всих людеи». Другой человек, пользовавшийся уважением, — игумен Киево-Печерского монастыря Поликарп, с которым часто советовался киевский князь Ростислав

²⁰⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 666.

²⁰⁹ Там же. Стб. 291.

Мстиславич²¹⁰. Владимирский летописец выражал свои симпатии игумену, пострадавшему от митрополита²¹¹. Смерть «блаженного» Поликарпа в 1182 г. отмечена в летописи как важное событие²¹². Если такие известия неоспоримо говорят о существовании таких почитаемых подвижников, то вместе с тем очевидно, что нельзя говорить об их систематическом вмешательстве в общественную жизнь. Не знает фактов такого вмешательства и сохранившееся в составе Киево-Печерского патерика краткое житие постригшегося в Киево-Печерском монастыре князя-инока Николая Святоши.

Картину отношений, которую рисуют княжеские летописи, следует сопоставить с той картиной, которую рисует составленная при новгородской кафедре владычная летопись. В повествовании Синодального списка Новгородской первой летописи епископы занимают видное место, каких-либо критических выпадов по их адресу нет. Очевидно стремление летописцев помещать систематические сведения о своих патронах. Большая часть этих сообщений говорит о стараниях новгородских владык строить и украшать храмы в Новгороде и других местах, постоянно сообщается и об освящении ими церквей. Другой, гораздо менее многочисленный слой известий говорит о поездках «владыки» с «передними мужи», которых «послаша» новгородцы, чтобы пригласить того или иного князя на новгородский стол. О какой-либо самостоятельной роли епископов при осуществлении этих поездок источники говорить не позволяют.

Из общего ряда таких поездок выделяются две миссии. Одна связана с деятельностью епископа Нифонта. В 1148 г. он ездил к Юрию Долгорукому «мира деля». Он добился освобождения купцов и пленных, но достижения мира добиться не удалось²¹³. В 1172 г. другой новгородский архиерей, Илья, ездил к Андрею Боголюбскому во Владимир «на всю правдоу»²¹⁴. В этих двух случаях можно говорить о самостоятельных действиях епископов, но не исключено, что они выполняли решения, принятые новгородским вечем.

²¹⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 529—531.

²¹¹ Там же. Т. I. Стб. 354.

²¹² Там же. Т. II. Стб. 626—627.

²¹³ НПЛ. С. 28.

²¹⁴ Там же. С. 34.

Жизнь Новгорода XII в. изобиловала сменами внешнеполитических ориентаций и сопутствовавшими этим переменам внутривнутриполитическими переворотами. Владычная летопись ни разу не отмечает какое-либо участие новгородских владык в этих событиях. Единственный поступок, который мог бы быть упомянут в этой связи, относится к 1209 г. Архиепископ Митрофан запретил сбрасывать с моста тело мертвого Дмитра Мирошкинича²¹⁵, но данный шаг мог диктоваться просто стремлением архиерея добиться соблюдения норм христианской морали.

В какой мере вообще новгородские архиереи могли позволить себе самостоятельные действия? Есть основания полагать, что во время церковной смуты середины XII в. Новгород и Нифонт оказались на разных позициях. Новгород ориентировался на союз с Изяславом Мстиславичем волынским против Юрия Долгорукого, а Нифонт не пожелал признать законность власти его митрополита Климента Смолятича, поставленного без санкции константинопольского патриарха. Когда Нифонт был вызван в Киев и там задержан, новгородцы не предприняли каких-либо действий в защиту своего владыки. Владычная летопись, четко излагая позицию Нифонта, избегает каких-либо выпадов против новгородцев²¹⁶. Когда Нифонт, освобожденный из заключения Юрием Долгоруким, в 1156 г. поехал в Киев, чтобы встретить нового митрополита из Константинополя, в Новгороде «мнози глаголаху, яко, полупив святую Софию, пошль Цесарюграду»²¹⁷. В некрологе Нифонту владычному летописцу пришлось доказывать необоснованность таких утверждений.

Есть основания полагать, что возможность самостоятельных действий новгородских владык оказалась сильно ограниченной, когда после смерти Нифонта установилась практика выбора епископов на вече. В 1210 г., когда архиепископ Митрофан чем-то вызвал недовольство новгородцев и их князя Мстислава, по свидетельству владычной летописи, ему не дали оправдаться и сослали его в Торопец, а на кафедру был возведен новый владыка Антоний, который

²¹⁵ НПЛ. С. 51.

²¹⁶ Там же. С. 28.

²¹⁷ Там же. С. 29.

без затруднений был поставлен в Киеве²¹⁸. Новгородцы, таким образом, сумели добиться того, чего не удалось ранее добиться Андрею Боголюбскому.

Таким образом, и Новгородская владычная летопись рисует нам картину отношений, когда деятельность архиерея ограничена его чисто церковными обязанностями, хотя это не исключает выполнения им каких-то важных поручений новгородских властей, связанных с отношениями Новгорода с соседями. Различие состоит в том, что место патрона занимает здесь не князь, а городская община, собирающаяся на вече.

Как представляется, церковь готова была согласиться с таким типом отношений при условии, что светская власть не будет вмешиваться в ее деятельность. Княжеское летописание не уделяло внимания этой стороне дела, однако из содержания его известий определенно следует, что ростовский епископ Леон и черниговский епископ Антоний настаивали на своем праве решать, можно ли есть мясо и пить молоко во время господских праздников. В сохранившемся проложном житии Кирилла Туровского, вероятно, не случайно отмечено, что он обращался к Андрею Боголюбскому с посланиями «от евангельских и пророческих указаний»²¹⁹, очевидно, доказывая его неправоту. Не случайно русский епископат отверг и обвинения, выдвигавшиеся Андреем Боголюбским против епископа Леона.

Из тех же известий видно, что иерархи уже в то время могли прибегать к достаточно решительным мерам. Так, в рассказе владимирской летописи о Федорце содержится сообщение, что, вступив в конфликт с князем, он «церкви все в Володимери повеле затворити», т. е. впервые в истории русской церкви прибег к такой мере, как интердикт²²⁰.

Важно отметить и то обстоятельство, что в среде древнерусского духовенства были круги, сохранявшие послание Луки Хрисоверга, свидетельствовавшее о победе церковной власти над светской. Все это позволяет полагать, что роль церкви в общественной жизни

²¹⁸ НПЛ. С. 52.

²¹⁹ *Поньрко Н. В.* Эпистолярное наследие Древней Руси. XI—XIII вв. Исследования, тексты, переводы. СПб., 1992. С. 165.

²²⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 355.

Древней Руси и ее собственные представления о своей роли серьезно расходились с такой картиной, которую рисуют нам памятники княжеского летописания и Новгородская владычная летопись. Следует учитывать и обширную сферу деятельности церкви, связанную с воспитанием всего общества в духе норм христианского вероучения и христианской морали. Свидетельства активной деятельности новгородского духовенства середины — второй половины XII в. на этом поприще содержит такой памятник, как «Вопрошание Кирика»²²¹.

Теперь, рассмотрев представления об отношениях власти с разными слоями светского общества, участниками политической жизни и духовенством, следует остановиться на том, какие представления существовали в общественной мысли об отношениях власти, ее политике по отношению к социальным низам общества.

Если летописцы конца XI — начала XII в., монахи Киево-Печерского монастыря, серьезно размышляли о том, как должна себя вести власть по отношению к простым людям, то в размышлениях летописцев последующего времени эта тема видного места не занимала. В более раннее время такая тема поднималась в связи с размышлениями о действиях князя и его дружинников как носителей судебной власти. К лучшему дело в этой области мало переменилось. В 1146 г., после смерти князя Всеволода Ольговича в Киеве, как известно, произошли серьезные волнения, вызванные притеснениями княжеских тиунов²²². Во Владимирской летописи под 1176 г. читаем, что посадники «многу тяготу... створиша продажами и вирами»²²³. Однако эта сторона деятельности князей, как главных героев повествования, летописцев не привлекает. И в характеристиках действующих лиц, и в посмертных некрологах справедливость не фигурирует, как одно из главных достоинств правителя. О ней нет речи даже в очень обширном некрологе Андрея Боголюбского в Ипатьевской летописи. Конечно, в летописи можно обнаружить утверждение, что правителей «Бог поставил в месть злодеем и в добродетель благочестивым»²²⁴. В другом месте читаем, что игумен Киево-Печерского монастыря

²²¹ РИБ. Т. VI. Стб. 21—62.

²²² ПСРЛ. Т. II. Стб. 321—322.

²²³ Там же. Т. I. Стб. 374.

²²⁴ Там же. Т. II. Стб. 392.

поучал желавшего постричься Ростислава Мстиславича: «Бог тако велел быти, правду деяти на сем свете, в правду суд судити»²²⁵. Эти высказывания лежат, однако, на периферии повествования и никак не связаны с какими-либо оценками практической деятельности княжеской власти. Можно отметить еще знаменитое место в рассказе Ипатьевской летописи о походе князя Игоря на половцев, где в уста князей-участников похода летописец вложил слова: «иже побегнем, утчем сами, а черные люди оставим, то от Бога ны боудеть грех»²²⁶. Но этим материал на данную тему будет почти исчерпан.

Лишь в «Слове» Даниила Заточника мы находим указание на такую важную функцию носителя власти, как защита слабых и угнетенных от произвола сильных. Он писал, обращаясь к князю: «Ты оживляеши вси человеки милостию своею, сироты и вдовицы, от вельмож погружаеми»²²⁷.

Хорошо известна такая закономерность общественной жизни, что именно серьезные выступления низов против власть предержащих вызывают к жизни размышления о том, как строить отношения между управляющими и управляемыми. Обширных рассказов о таких серьезных, масштабных выступлениях в домонгольском летописании сохранилось два. Один из них — это уже упоминавшийся рассказ о волнениях в Киеве после смерти князя Всеволода Ольговича в 1146 г. Происходившие события подробно описаны летописцем. Волнения охватили широкий круг жителей Киева, разграбивших двор княжеского тиуна и нападавших на мечников. Волнения эти князь «одва оутиши»²²⁸. Сообщения эти, однако, не сопровождаются размышлениями, и это понятно, если принять во внимание цель написания данного рассказа. Летописцу важно было показать, что преемник Всеволода князь Игорь Ольгович удовлетворил все требования, выдвинутые киевлянами во время волнений, и у них не было никаких справедливых причин для выступления против него.

Еще более масштабное выступление произошло в Ростовской земле после смерти Андрея Боголюбского. Здесь дело не ограничилось

²²⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 530.

²²⁶ Там же. Стб. 641.

²²⁷ Библиотека литературы Древней Руси. Кн. 4. С. 272, 274.

²²⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 321—322.

разграблением княжеского двора в Боголюбове. Волнения охватили всю землю, имели место убийства посадников, детских и мечников и разграбление их домов²²⁹. Событие привлекло к себе внимание и новгородского летописца, отметившего, что «множество паде голов, яко и числа нету»²³⁰. Все это позволяет сделать вывод, что перед нами едва ли не самое крупное народное восстание в домонгольской Руси. Во фразе, заключающей его описание событий, владимирский летописец сделал определенный намек на причины происшедшего: «не ведуче глаголемого, идеже закон, ту и обид много». Таким образом, как и в Киеве, главной причиной волнений стали злоупотребления княжеских дружинников оказавшейся в их руках судебной властью. Если печерских летописцев возмущало «несытство» княжих мужей и они не осуждали участников волнений, вспыхнувших в Киеве после смерти Святополка, то владимирский летописец поместил в своем повествовании подборку авторитетных текстов о необходимости повиноваться власти. Он обратился к классическому для данной темы тексту — к первым стихам 13-й главы «Послания к римлянам» апостола Павла, где говорилось, что властям следует повиноваться, так как они «от Бога оучинени суть», и кто выступает против власти, выступает тем самым против Бога. В текст апостола, разрывая его посередине, было внесено изречение, еще сильнее подчеркивавшее роль и значение власти в жизни общества: «естеством бо земным подобен есть всякому человеку царь, властью же сана яко Бог». Это изречение, заимствованное летописцем из «Пчелы», восходило к сочинению византийского книжника VI в. Агапита²³¹. Тем самым еще сильнее подчеркивался преступный характер всякого выступления против власти. Текст апостола в летописном повествовании обрывался на словах: «князь бо не туне меч носить, Божии бо слуга есть». За приведенными словами в тексте апостола следовало: «отмститель в гнев злое творящему». Таким образом, летописец привел начальные слова текста, говорившие о законном праве власти наказывать

²²⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 370; Т. II. Стб. 592—593.

²³⁰ НПЛ. С. 34.

²³¹ Ševčenko J. A neglected byzantine source of Muscovite political ideology // Ševčenko J. Byzantium and the Slavs in letters and culture. Cambridge Mass., 1991. P. 50—55.

нарушителей порядка. Восстание, следовательно, не натолкнуло создателей летописного повествования на размышления о необходимости каких-то перемен. Все ограничилось резким категорическим осуждением подобных выступлений, осуждением, включавшем в себя оправдание репрессий против их участников.

Однако в нашем распоряжении имеется свидетельство, которое, возможно, говорит о том, что реакция на события в правящих кругах Ростовской земли оказалась более сложной. Имею ввиду текст, читающийся в некрологе Всеволоду Большое Гнездо, что он «вершил суд истинен и нелицемерен, не обвиняя лица сильных своих бояр, обидавших меньших и роботящих сироты и насилье творящим»²³². Указание на такое достоинство правителя является уникальным среди достаточно многочисленных княжеских некрологов в тексте летописей. Представляется, что оно не случайно появилось в тексте, возникшем в той земле, где произошло самое крупное в домонгольской Руси народное восстание. Как представляется, перед нами след усилий княжеской власти, направленных на то, чтобы убедить социальные низы, что княжеская власть является их защитником от притеснений со стороны сильных и гарантом справедливости, и именно у нее следует искать помощи при разрешении всех возникавших трудностей.

В средневековом обществе (как, впрочем, и в современном) важнейшими обязанностями власти было поддержание мира и порядка в стране и защита ее от внешнего врага. Для Древней Руси таким врагом были, как известно, прежде всего кочевники восточноевропейских степей.

Ответственность за поддержание мира и защиту от внешнего врага общество возлагало на правивших в отдельных частях «Русской земли» князей, потомков Рюрика, которые должны были, сохраняя между собой мир и дружбу, совместно заботиться о своей общей «вотчине», Русской земле, и совместно, общими силами защищать ее от внешнего врага. Этот идеал нашел свое яркое выражение в высказываниях печерских летописцев конца XI — начала XII в. Летописцы резко осуждали княжеские усобицы и потому, что они вели к напрасному кровопролитию и гибели христиан, и

²³² ПСРЛ. Т. I. Стб. 437.

потому, что эти усобицы делали страну беззащитной перед лицом внешнего врага. В заключительной части «Повести временных лет» Владимир Мономах прославлялся за то, что он сумел объединить русских князей для борьбы с половцами и организовать победоносные походы в степь.

Те же установки обнаруживаются в записях Киевской летописи, продолжавшей «Повесть временных лет». Так, в некрологе Мономаха здесь указано, что он «книпаче же бе страшен поганым», а далее он охарактеризован, как «добрыи страдалец за Рускую землю»²³³. Не ограничиваясь этим, летописец в другом месте написал, что Мономах «сам собою постоя на Доноу и много пота утер за землю Роускою»²³⁴. По уверению летописца, его сын Мстислав шел по стопам своего отца: он «загна Половци за Дон и за Волгоу, за *Гиик* и тако избави Бог Роускою землю от поганых»²³⁵. С явным одобрением писал летописец о действиях Мстислава, сурово наказавшего полоцких князей, которые отказались идти против половцев «в Роускою землю в помощь»²³⁶. Эти высказывания отражали удовлетворение общества отсутствием междоусобных войн и безопасностью границ Русской земли в правление Владимира Мономаха и Мстислава, которых летописец хвалит за их заботу о Русской земле.

Важной гранью в истории русского общества стали возобновившиеся после долгого перерыва междоусобные войны. О виновниках начавшихся усобиц высказывались различные мнения. В Киевской летописи, вероятно, отредактированной во время правления в Киеве черниговского князя Всеволода Ольговича, как виновник, положивший начало усобицам, выступает Юрий Долгорукий. Летописец цитирует обращенные к противникам слова Ольговичей: «вы начали есте перво нас гоубити»²³⁷. Иной взгляд на события находим в Лаврентьевской летописи, где действия черниговских князей, выступивших против киевского князя Ярополка, характеризуются, как «крамола», они пришли к Киеву, «пролить кровь хотяще хрестыанскоу, хвалящеся

²³³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 289.

²³⁴ Там же. Стб. 303.

²³⁵ Там же. Стб. 304.

²³⁶ Там же. Стб. 303.

²³⁷ Там же. Стб. 296—297.

в гордости своей»²³⁸. Эта полемика на страницах летописи, стремление указать виновного представляется характерной для того момента, когда все общество было встревожено усобицами, начавшимися после долгого периода мирной жизни. Характерно, что, несмотря на разную направленность их рассказа, оба летописца дают высокую оценку действиям князя Ярополка, который пошел на уступки, чтобы сохранить мир.

Свидетельства этих летописей можно сопоставить с рассказом о тех же событиях 30-х гг. XII в. в Новгородской владычной летописи. Хотя внимание летописца привлекали по преимуществу дела, касавшиеся Новгорода и Новгородской земли, он уже под 1134 г. отметил: «раздрася вся земля Русьская»²³⁹. Рост беспокойства по поводу событий, происходящих на юге, и их возможных последствий ясно выступает в тексте летописной статьи следующего 1136 г. Здесь снова читаем, что «сильно бо възмялася вся земля Русская», а дальше помещены и рассуждения летописца по этому поводу: рассказав о большом сражении киевских и черниговских войск, он заметил: «и не то бяхе зло, нъ боле почаста копити вои и половче, и все»²⁴⁰. Начавшиеся усобицы, как видим, пробудили память о вторжениях половцев, хотя те пока никакого участия в развернувшихся событиях не принимали. Эти высказывания выражали прежде всего беспокойство, охватившее духовенство новгородской земли во главе с архиепископом Нифонтом. Однако, как видно из летописного повествования, не только его. Мы читаем, что из Новгорода поехал на юг посадник Мирослав Гюрятинич «мирить киян с черниговци», а когда его миссия оказалась безуспешной, на юг отправился сам епископ Нифонт «с лучшими мужи»²⁴¹. Эти записи Новгородской летописи лучше, чем что-либо другое, показывают, какое сильное беспокойство вызвало в древнерусском обществе возобновление усобиц после долгого периода мирной жизни.

Как представляется, одним из выражений этой реакции стало появление такого произведения, как «Слово о князьях», проповеди,

²³⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 304.

²³⁹ НПЛ. С. 23.

²⁴⁰ Там же.

²⁴¹ Там же. С. 23—24.

прочитанной 2 мая, в день памяти Бориса и Глеба. Сам текст произведения содержит лишь одно точное хронологическое указание — оно написано после смерти князя Давыда Святославича черниговского в апреле 1123 г.²⁴² Причина, побудившая автора «Слова» выступить со своей проповедью, названа уже в первых строках его произведения: «слышим, князи, противящиеся старшей братии и рать въздвижуше и поганые на свою братью въздвижуше»²⁴³. Такие ситуации, когда князья выступали против «старшей братии» и призывали на помощь половцев, имели место в XII в. неоднократно. Впервые все это имело место именно в середине 30-х гг. XII в., когда черниговские князья во главе со Всеволодом Ольговичем выступили против «старшего», киевского князя Ярополка, и призвали себе на помощь половцев²⁴⁴. Как представляется, именно тогда, когда подобная ситуация возникла впервые, она и должна была вызвать такую острую эмоциональную реакцию. Следуя традициям древнерусской общественной мысли более раннего времени, традициям, сложившимся в Киево-Печерском монастыре, автор призывал князей следовать примеру своих братьев, «великих чудотворцев» Бориса и Глеба, жить с другими князьями по-братски и не воздвигать «за малую обиду вражду смертоносную»²⁴⁵. Не ограничиваясь этими традиционными утверждениями, он привел в пример черниговским князьям и их главе, Всеволоду Ольговичу, их предшественника на черниговском столе Давыда Святославича. «Аще кто на нь рать въздвигнет, — писал автор, — он же покорением своим рать уставляше»²⁴⁶, а не стремился к обострению конфликта. Отметил он и другую особенность поведения князя: «Аще кто к нему не исправляше целование, он же одинако исправляше»²⁴⁷. В этих высказываниях летописца есть основание видеть реакцию автора на еще одно явление, пришедшее в жизнь древнерусского общества с началом усобиц — непрочность мирных соглашений. Мир, заключенный Ярополком с Ольговичами, просуществовал недолго, как и новое

²⁴² ПСРЛ. Т. I. Стб. 293.

²⁴³ Библиотека литературы Древней Руси. Кн. 4. СПб., 1997. С. 225.

²⁴⁴ См.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 303; Т. II. Стб. 295—296.

²⁴⁵ Библиотека... Кн. 4. С. 225.

²⁴⁶ Там же. С. 226.

²⁴⁷ Там же. С. 228.

соглашение, заключенное при участии самого киевского митрополита²⁴⁸. Отсюда данный в такой форме совет летописца — соблюдать присягу, даже если ее не соблюдает другая сторона. Автор «Слова» доказывал, что, действуя так, Давыд Святославич добился того, что братья (другие черниговские князья) «вси слушахуть его, яко отца, и покоряются ему, яко господину». Одновременно этими действиями Давыд снискал себе благоволение Божие, что проявилось в чудесных знамениях, сопровождавших его смерть²⁴⁹.

Стремление автора «Слова» положить конец усобицам и вмешательству «поганных» бесспорно, но следует отметить, что автором движет прежде всего забота об установлении братских, соответствующих нормам христианской морали отношений между членами княжеского рода, а ущерб, который наносили эти усобицы Русской земле, живущим в ней людям, оставался за пределами внимания автора²⁵⁰.

В последующие годы таких ярких вспышек усобиц не наблюдалось, столкновения носили локальный характер и не сопровождались ростом внешней опасности. Положение резко изменилось с середины 40-х гг. XII в., когда развернулась борьба за киевский стол между двумя союзами князей, каждый из которых искал внешней поддержки. Глава одного из этих союзов князь Изяслав Мстиславич волынский искал помощи у западных соседей — Венгрии и Польши, а его противники, Юрий Долгорукий и Святослав Ольгович, пользуясь родством с половецкими ханами, призывали половцев.

Киевское летописание второй половины 40-х — первой половины 50-х гг. XII в., отразившееся в параллельном тексте Ипатьевской и Лаврентьевской летописей, велось лицом, близким к Изяславу Мстиславичу, и отражает взгляды князя и его окружения на то, что происходило в эти годы на Руси. Знакомство с этим обширным текстом показывает, что Изяслав не прочь был выступить в традиционной роли киевского князя как блюстителя порядка и защитника Русской земли, объединяющего вокруг себя князей. В

²⁴⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 296—297.

²⁴⁹ Библиотека... Кн. 4. С. 228.

²⁵⁰ На это правильно указал И. У. Будовниц (*Будовниц И. У. Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI—XIV вв.)*. М., 1960. С. 190).

этом плане показательно, как описал летописец заключение мира и союза между Изяславом Мстиславичем и черниговскими князьями в 1148 г. Черниговские князья, предлагая заключить мир, обращаются к Изяславу со словами: «а мы доколе хочем Роускою землю гоубити», а Изяслав отвечает: «то добро есть хрестьян блюсти». Мир заключается «хрестьян деля и всее Роускои земли». Черниговские князья в соборе св. Спаса в Чернигове обязуются «ворождоу... отложити, а Роускои земли блюсти за один брат»²⁵¹. Присягу у черниговских князей принял приехавший из Киева игумен Печерского монастыря Федос. Участие Печерского монастыря, издавна боровшегося за сохранение единства Русской земли, очевидно, должно было придать всем этим заявлениям особую значимость в глазах общества.

Очевидно, что речь шла о декларациях, которые должны были привлечь к Изяславу Мстиславичу симпатии общества, но имевших мало общего с реальной действительностью²⁵². Договор подготавливал условия для новой вспышки междоусобной войны.

Печерские летописцы горячо порицали попытки князей в конфликтах между ними искать внешней помощи. В обстановке междоусобных войн эти явления уже не ощущаются так остро общественным сознанием. Позиция Юрия Долгорукого, приводившего себе на помощь половцев, была, с точки зрения, характерной для предшествующего времени, особенно уязвимой, так как Изяслав все же искал помощи у христиан. Однако такого рода упреков в его адрес к киевском летописании мы не находим. Правда, участие половцев в войне не прошло мимо внимания летописца. Он вкладывает в уста Изяслава слова, что он пошел бы на уступки Юрию Долгорукому, но теперь станет сражаться, «оже на мя Половцы привел и ворогы моя Ольговиче»²⁵³. Этим, однако, все и ограничивается, а половцы поставлены в один ряд с черниговскими князьями.

²⁵¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 364—366.

²⁵² См. оценку И. У. Будовнича: «Эти разговоры превращаются в пустую графарежную формулу, лишенную всякого содержания» (*Будовниц И. У. Общественно-политическая мысль... С. 188*).

²⁵³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 378.

Разорение земли противника теперь рассматривалось как героический поступок, достойный похвалы, украшающий героя повествования. В уста Изяслава летописец вкладывает слова, обращенные к дружинникам: «се есмы села их пожгли вся и жизнь их всю... а поидем к Любче, идеже их есть вся жизнь»²⁵⁴. Имея в виду это и другие подобные высказывания, И. У. Будовниц справедливо писал, что летописцы XII в. «сплошь и рядом невозмутимо проходят мимо таких ужасов феодальной войны, которые непременно вызвали бы взволнованную реакцию у старых летописцев XI или начала XII в.»²⁵⁵.

В этих условиях и общерусский патриотизм приобретал весьма своеобразную форму. В 1152 г. Изяслав Мстиславич начал войну с союзником Юрия Долгорукого, галицким князем Владимирком Володаревичем, призвав на помощь венгерские войска. Перед началом сражения Изяслав произносит речь, обращенную к дружинникам: «Братья и дружино, Бог всегда Рускы земле и Руских сынов в бещести не положил есть, на всех местех честь свою взимали суть: нын же, братье, ревнуимы тому вси, оу сих землях и перед чюжими языки даи ны Бог честь свою взяти»²⁵⁶. Таким образом, отстаивать свою честь русских воинов перед лицом чужеземцев-венгров дружинники должны были, сражаясь с галицкими полками.

Результаты, полученные при анализе киевских летописных известий, следует сопоставить с тем, что сообщает за эти годы владычный новгородский летописец. В его записях за вторую половину 40-х — первую половину 50-х гг. XII в. нет той заинтересованности положением дел на юге, которая ясно проступала в записях середины 30-х гг., хотя события на юге постоянно находятся в кругу внимания летописца. Как известно, в происходивших войнах Новгород по большей части стоял на стороне Изяслава Мстиславича. Об этом говорит помещенное на страницах летописи описание различных действий новгородцев, однако летописец не дает этим действиям, как правило, никакой оценки. То же относится и к описанию борьбы за киевский стол. Правда, переворот в Киеве, приведший в 1146 г.

²⁵⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 361.

²⁵⁵ Будовниц И. У. Общественно-политическая мысль... С. 190.

²⁵⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 448—449.

Изяслава на киевский стол, описан с явной симпатией по отношению к нему (против его предшественника «негодавахуть... людье», Изяславу «поможе Бог»), но в дальнейшем преобладает сухой, протокольный стиль изложения без каких-либо оценок. Таким образом, если в 30-х гг. XII в. владычного летописца (и его патрона?) очень взволновало возобновление междоусобных войн, то к середине XII в. такое положение стало, очевидно, восприниматься, как нормальное, обычное. Вместе с тем одна деталь летописного повествования показывает, что сохранялись еще надежды на перемены к лучшему. Характерна в этом плане запись об утверждении Юрия Долгорукого на киевском столе в 1154 г.: «и прия Гюрги сыновъць в мир с любовью, и волости им раздая достойныя. И бысть тишина в Русьстем земли»²⁵⁷. Связанный с новгородской кафедрой клирик явно таким образом выражал надежды, что с приходом на княжеский трон старшего среди членов княжеского рода между ним и младшими представителями рода установятся справедливые отношения, смуты прекратятся, и по отношению к соседям Русское государство будет снова выступать как единое целое. Ход событий скоро развеял такие надежды.

Анализ последующего изложения показывает, что внимание владычного летописца поглощено местными делами. Смены на киевском столе отмечаются им краткими погодными записями.

Иная картина рисуется при обращении к владимирскому летописанию Андрея Боголюбского. Здесь общерусские дела занимают очень заметное место. Андрей Боголюбский выступает в записях владимирского летописца как могущественный правитель, указаниям и приказам которого следуют многие князья, но вовсе не объясняется, по какому праву он отдает такие указания, а походы, которые предпринимают князья по его указаниям, никак не связываются с заботой о «Русской земле».

Иную картину мы находим в южнорусском летописании. Начиная с 70-х гг. XII в. тема защиты «Русской земли» начинает все настойчивей появляться на страницах летописи²⁵⁸. Ее первое появление

²⁵⁷ НПЛ. С. 29.

²⁵⁸ См. об этом: *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 189.

связано с именем волынского князя Мстислава Изяславича, соперника Андрея Боголюбского в борьбе за Киев. Под 1170 г. в Ипатьевской летописи читаем, что Бог Мстиславу Изяславичу «вложи... в сердце... мысль благоу о Русской земле». Далее он обращается к другим князьям с призывом позаботиться о Русской земле, «своеи отчине и дедине». Русскую землю следовало защитить от «поганных», которые ее постоянно разоряют и перерезали пути, связывающие Русь с Черным морем. Князья должны «поискати отец своих и дед своих пути и своеи чести». В ответ на его призыв князья отвечают: «Нам даи Бог за крестьяны и за Рускую землю головы свои сложити и к мучеником причтенном быти»²⁵⁹. Далее в летописи следует рассказ о походе соединенных сил русских князей на половцев, который завершился блестящей победой²⁶⁰.

Очевидно, что летописец хотел укрепить в общественном сознании положительный образ Мстислава Изяславича. Но важно, что его поход против половцев был изображен в летописи как проявление заботы о «Русской земле», стремления защитить ее от кочевников, идя по пути «отцов и дедов», т. е. очевидно по пути Владимира Мономаха и Мстислава. Очевидно, на юге Руси эти представления об обязанностях власти в условиях постоянного разорения земли половецкими набегами занимали важное место в общественном сознании, и имело смысл к ним апеллировать. Вместе с тем идея защиты Русской земли переплеталась с пониманием войны против кочевников-«поганных» как войны священной. Представление это, зародившееся еще в предшествующий период, приобретает теперь более четкие формы, так как погибший на такой войне рассматривается как мученик²⁶¹.

²⁵⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 538.

²⁶⁰ По мнению И. У. Будовница, летописи преувеличивали размах этого и других походов, которые представляли собой в действительности «незначительные операции» (*Будовниц И. У. Общественно-политическая мысль...* С. 205—207). Даже если это было так, существовали, очевидно, причины для того, чтобы преувеличивать значение этих военных успехов.

²⁶¹ В ответ на призыв Мстислава летописец вкладывает в уста его дружинников слова: «Нам дан Бог за крестьяны и за Рускую землю головы свои сложити и к мучеником причтенном быти» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 538).

Надо отметить, что такое отношение распространялось не только на войны с половцами. В тексте Ипатьевской летописи читается восходящее, очевидно, к летописи смоленских Ростиславичей повествование о князе Мстиславе Ростиславиче, который сидел в 1179—1180 гг. на новгородском столе, предпринимая из Новгорода походы на Чудскую землю. В его некрологе говорится, что он всегда «тосняшеться умрети за Роускою землю и за хрестьяны», которых он хотел освободить из плена у «поганных». Летописец цитирует его слова, обращенные к дружине: «очистимся грехов своих и Бог вменит кровь нашу с мученики»²⁶².

В этих высказываниях прославлялись деяния, направленные на защиту Русской земли от внешних врагов (этой Русской землей были и Новгород, и южнорусские княжества), но в них отсутствует другая важная тема печерского летописания — осуждение усобиц, обращение к князьям с требованием прекратить раздоры и объединиться для общей защиты Русской земли. Характерно в этом плане, что рассказ о разорении Киева войсками Андрея Боголюбского и его союзниками, когда «не бысть помилования никому же», когда были лишены книг, икон и утвари даже церкви, южнорусский летописец закончил словами: «се же все сдеяшесь грех ради наших», не высказав ни слова осуждения организаторам разграбления города²⁶³.

Однако ряд высказываний, появившихся на страницах Южнорусской летописи в последующие годы, говорит о том, что в сознании русского общества второй половины XII в. эта тема присутствовала. Так, в Ипатьевской летописи, в тексте, явно восходящем к летописи смоленских Ростиславичей, читаем, что Ростиславичи уступили Киев Святославу Всеволодовичу черниговскому, «не хотячи гоубити Роускои земли и крестьянские крови проливати»²⁶⁴. Возможно, в действительности такое решение было вынужденным шагом, но приписывая Ростиславичам такие мотивы, летописец явно хотел утвердить в общественном сознании их положительный образ. Следовательно,

²⁶² ПСРЛ. Т. II. Стб. 611.

²⁶³ Там же. Стб. 545.

²⁶⁴ Там же. Стб. 605.

забота о Русской земле и желание избежать кровопролития должны были цениться обществом достаточно высоко. В дальнейшем, однако, без каких-либо комментариев описывается новая вспышка борьбы за киевский стол с участием половецких ханов (Кончака и других).

Вокняжение Святослава Всеволодовича в Киеве положило начало целому ряду походов южнорусских князей на половцев в 80-х гг. XII в., однако, рассказы об этих удачных для русских князей походах носят конкретный, деловой характер, не сопровождаются какими-либо размышлениями. На этом фоне выделяется рассказ о походе на половцев в 1185 г. Игоря Святославича новгород-северского. При рассказе о трагических событиях, разорении черниговских земель после поражения русского войска в войне с половцами в летописании вновь появляется тема защиты Русской земли.

В уста князя Святослава летописец вкладывает слова упрека в адрес выступивших в поход князей, что они своими необдуманными действиями, «не воздержавши оуности, отвориша ворота на Роусьскую землю». Ко князю Давыду смоленскому Святослав обращается со словами: «Брате, постережи земле Роуское». Далее читаем, что после победы половцы «скупиша весь язык свои на Роусскоую землю»²⁶⁵. Важно, что летописец воспринимает локальные события, как угрозу всей Русской земле.

Еще больший интерес представляет помещенная в Ипатьевской летописи запись размышлений Игоря о причинах поражения, о том, почему его постиг Божий гнев. Это, читаем в летописи, «отместье» за то, что «много убиство створиш в земле крестьянстей», когда «взях на щит город Глебов оу Переяславля», и далее рисуется страшная картина страданий от войны, когда «живии мертвым завидять»²⁶⁶. Хотя и вложенные в уста князя, героя повествования, слова эти содержат резкое осуждение междоусобных войн, приносящих христианам бедствия и страдания. Характерно, что большой рассказ о походе Игоря, резко выступающий на фоне обычных, более кратких запи-

²⁶⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 645—646.

²⁶⁶ Там же. Стб. 643. На это свидетельство справедливо обращал особое внимание Д. С. Лихачев (*Лихачев Д. С. Русские летописи...* С. 193—194).

сей, помещен и во Владимирской летописи (возможно, перед нами запись, сделанная в Переяславле Русском). Рассказ этот отличается резко критическим отношением к действиям князей, которые, не приняв участия в походе соединенных сил русских князей, самонадеянно отправились в степь, похваляясь будущими победами²⁶⁷. Стоит отметить и солидарность с участниками похода, несмотря на критические высказывания по адресу его предводителей. Об этом более убедительно, чем что-либо, говорят слова, завершающие рассказ: «а о(т) наших не бысть кто и весть принесе»²⁶⁸.

С размышлениями по поводу трагических событий связано и появление такого памятника, как «Слово о полку Игореве». Интересно сопоставить высказывания летописцев, работавших по княжескому заказу, но принадлежавших, вероятно, к церковной среде, с суждениями автора этого памятника, принадлежавшего к светской среде и явно не связанного с каким-либо определенным центром власти. В освещении событий автор «Слова» близок к Ипатьевской летописи, по адресу Игоря Святославича и его братьев автор выдвигает лишь мягкие упреки²⁶⁹. Если для автора рассказа в Лаврентьевской летописи заявления князей, что они хотят дойти до Дона, — это проявления самонадеянности и бахвальства, то автор «Слова» видит в этом похвальное стремление к совершению героических деяний²⁷⁰. В отличие, однако, от рассказа Ипатьевской летописи в «Слове» читается развернутое обращение к русским князьям: раз поход Игоря закончился бедой и на русские земли напали половцы, то князьям следует соединить свои силы и совместно выступить «за землю Рускую» против половцев²⁷¹. Стоит отметить, что это обращение не сопровождается ссылками на необходимость защищать Русскую землю как общее достояние княжеского рода (лишь в обращении к Всеволоду суздальскому читается

²⁶⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 397.

²⁶⁸ Там же. Стб. 398.

²⁶⁹ Библиотека литературы Древней Руси. Кн. 4. С. 260.

²⁷⁰ Там же. С. 256. Никак нельзя согласиться с утверждениями И. У. Будовница, что автору «Слова» «чужды основные понятия рыцарской морали» и что он оценивает выступление Игоря так же, как владимирский летописец (Будовниц И. У. Общественно-политическая мысль... С. 221—222).

²⁷¹ Библиотека литературы Древней Руси. Кн. 4. С. 262 и сл.

призыв «отня злата стола поблюсти»). Русская земля выступает в этом тексте, как некоторая абсолютная ценность, забота о которой — долг носителей власти. Как достойный носитель власти в «Слове» выступает Святослав Всеволодович «грозный великий киевский», который сумел смирить «землю Половецкую» «своими сильными плъкы и харалужными мечи»²⁷².

От рассказов летописей «Слово о полку Игореве» отличается, как известно, развернутым, от авторского лица осуждением княжеских усобиц («катор»), они являются главной причиной того, что «погани с всех стран прихождаху с победою на землю Рускую»²⁷³. Если в повествовании древнерусских летописцев тема заботы о «Русской земле» появляется только в связи с отношениями со степью, то в поле зрения автора «Слова» появляется и новый враг — литовцы, разоряющие своими набегами Полоцкую землю. Причина побед литовцев — раздоры между князьями, которые в спорах между собой обращаются к помощи литовских дружин: «Вы бо своими крамолами начясте наводити поганя на землю Рускую, на жизнь Всеславлю». В связи с этим эпизодом возникает тема противопоставления современности и славного прошлого — полоцкие князья утратили «деднюю славу»²⁷⁴.

Тема осуждения княжеских «междоусобий» получает более широкое осмысление в тех разделах памятника, где автор обращается к прошлому, к концу XI в., ко времени Олега Святославича, который «мечем крамолу коваше и стрелы по земли сеяше». «В княжих крамолах» стали гибнуть люди, и стали слышны крики не пахарей, а воронов, садящихся на трупы²⁷⁵. Таким образом, ссоры князей не только не позволяют им объединиться против «поганых», но и приводят к разорению своей земли, делая ее бессильной перед врагом. В описании этого прошлого автор «Слова» следует той же традиции, что и печерское летописание²⁷⁶.

²⁷² Библиотека литературы Древней Руси. Кн. 4. С. 260.

²⁷³ Там же. С. 258.

²⁷⁴ Там же. С. 262, 264. См. об этом: *Лихачев Д. С.* «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978. С. 126—128.

²⁷⁵ Там же. С. 258; *Лихачев Д. С.* «Слово о полку Игореве»... С. 108.

²⁷⁶ Подробнее о восприятии исторического прошлого автором «Слова о полку Игореве» — *Лихачев Д. С.* «Слово о полку Игореве»... С. 81 и сл.

Исследователи справедливо отмечают, что в ряде случаев автор «Слова» отступает от норм дружинного кодекса поведения, давая действиям и событиям иные, расходящиеся с ним оценки²⁷⁷. Отсюда появление в его суждениях противоречивости, не свойственной летописным текстам. Так, Борис Вячеславич погиб за «обиду Олгову, храбра и млада князя». Автор высоко оценивает личные качества князя, которого несправедливо лишили отцовского наследства, но одновременно он решительно осуждает те последствия, к которым привели его попытки вернуть это наследство. Поход Игоря описывается как героическое деяние, а вместе с тем в уста Святослава Киевского автор вкладывает слова, обращенные к Игорю и его брату: «нечестно одолесте, нечестно бо кровь поганую пролиясте»²⁷⁸.

В дальнейшем такие трагические события не повторялись и южнорусские князья неоднократно и успешно предпринимали походы против половцев. Однако идея объединения князей для борьбы с внешней угрозой оживала в сознании, когда возникала опасность начала новых серьезных конфликтов между ними. В конце 90-х гг. возникла угроза серьезного конфликта между Всеволодом Большое Гнездо и черниговскими князьями, но дело кончилось миром. Сообщение о заключении мирного договора летописец сопровождал таким комментарием: Бог не дал радости «диким Половцем», которые было «устремилися на кровопролитье и обрадовались бяхоуть сваде в Роуских князех»²⁷⁹.

Как показывает приведенный выше рассказ о походе Игоря в тексте Лаврентьевской летописи, такие настроения можно обнаружить и во владимирском летописании, но в гораздо более слабой степени. Это неудивительно, так как набеги половцев Ростовской земле не угрожали, а против других соседей, волжских болгар, Всеволод сам предпринимал завоевательные походы. Все же наличие во владимирском своде рассказов о том, как в 1184 г. «ходиша... князи Рустии вси на Половци» и о походе Игоря (почерпнутых, возможно, из летописных записей, сделанных в Переяславле Русском), говорит о

²⁷⁷ Будовниц И. У. Общественно-политическая мысль... С. 227; Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве»... С. 125—126.

²⁷⁸ Библиотека литературы Древней Руси. Кн. 4. С. 260.

²⁷⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 700.

том, что и здесь в определенные моменты судьба Русской земли волновала общественное мнение. Однако в иных случаях, как, например, в рассказе о походе новгородцев и смолян на Полоцк, летописец ограничивается регистрацией конфликтов между княжествами, явно не видя в них ничего особенного.

На рубеже XII—XIII вв. трактовка патриотической темы приобрела новые важные нюансы. Выделяются некоторые политические центры, которые, претендуя на ведущую роль в политической жизни Древней Руси, стремятся предстать перед общественным мнением в роли главных защитников Русской земли, пекущихся о ее интересах.

Одним из таких центров было Галицко-Волынское княжество, правитель которого Роман в начале XIII в. сумел овладеть Киевом. В некрологе, которым открывается текст Галицко-Волынской летописи, Роман именуется «самодержцем всея Роуси». В его образе акцентируются черты грозного воителя, который «одолевша всим поганским языком», «прехожаше землю их яко и орел». Текст этот явно должен был вызвать у читателя ассоциации с рассказами киевской летописи о славных деяниях Мономаха и Мстислава. И действительно, некролог заканчивается словами «ревновавше бо дедоу своему Мономахоу»²⁸⁰. Роман Мстиславич выступает как преемник великих киевских князей, глава Русской земли и ее защитник от «поганых». Утверждения некролога находят определенное подкрепление в фактах биографии Романа. Так, Роман, по свидетельству Никиты Хонцата, собрав большое войско, «напал на землю Половецкую и разорил», избавив Византию от опасности со стороны кочевников²⁸¹. Очевидно, речь шла о крупной акции, коль скоро она привлекла внимание в Византии. Судя по свидетельству Лаврентьевской летописи, поход, когда Роман «взя веже Половечьские... и бысть радость велика в земли Русеи»²⁸², был предпринят сразу после того, как Роман занял Киев. Очевидно, он должен был показать всему обществу, кто является теперь главным защитником Русской земли.

²⁸⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 715—716.

²⁸¹ Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. С. 496.

²⁸² ПСРЛ. Т. I. Стб. 418.

Аналогичные тенденции могут быть обнаружены в известиях владимирского летописания конца XII — первого десятилетия XIII в. Под 1199 г. в Лаврентьевской летописи также читается рассказ о походе Всеволода Большое Гнездо на половцев. Это известие не может не привлечь внимания уже потому, что ни предшественники Всеволода, ни ранее он сам походов в степь не предпринимали, а сам Всеволод, по свидетельству Новгородской первой летописи, готовясь к упоминавшемуся выше конфликту с Ольговичами, привел с собой «половьчську силу»²⁸³. В летописи подчеркивается, что половцы не решились сопротивляться, «бежаша и с вежами к морю», а великий князь вместе с войском побывал «възле Дон». Представляется совсем неслучайным указание летописца, что Всеволод — «внук Володимерь Мономаха»²⁸⁴. Эти черты явно сближают запись о походе с некрологом Роману Мстиславичу. Всеволод также выступает как преемник Мономаха, защитник Русской земли от «поганных».

Представляется не случайным, что с этого времени действия Всеволода на юге летописец постоянно мотивирует его заботой о интересах Русской земли. Так, здесь читаем, что после столкновений в 1205 г. Рюрика Мстиславича и зятя его Романа, закончившихся насильственным пострижением и арестом Рюрика, Всеволод «печален бысть велми» от того, что произошло, и Бог побудил его «опечалитися Роускою землею» и позаботиться об освобождении Рюрика²⁸⁵. Под 1206 г. в том же источнике читаем большую торжественную запись о возведении на новгородский стол сына Всеволода Константина. В уста Всеволода, провожающего сына в Новгород, летописец вкладывает слова, что «Новъгород Великийи старейшинство имать княженью во всеи Русьскойи земли», поэтому Бог «положил» на Константина «старейшинство... в всеи Русьскойи земли»²⁸⁶. Ход рассуждений в этой речи не очень ясен, но очевидна претензия на руководящую роль в общерусских делах.

Обращает на себя внимание и оценка, данная в Лаврентьевской летописи такому событию, как захват Рюриком Ростиславичем в 1203 г.

²⁸³ НПЛ. С. 43.

²⁸⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 414.

²⁸⁵ Там же. Стб. 420—421.

²⁸⁶ Там же. Стб. 422.

Киева при поддержке половцев. Летописец рисует яркие картины разграбления города, когда победители «иконы одраша», захватили «суды священные и книги, и порты блаженных первых князи», а жителей города «ведоша иноплеменицы в вежи к собе». Рассказ начинался словами: «створися велико зло в Русстех земли, якоже зло не была от крещенья над Киевом»²⁸⁷. Такая суровая, жесткая оценка этого события вполне понятна и оправдана в летописи князя, претендовавшего на роль главы и защитника Русской земли. Особенно характерна в этом плане запись под 1207 г. о занятии Киева черниговскими князьями при поддержке половцев. Здесь говорится, что «Всеволод Чермный, пришед, седе в Киеве, и много зла створив земле Русстех». Всеволод, внук Владимира Мономаха, узнав, «оже Олговичи воюют с погаными землю Рускую», «сжалися о том» и принял решение идти с войском к Чернигову²⁸⁸. Летописный текст построен таким образом, что должен был вызвать у читателя воспоминание о борьбе Мономаха с Олегом Святославичем, приведшим на Русскую землю половцев.

После таких высказываний не вызывает удивления, что в тексте некролога Всеволода в Летописце Переяславля Суздальского читаем, что покойный «не токмо единой Суждальской земли заступник бе, но и всем странам земли Роусьская»²⁸⁹. Разумеется, все эти высказывания отражают стремление центра власти во Владимире на Клязьме использовать в своих интересах общественные настроения, но это и позволяет говорить о том, что к концу XII в. в древнерусском обществе более сильно стали переживаться представления о единстве всей Русской земли и об обязанности князей защищать Русскую землю от внешних врагов. Укреплялось в общественном сознании, по-видимому, и представление о времени Владимира Мономаха как времени славы и могущества Руси.

Отмеченные здесь черты получили наиболее полное выражение в таком созданном на территории Северо-Восточной Руси памятнике, как «Слово о погибели Русской земли». Создатель этого текста

²⁸⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 418—419.

²⁸⁸ Там же. Стб. 429—430.

²⁸⁹ Там же. Т. 41. М., 1995. С. 129.

специально очерчивает границы Русской земли, показывая, что все восточнославянские земли образуют собой единство. С особой силой звучит в памятнике (в этом его сходство со «Словом о полку Игореве») тема отношений с соседями. Но раскрыта она здесь иначе. Печальная современность, когда Русь стала объектом нападений таких соседей, как литовцы, венгры или немцы, лишь подразумевается, зато подробно рисуется образ прошлого — славы и могущества Руси при Мономахе, когда эти соседи не только не нападали на Русь, но укрепляли свои границы, опасаясь нападения с русской стороны, а соседившие с Русской землей «поганские страны» подчинялись власти Мономаха. Преемники Владимира Мономаха — это его сын Юрий и его внук Всеволод²⁹⁰. Текст «Слова» раскрывает подтекст тех указаний Лаврентьевской летописи, о которых говорилось выше.

Совокупность разобранных свидетельств позволяет утверждать, что в древнерусском обществе к рубежу XII—XIII вв. усиливались озабоченность судьбами Русской земли, сознание ее единства. Одним из выражений этих настроений становилось почитание Владимира Мономаха как последнего правителя единой Русской земли, успешно защищавшего ее от соседей.

Иную картину рисует нам повествование Новгородской владычной летописи последних десятилетий XII — начала XIII вв. Внимание летописца сосредоточено исключительно на событиях, связанных с Новгородской землей. Упоминания о событиях, происходивших в других землях, становятся редкими и касаются тех земель, князья которых в это время сидели на новгородском столе²⁹¹. Сообщений о событиях на древнерусском юге нет вообще. Исключением служит лишь известие о разорении Киева Рюриком и половцами в 1203 г. По содержанию рассказ близок к разобранному выше известию Лаврентьевской летописи, но отличается в ряде деталей (указаны, например, имена участвовавших в нападении половецких ханов). Обращают на себя внимание слова, кото-

²⁹⁰ Библиотека литературы Древней Руси. Кн. 5. СПб., 1997. С. 90.

²⁹¹ Примером может служить известие о походе Всеволода на волжских болгар в 1184 г. (НПЛ. С. 37). В это время на новгородском столе сидел его ставленник Ярослав Владимирович.

рым нет соответствия в известии владимирской летописи — «что гости, иноземья всякого языка, затворишася в церквах, и въдаша им живот, а товар с ними розделиша на полы»²⁹². Вероятно, именно перипетии новгородских купцов в Киеве привлекли внимание летописца к Киеву, так как затем мы читаем о походе русских князей на половцев и о пострижении Рюрика по приказу Романа Галицкого. В дальнейшем, однако, внимание летописца снова ограничивается кругом местных дел. Все это заставляет внести ограничения в данные выше общие оценки: отмеченные выше общественные на строения мы не можем считать типичными для общества на всех «землях» Древней Руси.

²⁹² НПЛ. С. 45.

**ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ
В БОЛГАРИИ В XI—XIII вв.**

I

Исторический период, рассматриваемый в данной главе, включает в себя два совершенно разных отрезка: с 1018 по 1186 г. Болгария находилась в составе Византийской империи, а потом добилась независимости и стала в I пол. XIII в. одной из главных балканских держав — Вторым Болгарским царством. Разумеется, общественные представления поработленного социума могут реконструироваться с величайшим трудом, главным образом на основе апокрифических сочинений (самое главное из них, «Болгарская апокрифическая летопись», рассматривалась нами ранее)¹. Однако ситуация с источниками не сильно улучшается и в эпоху Второго Болгарского царства. В рассматриваемый здесь период в Болгарии еще нет собственного историописания, надписи малочисленны, чеканки своей почти нет. Никаких связных текстов, в которых общественная мысль проявляла бы себя напрямую, до XIV в. не появляется. Как для эпохи византийского господства, так и для раннего периода истории Второго Царства мы вынуждены обходиться случайными, косвенными данными,

¹ Иванов С. А. Болгарская общественная мысль эпохи раннего средневековья // Общественная мысль славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 2008.

а также свидетельствами византийских авторов, которые, рассказывая о болгарских реалиях, пользовались собственной системой представлений и тем вносили неизбежное искажение. Конечно, влияние соседней Империи было велико, но, судя по косвенным признакам, не столь всеобъемлюще, как это может показаться: к примеру, болгарская официальная эпиграфика этого периода совершенно не копирует византийскую²; не совсем похожи на императорские и царские печати³. Отдельно можно поставить вопрос о том, почему столь по-разному предстает один и тот же период болгарской истории под пером таких замечательных византийских историков, как Акрополит, Пахимер⁴ и Григора. По всей видимости, разные группы правящего класса Болгарии транслировали в Константинополь различные картины происходящего (например, упоминание или неупоминание о таких ключевых фигурах болгарской политики, как Ивайла или Мицо, вряд ли может быть случайным). Но отдельное исследование восприятия Болгарии среди византийцев уведет нас слишком в сторону. Ограничимся констатацией того, что наша картина обречена оставаться весьма фрагментарной.

² Смядовски С. Българска кирилска епиграфика IX—XV век. София, 1993. С. 76.

³ Например, на них не было обычной для Византии инвокации, см.: *Dijčev I. La bague-sceau du roi bulgare Kalojan // Byzantinoslavica. Vol. 36 (1975). P. 173.*

⁴ Об искажениях в изложении событий у Пахимера см.: *Павлов П. Бил ли татаринът Чака български цар? // Историческо бъдеще. 1999. № 1—2. С. 71—75.*

I

Мы начнем с представлений о царской власти. Болгарская апокрифическая летопись лепит образ царя Петра как идеального правителя мирной и свободной эпохи. Воспоминаний о Комитопулах, правивших в последний период независимости (до 1018 г.), это сочинение не содержит, и тем не менее мы можем с уверенностью утверждать, что в болгарском обществе эпохи византийского господства какое-то время продолжала жить идея о том, что верховная власть должна принадлежать именно представителю династии Комитопулов. Однако потомки этой династии влились в византийскую знать. Мы находим их в самых разных частях Византии и на весьма высоких должностях⁵, но только не в Болгарии. В этой ситуации самозванчество было неизбежно. Когда глава антивизантийского восстания (1040—1041 гг.) Петр Делян захотел, чтобы болгары признали его своим главой, «он объявил себя сыном Романа, сына Самуила, рожденным от дочери короля Венгрии еще при жизни Самуила»⁶.

Более подробно останавливается на этом вопросе Михаил Пселл: «Он происходил из рода, не заслуживающего даже упоминания... Увидев, что весь народ готов восстать против ромеев, но дальше одних желаний не идет из-за отсутствия предводителя, который начал бы борьбу и повел всех за собой, он прежде всего постарался показать, что человек он самый достойный, в советах самый разумный и для воинского дела наиболее пригодный. Таким образом он завоевал народное расположение, и для избрания вождем ему не доставало лишь славного происхождения (в обычае болгар — ставить во главе народа людей царского рода), поэтому, зная о таком законе и установлении

⁵ Йорданов И. Печати на потомците на цар Иван Владислав във Византия // Археология. 1996. № 4. С. 7—22.

⁶ Ioannis Scylitzae. Synopsis historiarum / Ed. by J. Thurn. Berlin, 1973. P. 409.

предков, он возводит свой род к знаменитому Самуилу и его брату Аарону — царям, незадолго до того властвовавшим над всем их племенем. При этом он не приписывает себе законное происхождение от царских чресел, но то ли выдумывает, то ли действительно доказывает, что он боковой побег этого корня, и искусно убеждает в этом болгар, те же поднимают его на щит⁷ и вручают власть»⁸.

Причину, по которой Пселл считает нужным подчеркнуть тот факт, что болгары склонны ставить во главе народа «людей царского рода», следует, конечно, искать во внутривизантийской политической ситуации сер. XI в., когда Македонская династия пресеклась и на престоле оказывались «случайные» люди. Но вернемся к Деляну. У него уже в ходе восстания возникли трения с другим болгарским предводителем, Тихомиром. Делян настаивает на своем преимуществе: «Создав всех, он спросил, осведомлены ли они, что он ведет происхождение от Самуила»⁹. Потом на сторону Деляна переходит Алусиан, «второй сын Аарона», то есть истинный потомок Комитопулов, и вождь восстания «боялся, как бы болгары не склонились на его сторону, поскольку он восходил к царской крови»¹⁰. Отдельно следует рассматривать вопрос об имени Деляна «Петр». И. Билярский склонен считать и его также символической отсылкой, но уже к царю X в. Петру, чей культ как святого получил распространение

⁷ Об истории обряда см.: *Teitler H. Raising on a shield: Origin and afterlife of a coronation ceremony // International Journal of the Classical Tradition. Vol. 8. 2002. № 4. P. 501—521.* В византийской миниатюре к тексту Скилицы, рассказывающему о коронации Деляна, его поднимают не на щите, а на скрещенных руках, см.: *Grabar A., Manoussakas M. L'illustration du manuscrit de Skylitzès de la bibliothèque nationale de Madrid. Venetia, 1979. № 225.* Если Пселл приблизил ритуал к византийскому образцу, перед нами весьма характерный пример имперского искажения.

⁸ *Михаил Пселл. Хронография / Пер. Я. Н. Любарского. М., 1978. С. 46—47.* В другом сочинении Пселл выражается несколько иначе: «Некий муж из незнатного рода получил главенство над болгарями, приписав себе благородство (epifemisas eugeneian)». *Michaelis Pselli. Orationes panegyricae / Ed. by G. T. Dennis. Stuttgart, 1994. P. 32.*

⁹ *Ioannis Scylitzae. Synopsis. P. 410.*

¹⁰ *Ibid. P. 413*

в Болгарии¹¹. Если это так, то Делян прибег к двойной легитимации, возводя себя к обеим правившим в Первом Болгарском царстве христианским династиям.

Тридцатью годами позднее, во время второго антивизантийского восстания (1072—1073 гг.), никакой речи о реальном или мнимом родстве с последней династией уже не шло: предводителем повстанцев был «Георгий Войтех, происходивший из рода кавханов», то есть из древней аристократии, однако он не возводил себя к царской крови. Вместо этого знать пригласила сербского принца Константина Бодина, который принял имя Петра — в память ли о Петре Деляне, или о царе X в., сказать трудно¹². Исчезновение собственной, внутренней легитимации власти стало прологом «лояльного» столетия, в течение которого болгары воспринимали византийскую власть как свою собственную.

Об этой «интериоризации» чужеземной власти свидетельствует, к примеру, Житие Прохора Пчинского, в котором болгарский святой предсказывает Роману Диогену, что тот станет императором: «Диогене, речено есть да идешь у Цариград и будеши царь»¹³. В таком же спокойном тоне в Житии Иоакима Осоговского упомянут Мануил Комнин: «В дни Маноила царя гречскаго глаголема Багренородна хоте Бог прославити своего угодника»¹⁴. Интересно отметить, что даже после восстановления болгарской независимости в болгарских церквях пели вечную память византийским императорам, господствовавшим над Болгарией¹⁵. В летописном рассказе о Петке Тырновской, написанном при Иване Асене Втором, василевс по-прежнему

¹¹ *Биярски И.* Покровители на Царството. Св. цар Петр и св. Парасквепетка. София, 2004. С. 34.

¹² *Литаврин Г. Г.* Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960. С. 403—404. И это имянарекение косвенно подтверждает идею И. Биярского (Покровители на Царството. С. 35).

¹³ *Иванов Й.* Български старини из Македония. София, 1970. С. 402.

¹⁴ Там же. С. 410.

¹⁵ *Борилов Синодик* / Изд. и перевод И. Божилов, А. Тотоманова, И. Биярски. София, 2010. С. 147—148. Список императоров переведен с византийского образца, но работа эта была проведена не бездумно (Там же. С. 35—36), и если бы эти имена считались ненавистными, их бы не включили.

изображается без неприязни: «По тому же цроу Роману и прочи, иже црствоваше в Цариграде соушии верни, беше же велми чтома и прославлена свята»¹⁶. Даже в официальной Виргинской грамоте царя Константина Тиха византийские и болгарские правители перечисляются через запятую: «Святой царь Роман, царь Диоген, святой царь Петр, царь господин Никифор, и остальные — святой царь господин Алексей, царь Калоян, царь господин Мануил, царь господин Феодор, царь господин Исаак»¹⁷.

После восстановления болгарской независимости в конце XII в. новым правителям, Асеням, нужно было вырабатывать свою собственную легитимность. При всем том что ненависть к грекам была велика (Калоян, как известно, объявил себя «ромеебойцей» — по аналогии с Василием «Болгаробойцей»)¹⁸, все византийское парадоксальным образом, по-прежнему, оставалось в глазах болгар престижным: новые правители построили свой коронационный ритуал в подражание константинопольскому: «Один из братьев, Петр, увенчивает голову золотой диадемой, а на ноги надевает пурпурные сапожки»¹⁹. Ясно, что копирование налицо. Впоследствии, уже в сер. XIII в., болгарская корона стала принимать полусферическую форму — как и византийская²⁰. Феодор Скутариот пишет, что болгары и через много лет после 1186 г. «проносили в триумфе царские знамена, отнятые у императора Исаака»²¹.

¹⁶ Кожухаров Ст. Неизвестен летописен разказ от времето на Иван Асен II // Литературна мисъл. Кн. 2. 1974. С. 126.

¹⁷ Начев В. Български царски грамоти. София, 1996. С. 48.

¹⁸ Georgii Acropolitae. Opera / Ed. by A. Heisenberg. Leipzig, 1903. P. 26.

¹⁹ Nicetae Choniatae. Historia / Ed. by J. van Dieten. Berlin; New York, 1975. P. 372.

²⁰ Подражание византийскому образцу причудливо отражено и в наименовании болгарских титулов и должностей: среди них встречаются как греческие термины (севаст, практор, эпикерний, кастрофилак, дук, катепан, апокрисиарий, аподохатарий, кефалия), так и славянские (князь, десеткарый, псарь) и даже тюркские (протоболгарские?) — ватах, топщикал. Полный перечень см.: Билярски И. Институциите на средновековна България. София, 1998.

²¹ Georgii Acropolitae. Opera. P. 299.

Однако постоянное ощущение некоторой вторичности по отношению к соседней Империи не отменяло у болгар потребности в собственной, местной легитимации власти. Поначалу Асени вновь обратились к идее преемственности с Первым Царством. Важным обстоятельством следует признать то, что во время восстания они первым делом попытались захватить город Преслав²² — пусть им этого и не удалось. Тенденция вести преемственность от Первого Царства заметна и у последующих Асенидов: например, царь Калоян в письмах к папе Иннокентию III раз за разом подчеркивает, что преславские цари — его *predecessores* «предшественники»²³. В одном же месте он не выдерживает и прямо называет как представителей старой династии, так и Самуила своими «предками»: *Symeonis, Petri et Samuelis progenitorum meorum*²⁴. Правители Первого Царства с особой тщательностью перечислены в Синодике царя Борила: «Начело българским црем: Борису прьвому цру българскому наречегтому въ святем крещении Михаил, иже българский род къ богоразумию святым крещением приведшом, вечная память; Симеону сыну его и Петру царю святому внуку его, Пленимиру, Борису, Роману, Самуилу, Радомиру, Гавриилу, Владимиру, Владиславу, древним болгарским царям, иже с земельным небесное наследоваша царство, — вечная память»²⁵. Как видим, ни Калоян, ни Борил не делали никакой разницы между «ханской» династией и Комитопулами — важно было лишь христианство.

Самой экзотической формой утверждения преемственности с «ханскими» временами выглядит попытка протянуть ниточку от Плиски к Тырново: во всяком случае, в тырновском храме Сорока Мучеников были поставлены две колонны. Одна с именем Крума, вторая — Омуртага. По мнению некоторых историков, они должны были укрепить легитимность самой Болгарской державы, по мнению других, подчеркнуть родственную связь царя Ивана Асеня Второго

²² *Nicetae Choniatae. Historia. P. 372.*

²³ Дуйчев И. Из старата българска книжнина. Т. 2. София, 1944. С. 3, 9.

²⁴ Там же. С. 17.

²⁵ Борилов Синодик... С. 149—150. Любопытно, что ни о каком Пленимире ничего более не известно, а Иоанн Владислав был не болгарским, а зетским князем (Там же. С. 37).

с ханами²⁶, но в любом случае появление колонн языческих ханов в христианском храме доказывает, что политическое могло стать даже важнее религиозного²⁷.

Разумеется, слава обновителей державы и военные успехи Асений постепенно создали и новую легитимацию — престиж новой династии сам по себе стал невероятно высок. «Иоанну Асену царю Белгуню свободьшому от работы гръческие блъгарский род — вечная му память. Феодору нареченному Петру, брату его, и царю, и Калояню царю брату его иже многы победы показавшому на гръки и фругы, вечная им паметь. По сих убо яко преемь царство сестричищъ тех благочъстивеиши царь Бориль»²⁸, — говорится в Синодике Борила, где всякий новый правитель определяется через его родственное отношение к предыдущим... Властители Второго Царства в своей титулатуре отмечают, что они потомки его основателей. В тырновской надписи Иван Асень называет себя «во Христе Боге верный царь и самодержец болгар, сын старого Асеня царя»²⁹. Или «Иоанн Асень, царь великий и благочестивый, сынъ стараго Асеня царя»³⁰. В Батшовской надписи Михаила Асеня он именуется «сын великого царя Асеня, внук старого Асеня царя».³¹ У Акрополита один из жителей Мелника так убеждает горожан перейти под власть ромеев: «Император ромеев действительно имеет на нас права, даже если бы мы принадлежали к болгарам, потому что сын его император Феодор в родстве с царем болгар Асением»³². Передача власти внутри династии Асенидов воспринимается как единственно нормальная: «Когда Асень, князь болгар, ушел из жизни, у него не осталось сына, которому он, как это положено (*hos eikos*),

²⁶ Димитров Б. Храмът «Свети Четиридесет мъченици» // [http://www.historymuseum.org/upload/fck_editor/40%20mazenizi\(6\).htm](http://www.historymuseum.org/upload/fck_editor/40%20mazenizi(6).htm)

²⁷ Панова Р. Столичният град в културата на средновековна България. София, 1996. С. 157.

²⁸ Борилов Синодик... С. 150—151.

²⁹ Дуичев И. Из старата... С. 38—39.

³⁰ Борилов Синодик... С. 156.

³¹ Дуичев И. Из старата... С. 278.

³² *Georgii Acropolitae. Opera.* P. 76.

передал бы власть. Необходимо было, как говорится, пересесть на другой корабль — то есть чтобы власть перешла к его шурина по сестре Мицо»³³. Самой главной наградой, какую митрополит Христофор может обещать Ивану Асеню II за подчинение Болгарии византийской церковной юрисдикции, является обещание, что «умножатся дворцы твои и укрепятся узы наследия твоего (*σχοινίσματα τῆς κληρονομίας σου αὐξηθήσεται*)»³⁴.

Принадлежность к роду Асениев становится главным залогом легитимности: «Чтобы власть (Константина Тиха) выглядела законной, и чтобы считали, что правит он по праву наследства, то отправили к императору Феодору посольство, чтобы он прислал в жены Константину Тиху свою старшую дочь... она была внучкой Ивана Асеня, прежде управлявшего Болгарией, и была достойна этой власти»³⁵. Потом имя Асеня принимают даже цари, не имеющие отношения к этой семье, например, Константин Тих, Мицо. Важным было и имя Иоанн как знак династической принадлежности. В Синодике даже Асень назван Иоанном³⁶. Династический принцип всячески подчеркивается: ср. договор Михаила Асеня с Дубровником 1253 г.: «святому и верному во Христе Боге царю, самодержцу всей земли болгарской, господину Михаилу Асеню, рожденному от благоверных святых царей»³⁷. Иван Асень в борьбе за престол «потребовал отцовского наследства»³⁸. Важностью этого принципа руководствуется и византийский император, противопоставляя Ивайле Ивана Асеня Третьего: По словам Пахимера, «за ним это право утверждалось и родом

³³ *Nicephori Gregorae. Historiae Byzantinae* / Ed. by I. Bekker, L. Schopen. Vol. 1. Bonn, 1829. P. 60.

³⁴ *Васильевский В. Г.* Обновление болгарского патриаршества при царе Иване Асене II // Журнал министерства народного просвещения. 1885. Март. С. 53.

³⁵ *Georges Pachymérès. Relations historiques* / Ed. by A. Failler. Paris, 1984. P. 569. Почему-то В. Златарский считает утверждения Пахимера безосновательными (История. С. 474).

³⁶ *Бакалов Г.* Средновековният български владетел. Титулатура и инсини. София, 1985. С. 146.

³⁷ *Дуйчев И.* Из старата... С. 46.

³⁸ *Georgii Acropolitae. Opera.* P. 33.

его, и родственными отношениями... предки его кротко управляли болгарским народом»³⁹. Болгар призывали «Асеня признать своим деспотом, потому что ему издавна принадлежало право господства над болгарским народом»⁴⁰. Позднее, когда власть в Болгарии захватил узурпатор Тертер, император послал к Ногаю Асеня с просьбой «не презирать наследственного болгарского князя, но помочь ему как брату, который нуждается в помощи для защиты своих прав»⁴¹. Интересно, что в Болгарии используется даже византийский термин «порфирородности»⁴².

Неожиданным, побочным источником легитимности в определенный момент XIII в. было родство с сербской династией Неманичей. В росписи Боянской церкви 1259 г. севастратор Калоян называет себя племянником сербского Стефана⁴³, Константин Тих в грамоте вообще ссылается «на светого Симеона Немани деду нашей царственности»⁴⁴.

Если первоначально Асени стремились провозгласить своей столицей Преслав — в знак преемственности в первом царстве (см. выше), то, когда их власть окрепла, они создали новый центр легитимации: таковым для Второго Царства стала новая столица Тырново (впоследствии, в XIV в., ей предстояло стать «Третьим Римом», то есть высшей формой земного города)⁴⁵. Там, на высоком холме, был построен царский дворец, где раскопками выявлены геральдические знаки двуглавого орла, барса, льва — на печатях, перстнях, фресках⁴⁶.

³⁹ *Georges Pachymérès. Relations historiques. P. 555.*

⁴⁰ *Ibid. P. 567.*

⁴¹ *Ibid. P. 589.*

⁴² *Дуйчев И. Стара българска книжнина. Т. 2. София, 1943. С. 279.*

⁴³ *Kaempfer F. Herrscher, Stifter, Heiliger // Politik und Heiligenverehrung im Hochmittelalter. Sigmaringen, 1994. S. 428.*

⁴⁴ *Пирватрић С. Једна претпоставка о пореклу бугарског цара Константина Асена «Тиха» // Зборник радова Византолошког Института. Т. 46. 2009. С. 313—328.*

⁴⁵ *Попов А. Епитети и определения към името на средновековната столица Тырноград // Годишник на музеите в северна България. Кн. 2. 1976.*

⁴⁶ *Панова Р. Столичният град. С. 167.*

Начиная со времен Ивана Асеня Второго до нас доходят каменные царские надписи, строительные и триумфальные. Воцарение в Тырново само по себе воспринималось как форма легитимации: про утверждение у власти Константина Тиха Пахимер замечает: «Столицей Константина был Тернов, где он стал управлять болгарами с царским великолепием»⁴⁷.

В чем же заключалось достоинство царя с точки зрения самого правителя? Разумеется, важную роль играют победы. Асень перед битвой с византийцами указывает в своей речи к войску, «Этот человек никогда не подвергался опасности не сражался в битвах за ромейское владычество, что я очень хорошо знаю сам, постоянно грабивши и опустошавши неприятельскую землю, получавши победы за победами, трофеи за трофеями — не в награду за труды получил он багряницу и царский венец, но овладел скипетром по игре слепого счастья»⁴⁸. В надписях и титулах звучат стереотипные формулы о благочестии, но кроме того — о победах: «Калояню царю иже многы победы показавшему на гръкы ж и фругы — вечнаа... память»⁴⁹ и самопожертвовании: «Константину благочестивому и правослвнному царю нашему... иже положившову душу свою за словеснаго стада... и свою кровь пролиавшего за род бльгарскоаго царстваа»⁵⁰. Напротив, слабый, изнеженный царь, не способный противостоять врагу, недостоин трона: таким рисуется образ Мицо, который, не имея прямого отношения к династии, в то же время «был ленивым и немужественным, и... постепенно весь народ (*para tou plethous*) начал его презирать». Ему противопоставляется другой претендент, Тих, который «остротой ума и телесной силой далеко превосходил все остальных»⁵¹. Напротив, Ивайло значительно превосходит полководческими заслугами Тиха, который в конце концов гибнет, «не совершив на войне ничего, достойного царствования». Ивайло (ср. ниже) — самое вопиющее нарушение обычной царской легитимности в пользу харизматической.

⁴⁷ *Georges Pachymérès. Relations historiques.* P. 451.

⁴⁸ *Nicetae Choniatae. Historia.* P. 466

⁴⁹ Борилов Синодик... С. 150—151.

⁵⁰ Там же. С. 162.

⁵¹ *Nicephori Gregorae. Historiae Byzantinae.* P. 60.

Св. Димитрий убивает царя Калояна.

Прорись фасадной фрески
собора Драгалевского монастыря под Софией (1476 г.)

Золотая монета царя Ивана Асеня II (1218—1241).
Национальный археологический музей — София.

Севастократор Калоян.
Фреска в Боянской церкви (1259).

Золотая печать царя Константина Тиха Асеня (1257—1277).
Национальный археологический музей — София.

**Медная монета царя Георгия I Тертера (1280—1292)
и его сына Федора Святослава.**

Национальный археологический музей — София.

От царей, кроме того, ожидали, что они будут править «более справедливо и сообразно законам (*dikaioteron te kai ennomoteron*), а не решать всего мечом»⁵². Они должны были обладать умением «отличить хорошего человека от плохого»⁵³. И греческое *faulon*, и греческое *esthlon*, употребленные в этом рассказе Акрополитом, имеют сильнейшую социальную окраску: имеется в виду, что царь должен отличать знать от простолюдинов.

II

Теперь поговорим о том, какую роль в общественном сознании болгар играло общение со сверхъестественными силами. Божественная санкция была важным источником легитимации для Асений. Само начало их восстания, сама идея борьбы против христианской Византии требовали христианского же благословения, — при-том что верхушка церковного клира к этому времени была эллинизирована. Асении пошли по весьма нестандартному пути: в 1186 г., при начале антивизантийского восстания, специально подобранные проприцатели были собраны в храм Святого Димитрия, и, говоря от его имени, провозгласили, что великомученик переселился из Солуни и перешел на сторону болгар. «Желая излечить своих земляков от трусости, братья построили церковь во имя мученика Димитрия, в которой собрали множество бесноватых из обоих родов (болгар и влахов? — С. И.) с налитыми кровью, косящими глазами, с распущенными волосами и вообще точно изображавших все то, что делают люди, одержимые бесами. Асении внушили им говорить в испуплении, будто Бог благоволил даровать свободу болгарам и вла-

⁵² *Nicetae Choniatae. Historia. P. 470.*

⁵³ *Georgii Acropolitae. Opera. P. 76.*

хам, будто соизволил снять с их шеи временное ярмо и будто с этой целью Христов мученик Димитрий оставил Фессалонику, покинул тамошний храм, не захотел более пребывать с ромеями и перешел к ним, чтобы быть им помощником и сотрудником в их деле. Дав себе небольшой отдых и вдруг еще более преисполнившись (Пифонова) духа, эти сумасшедшие как бы в новом припадке падучей болезни начали потом опять возбуждать народ, провозглашая вдохновенным и пронзительным голосом, что не время теперь сидеть, что наступила решительная минута идти на ромеев... Одушевленный такого рода прорицаниями, весь народ вооружился поголовно».⁵⁴ Описанный нам Хониатом своеобразный ритуал не имеет имперских прототипов — «бесноватые» похожи на византийских юродивых, но последние, в отличие от древнерусских, никогда не высказывались по политическим вопросам⁵⁵.

Та же божественная, причем специально медиумическая санкция на власть, но только в еще более сильной форме, просматривается и в поведении мятежника Ивайлы, про которого Пахимер пишет, что он в 1277 г. «утверждал, будто ему нередко являлись святые и возбуждали его произвести волнение в народе, чтобы самому управлять ими. Многократно слыша рассказы его об этом, люди наконец стали ему верить. В один день, сказав, что ему был знак приступить к исполнению своих намерений, он тотчас приглашает своих соседей к содействию, и они повинуются»⁵⁶. Из византийских источников нам неизвестно ни об одном случае, чтобы узурпатор в обоснование своих прав на престол ссылался на специальные формы потустороннего контакта. Заметим, что Ивайло не был самозванцем: он отнюдь не претендовал на царское происхождение. Его легитимация строилась исключительно на небесном благословении.

Возникшая в ходе борьбы с Византией концепция св. Димитрия как покровителя болгарской независимости проявилась в том, что впоследствии именно Димитрий изображался вручающим меч

⁵⁴ *Nicetae Choniatae. Historia.* P. 371.

⁵⁵ Ср.: Иванов С. А. Блаженные похабы. Культурная история юродства. М., 2005. С. 206—208, 236.

⁵⁶ *Georgii Pachymeris. De Michaela et Andronico Palaeologis libri tredecim* / Ed. by I. Bekker. Vol. 2. Bonn, 1835. P. 549—551.

болгарским царям: на монете Ивана Асеня⁵⁷, на печатях Асеня, Борила, Ивана Асеня Второго. Он же чеканился на серебряных и медных монетах Ивана Асеня Второго, Михаила Асеня⁵⁸, Якова Святослава⁵⁹. Ответом на попытку болгарской «узурпации» св. Димитрия возникла византийская легенда⁶⁰ о том, что болгарский царь Калоян был убит у стен Солуни ее святым защитником Димитрием⁶¹. Еще одним атрибутом имперского христианства, присвоенным болгарскими, стал важный палладиум византийского могущества — крест, якобы изготовленный Константином Великим и содержащий как частицы честного Креста, так и многочисленные частицы мощей других святых. Этот предмет греки носили с собой в походы и уповали на его помощь против супостатов, но в 1190 г. он достался в качестве трофея болгарам, наряду с имперской короной и другими важными символическими атрибутами⁶². До конца 70-х гг. XIII в. крест хранился в тырновской церкви Вознесения⁶³. Дополнительного исследования заслуживает вопрос о том, чем была вызвана популярность в Болгарии архистратига Михаила⁶⁴. Возможно, здесь тоже удастся выявить какую-то антигреческую направленность.

Кроме того, болгарские правители озаботились созданием собственного, сугубо национального сонма святых — осуществляется перенос в Тырново мощей Ивана Рыльского, Петки, Илариона Ме-

⁵⁷ Бакалов Г. Средновековният български владетел. С. 161.

⁵⁸ Панова Р. Столичният град. С. 166.

⁵⁹ Билярски И. Институциите. С. 44.

⁶⁰ Тъпкова-Заимова В. Културът на св. Димитър Солунски и някои въпроси, свързани с византийското културно влияние в балканските и славянски страни // Проблеми на балканската история и култура. София, 1979. С. 11—12.

⁶¹ Iberites J. Λόγος εἰς τὰ θαύματα τοῦ ἁγίου Δημητρίου // Μακεδονικά (1940). № 35.

⁶² Гръзки извори за българската история. Т. 8. София, 1971. С. 251.

⁶³ Турилов А. Болгарская православная церковь // Православная Энциклопедия. Т. 5. М., 2002. С. 624.

⁶⁴ Ср. портреты царя Михаила II и архангела в церкви Архистратига в Костуре: Василев А. Ктиторски портрети. София, 1960. С. 13, 15; Божков Ат. Тырновска средновековна художествена школа. София, 1985. С. 18.

гленского, еще один покровитель — Прохор Пчинский⁶⁵ и, что самое любопытное, царь X в. Петр, который осуществлял одновременно и государственную преемственность (см. выше), и небесный патронаж⁶⁶. Важную роль играл и культ Кирилла и Мефодия. «Солунская легенда», написанная как бы от имени Кирилла, позволяет проследить антигреческую направленность этого культа: «Узнали болгары обо мне. И великий князь Десимир Моравский, Радивой князь Преславский и все болгарские князья собрались около Солуни и воевали против Солуни три года, проливая много крови. И говорили: “Дайте нам человека, которого бог нам послал”. Тогда меня отдали»⁶⁷.

Чрезвычайный интерес представляет генезис культа Петки Тырновской. Во фракийском городе Эпиваты (совр. Selimpaşa недалеко от Стамбула) в течение XI в. подспудно развивался низовой культ местной святой Параскевы Новой. Официальная византийская церковь не спешила ее признавать: в XII в. патриарх Феодор Вальсамон приказал сжечь житие святой, «написанное неким крестьянином, в манере хамской и недостойной». И тем не менее, по загадочной причине именно ее мощи потребовал себе в 1231 г. царь Иван Асень II у Латинской империи и торжественно перевез их в свою столицу Тырново, где святая была переименована в Петку и сделалась заступницей всей земли болгарской⁶⁸. Причины этого выбора остаются загадочны (возможно, низовое почитание святой распространилось шире, чем можно предполагать) — но в одном можно быть уверенным: выбор царя пал на святую, с одной стороны, принадлежавшую к греческому православию, а с другой — не занимавшую никакого «официального» положения в византийском пантеоне и тем самым открытую для любых интерпретаций. Поскольку простонародное греческое житие Параскевы

⁶⁵ Ангелов Д. Общество и общественна мисъл в средновековно България (IX—XIV в.). София, 1979. С. 271—272.

⁶⁶ Билярски И. Покровители на Царството (Св. цар Петър и св. Параскева-Петка). София, 2004.

⁶⁷ Стара българска литература. Апокрифи. София, 1982. С. 300. Отметим параллельно особую роль, которую и в этой легенде играет болгаро-сербский симбиоз.

⁶⁸ Билярски И. Покровители. С. 43

до нас не дошло, трудно сказать, выступала ли она в роли защитницы родного города Эпиваты (из позднейших житий это никак не следует), но в Тырново она сделалась именно такой святой-градозащитницей, и весьма вероятно, что это была болгарская агиографическая инновация. В XIII в. создается гимнографический цикл тырновским святым: в Драгановой минее собраны вместе службы Петру, Петке, Михаилу Воину, Ивану Рыльскому, Кириллу и Мефодию⁶⁹.

Для независимого государства была необходима и независимая церковь. Уже во время антивизантийского восстания в Тырново создается новая епископия: в новопостроенной церкви, где содержалась икона св. Димитрия, болгары заставили трех византийских иерархов рукоположить во епископы болгарина Василия, который и венчал на царство Петра Асеня⁷⁰. Здесь не могло быть и речи о согласии Охридского архиепископа, в чью юрисдикцию входило новообразовавшееся государство. Тамошний канонист Димитрий Хоматиан называл это противоканоничным самоуправством и самозванством⁷¹, причем Хоматиан не сомневается, что все назначения епископов на те кафедры, на которых уже имелись греческие иерархи, производилось «исключительно княжеской властью (*archontikee malista exousia*)»⁷².

Прицел на провозглашение Тырновской церкви патриархатом был взят с самого начала, еще до того, как в 1235 г. никейский патриарх официально признал его. Хоматиан говорит о Тырновском иерархе как о «так называемом патриархе»⁷³, явно имея в виду позицию самих болгар. Разумеется, определяющая роль царя в церковных делах всеми признавалась как нечто само собою разумеющееся: когда Иван-Асень II решил перевести Болгарию из-под папской юрисдикции под византийскую, митрополит Анкирский Христофор прислал ему письмо, хваля за то, что тот «добрым образом соединил... то, что прежде злым образом было разъединено, и благоустроил в

⁶⁹ Турилов А. Драганова Миния // Православная Энциклопедия. Т. 16. 2007. С. 118.

⁷⁰ Турилов А. Болгарская православная церковь. С. 623.

⁷¹ *Demetrius Chomatenus. Ponemata diaphora* / Ed. by G. Prinzing. Berlin; New York, 2002. P. 378.

⁷² Ibid. P. 427.

⁷³ Ibid. P. 50.

Загоре православнейшее дело, которое не мог (устроить) никто из твоих предшественников»⁷⁴. Иерарх далее советовал: «Пусть твоя царственность изберет кого захочет и пусть за него проголосуют архиереи, подчиненные Тырновскому престолу и пусть будет прислан ко мне за рукоположением тот, за кого проголосуют»⁷⁵. Среди желательных достоинств царя — благочестие и покровительство клиру: «Иоанн Асень царь великий... иже многу любовь имея к Богу прославив и просвети Българское царство паче всех царей българских бывших прежде его, иже монастыря създа и украсив велми... и церкви многими дарми одарив, и свободу чисту на нихъ объявив и въсекъ священнический чинь... многими чьстми почеть... обновив патриаршество българскаго царства»⁷⁶. Разумеется, одной из важнейших добродетелей царя являлось отстаивание чистоты веры. В Синодике, где Борил живописует победу над богомилами, сказано: «Иже не покоришася православному собору, предани быша различнымъ казнемъ и заточению»⁷⁷. Но за все это он, по представлениям болгар, получал полное право управлять церковью по своему разумению. Нигде в источниках мы не найдем ни одного протеста против засилья светской власти в духовных делах.

Институт патриаршества был заимствован болгарам у ромев; более того, некоторые атрибуты титула также были аккуратно переведены на славянский язык с греческого: например, формула «Божьей милостью» была сравнительно недавним нововведением в титул византийского патриарха — и аккуратно воспроизведена в болгарском титуле⁷⁸. И тем важнее оказывается то различие, которое появилось между титулами: болгарский первоиерарх именовался «патриарх болгарам» (Иоаким I, Виссарион⁷⁹, позднее «патриарх

⁷⁴ *Васильевский В. Г.* Обновление болгарского патриаршества. С. 53.

⁷⁵ Там же. С. 54—55.

⁷⁶ *Борилев Синодик...* С. 156—157.

⁷⁷ Там же. С. 153—154.

⁷⁸ *Николова Б.* Титулата на Българския патриарх през XIII—XIV век // Исторически преглед. 1994—1995. Кн. 6. С. 58.

⁷⁹ Ср.: *Овчаров Н., Хаджиев Х.* Новооткрытия Висарионов надпис от В. Тырново и събитията в България през 40-те години на XIII век // Векове, 1991. Кн. 1—2. С. 24—27.

всем болгарам» и наконец, уже с 1263 г., «патриарх богоспасаемого града Тырново и всем болагарам»⁸⁰. Тот факт, что формула включала название народа, а не страны, может объясняться подражанием царскому титулу⁸¹. Появление же столицы была заявкой на превращение Тырново в «Третий Рим». Впрочем, относительно того, когда именно возникла эта идеологема, в науке нет консенсуса: с одной стороны, формула «Иоакиму первому патриарху богоспасаемого царьграда тырново» появляется в Синодике, то есть должна быть отнесена к 1253 г. Но с другой стороны, она надолго исчезает потом из источников, с тем чтобы вновь появиться лишь в XIV в. Есть основания заподозрить, что текст Синодика был отредактирован в конце XIV в. в соответствии с представлениями эпохи⁸².

Реальная власть Тырновского патриарха сильно зависела от конкретной политической ситуации: если Иоаким I был лицом, приближенным к Ивану Асеню и, вполне возможно, выступал в качестве регента при малолетнем Коломане I в 1241—1246 гг., то Иоаким III был казнен Георгием Тертером в 1300 г. — случай беспрецедентный в истории взаимоотношений царства и священства на Балканах⁸³. Про одного из патриархов, Макария, известно лишь, что он стал «священномучеником»⁸⁴. Самый тот факт, что болгарские патриархи практически не фигурируют в византийских источниках, что мы не знаем ни точного количества патриархов, ни, зачастую, того, кто они были, свидетельствует о подчиненной роли церкви во Втором Болгарском царстве.

⁸⁰ *Николова Б.* Устройство и управление на българската православна църква (IX—XIV век). София, 1997. С. 258.

⁸¹ *Николова Б.* Титлата... С. 59—60.

⁸² Там же. С. 58.

⁸³ *Чешмеджиев Д.* Иоаким III // Православная Энциклопедия. Т. 23. 2010. С. 171.

⁸⁴ *Николова Б.* Устройство. С. 259—261.

III

В восстании против византийской власти в 1185—1187 гг. участвовали не только болгары, но также вlahи и куманы. Видимо, первоначально болгарская знать уступала по уровню своей когерентности знати вlahской или куманской. Иначе нельзя объяснить тот факт, что нормальной формой титула болгарских царей был на первых порах «царь болгар и вlahов»; мало того, Петра именовали попросту *Calopetrus Blachorum dominus*⁸⁵, а Калоян был предводителем «*Blacorum et Commanorum*»⁸⁶. Аналогичное положение складывалось и в других средневековых государствах, например, Венгрии или Грузии. Там, однако, местная знать выражала недовольство засильем пришлого элемента. Что же касается Болгарии, то вражда местной и пришлой знати, если и существует, то в источниках не проявляется⁸⁷. Широкое распространение в среде знати имен куманского происхождения, таких как Ханко, Тертер, Шишман, Карач, Семир, Хинат, свидетельствует о конвергенции этнических слоев аристократии.

Ощущение эксклюзивности было очень сильно во всех слоях болгарской знати, пусть даже в материальном отношении ее жизнь не очень сильно отличалась от жизни широких слоев населения⁸⁸. Женитьба Феодора Святослава на дочери богатого купца вызвала шок

⁸⁵ Латински извори за българска история. Т. 3. София, 1965. С. 290. Ср.: Гагова К. Калоян — цар на България и Влахия // Исторически преглед. 1999. № 3—4. С. 3—17.

⁸⁶ Латински извори за българска история. Т. 4. София, 1981. С. 14.

⁸⁷ Отдельные косвенные признаки выявлены в статье: Николов Г. Въртешнополитическото развитие на възобновелното Българско царство (края на XII — края на XIII в.): фактори и проблеми // Сборник радова Византолошки Институт. Т. 46. 2009. С. 172—174.

⁸⁸ Овчаров Т. Археологическа характеристика на Второто Българско царство. Велико Търново, 2004. С. 279.

в его кругу: «Святослав, будучи беден, встретился с одним богатым купцом Пантолеонтом. Он породнился с человеком случайным и частным (*tychonti kai idiotee*), будучи сам благородным отпрыском царя»⁸⁹. Принадлежность к знатнейшему роду отмечается в источниках как необходимая предпосылка для всякой политической деятельности: Радослав ведет свою интригу, «будучи из первейшего клана среди болгар»⁹⁰. Знать была, естественно, связана с царем общим ритуалом. Так, Георгий Акрополит из собственного опыта посланника к болгарскому двору рассказывает, как «на праздник Рождества болгарские вельможи (*Boulgaroon archontes*) особенно блистают, и тогдашний князь болгар Константин хотел быть вместе с ними, и чтобы я стал зрителем празднества»⁹¹. Когда в 1195 г. нужно было встречать мощи Ивана Рылского, царь вышел за ворота Тырново вместе «со всем синклитом». Боляре участвуют наряду с иерархами и в антибогомильском соборе 1211 г. «архиереям... и всем боляром болгарским сошедшимся с царем Борилом — вечная память»⁹².

Однако единство царя и знати поверхностное. Как и многие государства, образовавшиеся в результате восстания, Болгария имела чрезвычайно мощную военную прослойку, которая, как представляется, не очень подчинялась центральной власти. Константин Манассия пишет о «могущественных среди болгар (*hoi dynatoi Boulgaroon*)»⁹³. С самого момента образования Царства Добромир Хриз в 1190-х гг., в крепости Просек на Вардаре, и Слав в 1208 г. в Родопско-Пиринской области, вели себя как независимые правители. Про последнего Акрополит сообщает, что он «почитался как деспот... был самовластен не подчиняясь никому из окружающих правителей»⁹⁴. Так же независим Стрез, — «хотя злоумен, но благороден»⁹⁵. В 1205 г., по сообщению Рене де Три, жители Пловдива отказались подчиняться

⁸⁹ *Georgii Pachymeris*. De Michaelae et Andronico Palaeologis. P. 265.

⁹⁰ *Ibid.* P. 266.

⁹¹ *Georgii Acropolitae*. Opera. P. 176.

⁹² Попруженко. Синодик. С. 82.

⁹³ *Constantini Manassis*. Breviarium Chronicum / Ed. by O. Lampsides. Athenai, 1996. P. 317.

⁹⁴ *Georgii Acropolitae*. Opera. P. 39.

⁹⁵ Златарски. История. Т. 3. София, 1940. С. 270.

Калояну, «узнав его злокозненность, и освободившись от его власти, сделали императором одного из своих (*unum ex se ipsis*)»⁹⁶.

Отчасти раздробление властных полномочий начинается в Болгарии с самого первого момента ее существования. Так, еще в 1188 г. «Асень брата Иоанна держал при себе, а Петра, выделив ему некоторую часть своего государства, назначил его управлять. Петру были отданы его братом Асанем в качестве собственного владения Великая Преслава, Проватус и их окрестности, и поэтому до сих пор эта территория называется Петровой землей»⁹⁷.

Чрезвычайно велика была роль придворных кругов. В 1207 г. царь Калоян был убит собственным полководцем Манастирем⁹⁸. Осенью 1254 г. юный царь Михаил Асень воевал с византийцами; весть о приближении императора Ватаца, по словам Акрополита, «смutila окружение правителя болгар (*tous peri ton boulgararchon*), однако они не покинули место, на котором разбили лагерь»⁹⁹. Царь, как видим, играет здесь совершенно декоративную роль. После смерти Михаила Асеня и убившего его брата Калимана, как рассказывает Пахимер, «так как государство болгар не имело законного наследника, то первые лица, собравшись на совет, решили призвать над собой власть Константина, сына Тиха»¹⁰⁰. В 1256 г. севастократор Калоян «с ведома некоторых тырновских жителей»¹⁰¹, то есть, очевидным образом, бояр, убил Михаила Асеня и взял власть. Когда в 1257 г. Ростислав с войском подошел к Тырново, то севастократор Калоян бежал, но бояре тем не менее не впустили претендента в город. По всей видимости, им казалось унижительным, чтобы власть досталась вассалу венгерского короля¹⁰². Вообще понятие «тырновцы», употребляемое

⁹⁶ Латински извори за българска история. Т. 4. София, 1981. С. 14.

⁹⁷ *Georgii Acropolitae. Opera.* P. 20.

⁹⁸ *Златарски. История.* С. 259.

⁹⁹ *Georgii Acropolitae. Opera.* P. 111.

¹⁰⁰ *Georges Pachymérès. Relations historiques.* P. 569.

¹⁰¹ *Georgii Acropolitae. Opera.* P. 152. Новейший русский перевод «согласно известию» (*Георгий Акрополит. История.* СПб., 2005. С. 122) — неверен.

¹⁰² *Златарски. История.* С. 469.

иногда Пахимером¹⁰³, говорит о столичной знати как о сплоченной социальной группе.

Еще в 1259 г., в момент создания Боянской росписи, ктитор церкви севастократор Калоян, хотя и велит изобразить себя на фресках с истинно царским величием, тем не менее всячески подчеркивает свою связь с правящей династией: «Калояна севастократора, братучеда царева, внука святого Стефана, краля сербского, написа же се при царстве блгарское, при благовернемь и богочытивемь и христолюбивемь цари Костаньдине Асене»¹⁰⁴. По мере того как слабеет в течение 2 пол. XIII в. центральная власть, возрастает и значение провинциальных магнатов. Разумеется, в районах смешанного проживания болгар и греков, например в Мелнике, знать свободно выбирала, на чью сторону склониться — к Болгарии или к Византии (см. выше). «Спустя немного времени, все они, собравшись вместе — знатнейшие, военачальники, а также именитейшие из жителей (*hosoi te toon prouxontoon, hosoi toon en strateia kateilegmenoon kai hosoi kreit-tous alloos toon oikeetoroon*), отправились к императору... великолепно одетые и благородные мужи, по одному виду достойные почитания и уважения, числом более 500»¹⁰⁵. Именно с «болгарскими правителями (*archontas toon Boulgaroon*)» считает необходимым дружить Ивайло, когда его трон шатается¹⁰⁶. Соперником Ивайла является важный феодал Тертер, у которого нет династических прав, но который пользуется популярностью, видимо, в кругах боярства. «Между терновитянами особенно замечателен был Тертерий, которого болгары очень уважали и величали. Царь захотел соединить его узами родства с Аманом и почтить достоинствами, потому что он сильно посягал на царскую власть и между военачальниками домогался высшего значения... Царь обещал сделать Тертерия деспотом на том условии, что он вступит в брак с родной сестрой Асана... Тертерий по желанию болгар занял оставленный царский престол, и потом вскоре пронесся слух, что он начал царствовать на самом деле и торжественно коронован как владе-

¹⁰³ *Georges Pachymérès. Relations historiques. P. 565, 567, 589.*

¹⁰⁴ *Гълъбов И. Надписите към Боянските стенописи. София, 1963. С. 24—25.*

¹⁰⁵ *Georgii Acropolitae. Opera. P. 77.*

¹⁰⁶ *Georges Pachymérès. Relations historiques. P. 565.*

тель Болгарии»¹⁰⁷. Могущество бояр явствует из рассказа Пахимера: «Унаследовав власть над болгарями, Мицо, сам будучи болгарин... иногда враждовал с царем, а иногда — с болгарскими вельможами (megistasi toon Boulgaroon), вызывая их ненависть. Поэтому-то большинство вельмож склонились к Константину»¹⁰⁸.

Боярство легко переносило свои лояльности с одних претендентов на других, и это создавало у византийских наблюдателей впечатление, что «все болгарство склонно к вероломству, и легче положиться на дуновение ветра, чем на их преданность»¹⁰⁹. В разных областях возникают центры автономной власти, независимой от Тырново: в 1273 г. два брата Дърман и Куделин, куманы, устроили собственное княжество с центром в крепости Ждрело в верховьях Млавы; Братя Смилец, Войсил и Радослав, обосновались в крепости Копсис (в районе Сопота)¹¹⁰. Совершенно независим был русский князь Яков Светослав, бежавший от татар в Болгарию, ставший «деспотом» и устроивший в 1261 г. собственное княжество со столицей в Видине. Он чеканил собственную монету и именовался «императором Болгарии»¹¹¹. По всей видимости, западные представления о знати как о политически независимом от центральной власти слое общества оказывал влияние и на болгарскую аристократию. Волны крестовых походов не могли не запечатлеть в сознании болгар образ гордого, никому не кланяющегося рыцаря. Мы можем судить об этом по косвенным признакам: так, на чаше из никопольского клада симитирован западный герб¹¹².

¹⁰⁷ *Georges Pachymérès. Relations historiques. P. 559.*

¹⁰⁸ *Georgii Pachymeris. Historia brevis. V. 5.8. Cf. Georges Pachymérès. Relations historiques. P. 451.*

¹⁰⁹ *Georges Pachymérès. Relations historiques. P. 568.*

¹¹⁰ *Гюзелев И. Столиците на България. София, 2000. С. 36.*

¹¹¹ *Сотиров И. Монетосечението на деспот Яков Светослав и българо-унгарските отношения през трета четвърт на XIII в. // Нумизматика, сфрагистика и епиграфика. Т. 3. 2006. № 1. С. 215—231.*

¹¹² *Овчаров Н. Надписите за собственост върху произведенията на тоаревтика от старобългарската и среднобългарската епоха (IX—XIV в.) // Старобългаристика. Т. 22. 1998. № 3. С. 92.*

Каково было в Болгарии представление о народе и его соотношении с элитой? Наши данные здесь ничтожны. Народ упоминается после боярства, в Синодике Борила: «Повели (Борил) сънитися събору. Съшедшим же ся убо архиереямъ всемъ... еще же и всемъ бояромъ и множество много прочего народа»¹¹³. Напротив, в рассказе Григоры о том, как шел к власти Константин Тих, народ фигурирует на первом месте: «Видя, что власти Болгарии совершают ошибки, он сам восстает против них: на свою сторону он склонил народ (*deemotikon*) и всех, кто занимает видное место в этом племени (*hoson en episeemois tou ethnous*) и элиту (*ekkriton*). Получив от них всех добровольное провозглашение себя правителем, он приступает к осаде Тырново, где находился царский дворец болгар»¹¹⁴. Можно ли на этом основании предполагать, что в острых ситуациях роль простонародья возрастала, сказать трудно. Как ни странно, в сообщениях наших источников о «мужицком царе» Ивайле специально никак не обсуждается вопрос, может ли человек незнатного происхождения занимать трон. Конечно, социальное презрение к Ивайле должно было быть весьма велико: оно выражается, среди прочего, в том обстоятельстве, что византийские источники аттестуют его исключительно теми пренебрежительными прозвищами, которыми, очевидно, называло его боярство: Лахана, Бърдоква, Кардокувас. Боярство было настроено к нему враждебно и при первой же возможности в 1279 г. свергло¹¹⁵. Однако сама царица не только впустила безродного претендента в Тырново, но и вышла за него замуж. Тот факт, что Ивайла не считал себя обязанным никак скрывать свое низкое происхождение и выдавать себя за представителя Асенидов, свидетельствует, возможно, о падении престижа правящего класса в условиях хаоса 2 пол. XIII в.

¹¹³ Борилов Синодик... С. 152.

¹¹⁴ *Nicephori Gregorae. Historiae Byzantinae.* P. 61.

¹¹⁵ Златарски. История. С. 544—565.

ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ СЕРБИИ КОНЦА XII—XIII вв.

**(ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО
В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СЕРБСКИХ КНИЖНИКОВ)***

I

Вторая половина XII—XIII столетия представляют вне всяких сомнений новый этап в развитии как сербского государства, так и сербской общественной мысли. В третьей четверти XII в континентальной части страны, Рашке, возникает независимое централизованное государство, просуществовавшее два столетия под властью одной династии и игравшее практически все это время весьма заметную роль в политической и культурной истории Юго-Восточной Европы, с которым связаны основные исторические представления о средневековой Сербии.

Верхняя хронологическая граница исследования носит в определенной степени условный характер, поскольку она рассекает правление короля Стефана Уроша II Милутина (1282—1321 гг.) на две почти равные части. Кроме того, при характеристике периодов правления двух поколений королей — детей (Радослава, Владислава и Уроша) и внуков (Драгутина и Милутина) Стефана Первовенчанного —

* Разделы 1, 2, 4 написаны А. А. Туриловым, раздел 3 — Б. Н. Флорей.

неизбежно обращение к источникам, созданным уже в первой трети XIV столетия, прежде всего к «Житиям кралей и архиепископов Сербских» архиепископа Даниила II (более подробно этот памятник будет рассмотрен в следующем томе коллективной монографии). Следует также сразу оговорить, что первая из составляющих темы — «власть» освещена источниками несравненно лучше, чем вторая — «общество» (следствием этого, безусловно является активная разработка именно проблематики верховной власти и культа правителей в сербской историографии двух последних десятилетий)¹.

¹ См., например, монографии: *Марјановић-Душанић С.* Владарске инсигније и државна симболика у Србији од XIII до XV в. Београд, 1994; *Она же.* Владарска идеологија Немањића. Дипломатичка студија. Београд, 1997; *Она же.* Свети краљ: култ Стефана Дечанског. Београд, 2007. С. 97—147; *Михаљчић Р.* Владарске титуле обласних господара: Прилог владарске идеологији у старој српској прошлости. Београд, 2001 (= *Михаљчић Р.* Сабрана дела. Књ. 4). С. 11—48, 63—113, 157—176, 205—239; 264—284; *Благојевић М.* Немањићи и Лазаревићи и српска средњовековна државност. Београд, 2004. С. 51—114, 191—276; *Поповић Д.* Под окриљем светости: Култ светих владара и реликвија у средњовековној Србији. Београд, 2006. С. 27—73. В то же время основным обобщающим трудом, относящимся и ко второму аспекту (общество), остается книга Е. П. Наумова «Господствующий класс и государственная власть в Сербии XIII—XV вв.: Динамика социальной и политической системы сербского феодализма» (М., 1975). Рассмотрение ряда сюжетов (с предшествующей библиографией), относящихся к теме исследования в целом см. также: Лексикон српског средњег века / Приредили С. Чирковић, Р. Михаљчић. Београд, 1999. С. 28—29 (Бан), 56 (Бољар), 71—72 (Велики), 72—73 (Велики војвода, Велики жупан), 75—77 (Велможа, Вера. 2), 85—86 (Владац, Владика), 87—89 (Властела), 91—92 (Властеличини), 95—97 (Војвода), 98—99 (Војници), 120—121 (Господар, Господин), 141—142 (Двор. 4—5, Дворјанин), 154 (Династија), 165—170 (Држава, Дружина), 197—198 (Жупан), 222—228 (Збор), 256 (Имена српских владара), 259—260 (Инсигније), 299—301 (Кнез), 321—324 (Краљ), 330—332 (Крст), 334—336 (Круна, Крунисање), 342—343 (Култ српских владара), 369—373 (Логотет, Лоза Немањића), 413—414 (Млади краљ), 432—433 (Намесник), 433—434 (Наследник), 502 (Патрицијат), 521—523 (Племе), 524—525 (Племство), 574—575 (Првородство), 580 (Престо), 596—597 (Протовестијар), 600—602 (Прстен), 622—625 (Роб, Робина), 637—640

Особенность сербской источниковой базы для рассматриваемого периода состоит в том, что сведения о светских представителях господствующей верхушки (за исключением лиц, относящихся к боковым ветвям правящей династии) в них крайне немногочисленны. Для конца XII—XIII вв. не сохранилось, по сути, ни одного известия о строительстве храмов по заказу знати (вельмож или лиц великожупанской (позднее королевской) администрации)² и лишь одно о переписке книг для них³. Персональных упоминаний о них нет и в славянских грамотах сербских правителей (об отсутствии грамот самих вельмож и грамот, выданных им верховной властью, говорить представляется излишним); не зафиксированы даже упоминающие их надписи-граффити на стенах храмов, подобные тем, которые известны, к примеру, в киевском Софийском соборе. Исключение составляет небольшое число надгробных надписей, в которых обозначено социальное положение усопшего⁴. В этом отношении источниковая база рассматриваемого периода существенно уступает XIV столетию.

(Совет, Савладар), 642—643 (Самодржац), 650 (Сатник), 674—675 (Слуга), 719—723 (Судство), 728 (Тепчија), 732—734 (Тисућник, Титуле), 759 (Удео-не кнежевине), 789—792 (Цар), 812—815 (Челник, Чельадин).

² Единственное исключение составляет лишь Благайская надпись (Томовић Г. Морфологија ћириличких натписа на Балкану. Београд, 1974. № 9. С. 36—37; Чугоја Б. Најстарији српски ћирилски натписи (графија, ортографија и језик). 4-о доп. изд. Београд, 2008. С. 33—34), сохранившаяся фрагментарно и датируемая по упоминанию Немани 1168—1196 гг., о постройке неназванной церкви в окрестностях Мостара жупаном, имя которого утрачено.

³ Так называемая Браткова Минея служебная (Белград, Народная библиотека Сербии, Рс. 647), написанная при короле Владиславе (1234—1243) для великого тепчии Обрада пресвитером Братком (Стојановић Јб. Стари српски записи и натписи. Београд, 1902. Књ. 1 (репринт, 1982). № 14. С. 6).

⁴ Наиболее полную сводку данных по средневековой сербской эпиграфике для рассматриваемого периода представляют издания: Томовић Г. Морфологија ћириличких натписа... С. 34, 36—38, 40—41, 43—44 (№ 5, 9, 10, 12, 14—17, 20, 21); Чугоја Б. Најстарији српски ћирилски натписи... С. 19—48.

Мало влияет на ситуацию и то обстоятельство, что древнейшими и наиболее значительными по объему памятниками сербской литературы XIII — начала XIV вв. являются жития светских и церковных правителей страны: четыре жития св. Симеона — в миру великого жупана Стефана Немани (3 авторских — написанные его сыновьями, св. Саввой (будущим архиепископом)⁵ и королем Стефаном Первовенчанным⁶, иеромонаха Доментиана⁷, и краткое анонимное проложное⁸) и три⁹ св. Саввы, архиепископа Сербского (два авторских — Доментиана¹⁰ и хиландарского иеромонаха Фео-

⁵ Новейшее комментированное издание текста: *Свети Сава*. Сабрана дела / Приредило и превео Т. Јовановић. Београд, 1998. С. 148—191, 251—257.

⁶ Последнее комментированное издание памятника: *Стефан Првовенчани*. Сабрана дела / Предговор, превод дела и коментари Љ. Јухас-Георгиевска. Издање на српскословенском — Т. Јовановић. Београд, 1999. С. 14—107, 135—175.

⁷ *Доментијан*. Живот светог Симеуна и светог Саве / На свијет издао Ђ. Даничић. Београд, 1965 (репринт изд. 1865 г.).

⁸ См.: *Богдановић Д.* Пролошко житије светог Симеона // Прилози за књижевност, језик, фолклор. Београд, 1976. Књ. 42. С. 9—19.

⁹ В 1970-х гг. Д. Богданович высказал мнение о существовании еще одного древнего жития св. Саввы, лежащего, возможно, у истоков всей агиографической традиции первого сербского архиепископа. Речь идет об исследованном и изданном им кратком (но не проложном) житии святого, содержащемся в сборнике XIV в. — РГБ, Музейное собр., № 10272 (*Богдановић Д.* Кратко житије светог Савве // Зборник Матице српске за књижевност и језик. Нови Сад, 1976. Књ. 24. С. 5—32; *Он же*. Историја старе српске књижевности. Београд, 1980. С. 155—156). В настоящее время, однако, считается (в соответствии с более ранней исследовательской традицией), что несмотря на древность списка, памятник был создан уже в XIV в. (вероятно, в царствование Стефана Душана) на основании текста Доментиана (см.: *Јухас-Георгиевска Љ.* Књижевно дело јеромонаха Доментијана // *Доментијан*. Житије светог Саве... С. CXII—CXIII, CXXXI—CXXXII, CXXXIV) и должен рассматриваться в числе памятников сербской исторической и общественной мысли именно этого столетия.

¹⁰ Новейшее комментированное издание памятника: *Доментијан*. Житије светог Саве...

дося¹¹, и анонимное проложное¹²). К слову заметить, абсолютное преобладание в средневековой сербской литературе житий правителей (и при этом не мучеников, как в чешской и русской традиции) составляет ее характерную особенность в славяно-византийском мире¹³ (уместно напомнить, что эта разновидность агиографии не свойственна и византийской литературе, где биографии императоров связаны с жанром хронографии). Можно предполагать поэтому, что образцом для Сербии Неманичей послужила в данном случае соседняя Венгрия, с которой континентальная Рашка на протяжении всей средневековой истории была связана во многих отношениях и где культ верховных правителей (и прежде всего короля Стефана Святого) начал складываться со второй половины XI в.¹⁴

Большое значение для сербской агиографии вплоть до конца XIV в. (когда Григорием Цамблаком создается пространное житие Стефана Дечанского — так называемое 2-е) имело то обстоятельство, что первые жития возродителя сербской державы Стефана Немани были написаны не просто книжниками, близкими к двору правителя, а его родными детьми¹⁵, один из которых (св. Савва) к тому же и сам сразу после своей смерти был канонизирован.

¹¹ Текст издан: *Теодосије Хиландарац*. Живот светог Саве / Издање Ђ. Даничића. Приредио и предговор написао Ђ. Трифуновић. Београд, 1973 (репринт (с исправленным указанием авторства) изд.: Живот светог Саве, написао Доментијан / Трудом Ђ. Даничића. У Биограду, 1860).

¹² См.: *Ковачевић Р.* Прилог проучавању пролошког житија св. Савве // Проучавање средњовековних јужнословенских рукописа / Зборник радова са III Међународне Хиландарске конференције. Београд, 1995. С. 167—174.

¹³ Общая характеристика этого историко-культурного феномена, определяемого как «династическая историография» дана в монографии С. Хафнера (*Hafner S.* Studien zur altserbischen dynastischen Historiographie. München, 1964).

¹⁴ См., например: *Марјановић-Душанић С.* Свети краљ: култ Стефана Дечанског. Београд, 2007. С. 56—64.

¹⁵ О Стефане Первовенчанном и св. Савве как писателях см. подробнее: *Кашанин М.* Српска књижевност у средњем веку. Београд, 1975. С. 111—151; *Богдановић Д.* Историја... С. 143—154; *Јовановић Т.* Свети Савва // Свети Савва. Сабрана дела... С. VII—XXXI; *Јухас-Геоργиевска ЈБ.* Стефан Првовенчани и његово дело // *Стефан Првовенчани*. Сабрана дела... С. VII—LXXIV.

Хорошо образованные и безусловно литературно одаренные сыновья стремились представить образ не просто государя, а государя, оставившего под конец жизни свой престол и принявшего монашеский постриг¹⁶. Житийный св. Симеон сознательно отстранен от брэнного мира и мирского прошлого, вознесен над ним. Для подчеркивания масштаба центральной фигуры житий повествование у обоих авторов максимально освобождено от примет обыденности и, в частности, предельно деперсонифицировано. Бросается в глаза (в особенности в более пространным житии, написанном Стефаном) крайне ограниченное число имен действующих лиц. По сути, они сводятся к ближайшим членам семьи (жена и дети), иностранным правителям и нескольким духовным персонам (архиереям и игуменам). Даже отец и мать главного героя, не говоря уже о братьях, отношения с которыми у Стефана Немани были весьма непростыми¹⁷, не названы в житии по имени (случай для памятников княжеской агиографии, насколько известно, редчайший); в равной мере это относится к поданным¹⁸. В умолчании о именах ближайших родственников, часть которых даже в конце XIV в. была известна составителю древнейшей редакции родослова¹⁹, трудно не усмотреть стремления авторов к решительному разрыву с предшествующей династической традицией, подчеркиванию богоизбранности героя. Эта особенность повествования, населенного безымянными персонажами, вызывает в памяти скорее даже не собственно агиографические произведения,

¹⁶ Подробнее см. об этом: *Марјановић-Душанић С.* Владарска идеологија Неманића... С. 274—286 (глава «Владар — монах — светител»); *Она же.* Свети краљ...; *Поповић Д.* Под окриљем светости... С. 27—73.

¹⁷ Подробнее о исторической ситуации в Сербии в период, предшествующий вокняжению Немани см.: *Lešny J.* Studija nad počatkami serbskicj monarchii Nemaniczów (połowa XI — koniec XII wieku). Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1989. S. 128—179.

¹⁸ В отношении последних нельзя также не отметить особенности, речь о которой подробнее пойдет ниже. Социальная терминология древнейших сербских житий за редким исключением носит подчеркнуто книжный характер (по всей видимости, ориентирована на Библию).

¹⁹ См.: *Стојановић Љ.* Стари српски родослови и летописи. Београд: Српски Карловици, 1927. С. 14—15, 17.

а патериковые повести, где обычны «некие старцы» и их не менее анонимные ученики и посетители — иноки и миряне. Если говорить о зрительных ассоциациях, то повествования о первых Неманичах более всего напоминают житийную икону, в среднике которой помещен главный герой сюжета с указанием имени, но персонажи в окружающих клеймах никак не поименованы (причем это не следствие утраты сопровождающих надписей, а часть авторского замысла)²⁰. В силу вполне объяснимого авторитета первых сербских агиографов такая манера изложения житий была воспринята в основном и их последователями.

Другие литературные памятники (как оригинальные, так и переводные), которые могут быть привлечены для исследования темы, в сербской книжной традиции для рассматриваемого периода немногочисленны и сравнительно мало информативны. Оригинальные поучения (и авторские и анонимные), затрагивающие вопросы власти и общества, в творчестве сербских книжников не представлены (и, по крайней мере, до настоящего времени не разысканы) — этот жанр, по существу, вообще не распространен в средневековой сербской литературе, если не считать пространных поучений, вложенных в уста св. Саввы Сербского в Доментиановой версии его жития. Учительная часть Пролога — одного из наиболее распространенных и обращенных к широкому кругу слушателей четых сборников — составленная во второй половине XII в. на Руси и содержащая зна-

²⁰ Весьма примечательны в этом смысле и сохранившиеся исторические композиции в стенописях сербских храмов XIII в. (придел-капелла короля Драгутина в Джурджевых Ступах (1282/83 г.), церковь св. Ахиллия в Арилье — 1296 г.), изображающие государственные и церковно-государственные «соборы» в державе Неманичей конца XII — XIII столетий. Здесь «рядовые» светские участники, у которых изображены только головы, представлены на заднем плане и составляют своеобразный фон для сидящих на троне фигур правителей и предстоящих им архиереев. Ситуация меняется лишь в памятниках зрелого XIV в., когда эти «статисты» начинают изображаться хотя и по-прежнему предельно обобщенно и унифицированно, но по крайней мере в полный рост. См.: *Ђурић В.* Историјске композиције у српском сликарству средњег века и њихове књижевне паралеле (наставак) // *Зборник радова Византолошког института (ЗРВИ)*. Београд, 1967. Књ. 10. С. 131—141.

чительное число поучений, посвященных обязанностям правителей и вопросам социального согласия²¹, до XVI в. не получила известности у южных славян.

Не вполне ясной представляется ситуация с бытованием в сербской книжности в рассматриваемый период переводных текстов, раскрывающих тему обязанностей и добродетелей правителя (в первую очередь это так называемые «княжеские (или “правительские”) зеркала») и взаимоотношения властителя и подданных, хотя репертуар сохранившейся сербской рукописной традиции несравненно богаче современной ей болгарской²². Такой популярнейший в Средние века образец «зеркала правителей» как «главы» дьякона Агапита к императору Юстиниану (вторая четверть VI в.)²³ известен (в болгарском переводе X в.)²⁴ в ряде сербских списков тре-

²¹ Подробнее об этих текстах см.: Флоря Б. Н., Турилов А. А. Общественная мысль Древней Руси в эпоху раннего средневековья // Общественная мысль славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 2009. С. 64—68.

²² См., например: Трифонова Р. Българската традиция при формирането на общия южнославянски книжовен фонд и неговото усвояване в сръбските земи // Старобългарска литература. София, 1994. Кн. 28—29. С. 56—61; Турилов А. А. Роль сербской рукописной традиции в сохранении древнейших памятников славянской литературы // Славянский альманах 1998. М., 1999. С. 17—29 (То же // *Он же*. *Slavia Cyrillomethodiana*: Источниковедение истории и культуры южных славян и Древней Руси. Межславянские культурные связи эпохи средневековья. М., 2010. С. 103—114); *Он же*. Судьба древнейших славянских литературных памятников в средневековых национально-региональных традициях // *Slavia Cyrillomethodiana...* С. 29—33, 37—38 (впервые статья опубликована на итальянском яз. — *Incontri linguistici*. Vol. 28. Pisa; Roma, 2005. P. 11—29); Станкова Р. (= Трифонова Р.). Старобългарското книжовно наследство в сръбски преписи от XIII и почетак на XIV в. // България и Сърбия в контекста на византийската цивилизация / Сборник статии от българо-сръбски симпозиум. София, 2005. С. 423—447.

²³ Подробнее о памятнике см., к примеру: Ševcenko I. Agapetus East und West: the Fate a Byzantine «Mirror of Princes» // *Revue des Etudes Sud-East Europeenes*. Vol. 16. 1978. № 1. P. 3—42.

²⁴ О происхождении и датировке перевода см.: Буланин Д. М. Неизвестный источник Изборника 1076 г. // ТОДРЛ. Т. 44. Л., 1990. С. 161—169; *Он же*. Античные традиции в древнерусской литературе XI—XVI вв. Мюнхен,

твей четверти XIV в. (София, НБКМ, № 1037, л. 230 об. 233; Петербург, БАН, собр. Текущих поступлений, № 13; Белград, НБС, Рс 26, л. 354—356 об.) в компилятивной выборке под характерным заглавием «Слово к владующим на земли»²⁵. Сама по себе датировка списков отнюдь не исключает возможности того, что памятник мог быть известен в Сербии в XIII столетии и даже раньше. В литературе, однако, справедливо отмечалось, что творение Агапита (полные южнославянские списки которого не известны) интересовало болгарского компилятора X в. не столько как политический трактат, а прежде всего как христианское душеспасительное чтение²⁶. Литературное окружение («конвой») «Слова» во всех известных списках составляют тексты аналогичного (нравственно-аскетического) содержания²⁷. Данное обстоятельство, несомненно, существенно снижает в нашем случае значение памятника в качестве источника по истории сербской общественно-политической мысли.

1991. С. 114—117; *Николов А.* Политическа мисъл в ранносредновековна България (средата на IX — края на X в.). София, 2006. С. 214—230. Полный текст славянского перевода сочинения издан по русским спискам XV—XVI вв.: *Он же.* Старобългарският превод на «Изложение на поучителни глави към император Юстиниан» от дякон Агапит и развитие на идеята за достоинство на българския владетел в края на IX — начало на X в. // *Palaeobulgarica*. 2000. № 3. С. 76—105.

²⁵ Текст по списку НБКМ, 1037 издан: *Буланин Д. М.* Неизвестный источник... С. 171—178.

²⁶ Там же. С. 168. Это обстоятельство явно не учитывает современная исследовательница властительской идеологии Неманичей, которой статья и публикация Д. М. Буланина осталась неизвестной (см.: *Марјановић-Душанић С.* Владарска идеологија... С. 184—186). Правда, для Сербии (и во всяком случае для Хиландаря как ее своеобразной культурной столицы) нельзя исключать знакомства непосредственно с греческим текстом Агапита.

²⁷ См.: *Стоянов М., Кодов Х.* Опис на славянските ръкописи в Софийската Народна библиотека. София, 1964. Т. 3. С. 240—243; *Штавялин-Ђорђевић Љ., Гроздановић-Пајић М., Цернић Л.* Опис ћирилских рукописа Народне библиотеке Србије. Београд, 1986. Књ. 1. С. 45—52. № 27. Сборник БАН, Тек. пост. 13, не имеющий постатейного печатного описания, в значительной степени совпадает по составу с белградской рукописью.

Известный переводной сборник афоризмов (в том числе близких к «княжеским зеркалам») ²⁸ «Пчела», распространенный в сербских списках второй половины XIV—XVII вв. ²⁹, также в значительно меньшей степени может быть привлечен к исследованию темы, чем тот же текст на русской почве. И дело здесь не только и не столько в том, что представленный в них перевод является восточнославянским по происхождению ³⁰. Текст «Пчелы», содержащийся в сербских списках (включая древнейший пергаменный второй половины XIV в. — БАН, 24.4.20, л. 1—27 об.), сильно сокращен, из него исключен полностью целый ряд глав, а из оставшихся выброшено большое число изречений ³¹. И это сокращение нельзя списать на счет позднейших редакторов, поскольку список БАН по всей вероятности без значительных перемен восходит к оригиналу, переписанному в первой трети (или даже четверти) XIII в. в кругу ближайших учеников св. Саввы Сербского в монастыре Студеница ³². Очевидно уже в это время исходно весьма слож-

²⁸ См. об этом, например: *Максимович К. А.* Образ идеального правителя в древнерусской «Пчеле» и политическая мысль Византии // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2002. № 1 (7). С. 28—42.

²⁹ Сводный текст по сербским спискам XV—XVII вв. издан: *Сперанский М. Н.* Переводные сборники изречений в славяно-русской письменности: Исследование и тексты. М., 1904. С. 63—104 2-го счета.

³⁰ Там же. С. 330—345; *Он же.* Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960. С. 42—44.

³¹ *Он же.* Переводные сборники... С. 330—345; Пергаменные рукописи БАН: Описание русских и славянских рукописей XI—XVI вв. / Сост.: Н. Ю. Бубнов, О. П. Лихачева, В. Ф. Покровская. Л., 1976. С. 174—175. Как видно при сопоставлении издания сербских списков с исходным древнерусским переводом (см.: «Пчела». Древнерусский перевод / Изд. подг. А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева. М., 2008. Т. 1. С. [113—556], 581—882), сокращению подверглись в первую очередь библейские цитаты и выписки из творений отцов Церкви, однако возникший в результате этого текст едва ли может быть охарактеризован как исключительно светский по характеру.

³² См.: *Турилов А. А.* «Поучение Моисея» и Сборник игумена Спиридона (новгородский памятник XII в. в контексте русско-южнославянских литературных связей) // *Русистика. Славистика. Индоевропеистика* / К 60-летию А. А. Зализняка. М., 1996. С. 81—93 (дополненный вариант // *Он же.* *Slavia Cyrilloinethodiana...* С. 210—229).

ный и неоднородный по составу сборник афоризмов был сближен по составу с памятниками учительной литературы, причем нельзя быть до конца уверенным, произошло ли это уже на сербской, или еще на древнерусской почве. Данное обстоятельство, как и в предыдущем случае, значительно ограничивает возможность использования сербской разновидности «Пчелы» в качестве источника по теме исследования.

Переводы византийских хроник, действующие лица которых могли представлять как положительные, так и отрицательные примеры образов правителей для сербских книжников, неизвестны вплоть до XIV в.³³ Широко популярный во всей средневековой традиции псевдокаллистен Роман об Александре Македонском, содержащий изображение идеального правителя, был переведен на сербский извод церковнославянского языка (вероятно, в Далмации) не ранее конца XIII в.³⁴ (так наз. «Сербская Александрия») и поэтому может рассматриваться применительно к последующему периоду развития средневековой сербской общественной мысли (более ранний древнерусский перевод памятника — «хронографическая Александрия» — не получил известности у южных славян). В рассматриваемый период главными литературными образцами и эталонами при изображении правителей для сербских книжников служили библейские тексты и памятники (в первую очередь переводные) агиографии и гимнографии. Немаловажное значение имеет также изобразительный материал (в рассматриваемый период наиболее обширный в сравнении с другими православными странами, хотя и заметно уступающий по богатству и репрезентативности XIV в.) — «портреты» правителей и их окружения в стенописях храмов, на монетах и печатях³⁵ — который, однако, может быть привлечен к исследованию лишь в качестве вспомогательного источника.

³³ Трифунувић Ђ. Азбучник српских средњовековних књижевних појмова. 2-о, доп. изд. Београд, 1990. С. 364—368.

³⁴ Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 1 (А—К). С. 21; Трифунувић Ђ. Стара српска књижевност: Основе. 2-о изд. Београд, 1995. С. 299—300.

³⁵ Практически исчерпывающий их перечень см.: Марјановић-Душанић С. Владарске инсигније... С. 45—52; Сл. 1—4 (фресковые изображения); С. 81—83, 87; Сл. 12, 13, 15 (монеты); С. 103—106; Сл. 22—23 (печати).

▲ Подписи великого жупана Стефана Немани
и князя Мирослава на договоре с Дубровником.
(1186 г.)

◀ Св. Симеон Сербский (великий жупан Стефан Неманя).
Фреска собора монастыря Милешева (до 1228 г.)

Богородичная церковь.
Собор монастыря Студеница,
усыпальница Стефана Немани (ок. 1190 г.)

Король Стефан Первовенчанный.

Фреска собора монастыря Милешева (до 1228 г.)

Св. Савва архиепископ Сербский.
Фреска собора монастыря Милешева (до 1228 г.);

Король Владислав.

Фреска собора монастыря Милешева (до 1235 г.)

Король Владислав.

Фреска собора монастыря Милешева (до 1235 г.)

2

Когда основатель династии, правившей в Сербии на протяжении трех столетий (вторая половина XII в.—1371 г.), великий жупан Стефан Неманя после многолетней усьобицы объединил большую часть страны (ок. 1166—1197 гг.) и добился ее независимости от Византии³⁶, новый верховный правитель столкнулся с необходимостью обоснования законности своей власти. Во времена византийского господства в этом не было нужды, поскольку гарантией законности выступала воля василевса, назначавшего и смещавшего многочисленных потомков великого жупана Рашки Уроша I. Однако в новых условиях, когда победителем оказался (при живых старших братьях) младший сын Стефана Завиды, лишь краткое время занимавшего великожупанский престол и лишившегося его в канун или сразу после рождения Немани³⁷, такое обоснование прав на верховную власть было совершенно необходимо. В существующих литературных источниках, относящихся либо к самому концу жизни Немани (когда новая династия посредством брака его второго сына Стефана оказалась в родстве с византийским императорским домом), либо уже посмертных, зафиксирован заключительный этап этой легитимизации, однако можно полагать, что на протяжении трети века основные ее аргументы не подверглись кардинальной трансформации.

³⁶ Подробное изложение исторической канвы событий см.: *Lešny J. Studija...* S. 156—179.

³⁷ Развернутую аргументацию в пользу того, что отец Немани Стефан Завида был непродолжительное время (между 1129–1130 и 1133 гг.) великим жупаном Рашки и о обстоятельствах лишения его власти см.: *Lešny J. Stefan Zavida — syn Urosza I — ojcem Stefana Nemani // Roczniki Historyczne. 1988. Vol. 54 (wyd. 1989), S. 63—74; Ten że. Studija...* S. 128—134.

В аренге грамоты Хиландарскому монастырю (вторая половина 1198 г.) Стефан Неманя определяет свою власть как дарованную Христом и самодержавную³⁸. Ему вторит в житии отца, написанном вскоре после смерти Немани (монаха Симеона), святой Савва: «Бог, творяя на болша человеком, не хотя человеческой гибели, постави сего самодержавного господина царствовать въсею Сръбскою землею...»³⁹. Наследник престола, великий жупан Стефан (будущий Первовенчаный король) в своей жалованной грамоте Хиландарю (ок. 1200 г.) по сути повторяет слова Немани («И вса, яко Бог строя на уньша человеком, ... постави господина ми отца, велиега жупана, нареченаго в светем крещении Стефана Неману») ⁴⁰. При этом богоизбранности и самодержавности правителя (под которой понимается прежде всего его независимость⁴¹) не противоречило на взгляд агиографов то обстоятельство, что «царским» (т. е. великожупанским) саном Неманя был «почтен» от императора Мануила Комнина⁴², с которым позднее воевал, поскольку византийский цесарь признавался в Средневековье главой православных государей⁴³ и его решением двигала в конечном итоге божественная воля⁴⁴.

³⁸ *Ђоровић В.* Списи светог Саве. Сремски Карловци, 1928. Табл. 1; *Трифунковић Ђ., Ђелогрић В., Брајовић И.* Хиландарска оснивачка повеља св. Симеона и св. Саве // *Осам векова Студенице*. Београд, 1986. С. 54.

³⁹ *Свети Савва*. Сабрана дела. С. 148. Здесь и далее славянский текст приводится в упрощенной орфографии и с русификацией правописных норм.

⁴⁰ *Стефан Првовенчани*. Сабрана дела... С. 2.

⁴¹ *Острогорски Г.* Автократор и самодржац // *Он же*. Византија и словени. Београд, 1970 (= Сабрана дела. Књ. 4). С. 321—338; о возможных других аспектах значения эпитета см.: *Наумов Е. П.* Господствующий класс... С. 233—242; *Марјановић-Душанић С.* Владарска идеологија... С. 61—69.

⁴² *Стефан Првовенчани*. Сабрана дела... С. 20—21.

⁴³ См., например: *Острогорски Г.* Византијски систем хисрархије држава // *Он же*. О веровањима и схватањима византинаца. Београд, 1970 (= Сабрана дела. Књ. 5). С. 251.

⁴⁴ «И о сем, братие да не почюдится ум ваш, еже царие любляху и царскою любовию, и почести и санове множаху ему, и ины же владыкы прилежно послушаху его, зане царь вышний, господь Исус Христос любляше его» — *Стефан Првовенчани*. Сабрана дела... С. 20—21.

И сам Неманя в ктиторской грамоте Хиландарю, и все пишущие о нем ставят ему в заслугу, что он «обнови» и «воздвиге погибшую свою дедину»⁴⁵. Это сразу бросающееся в глаза указание на наследование через поколение (не «отчина»)⁴⁶ долгое время воспринималось как указание на то, что отец возродителя сербской государственности не сидел на престоле великих жупанов⁴⁷. Теперь, когда установлено обратное⁴⁸, это противопоставление «отчины» и «дедины» получает трактовку противопоставления времен славы и безчестия сербской истории, в новом ключе осмысливается и молчание житий Немани об имени отца⁴⁹.

⁴⁵ *Ђоровић В.* Списи... Табл. 1; *Свети Сава.* Сабрана дела. С. 148; *Стефан Првовенчани.* Сабрана дела. С. 2. «Обновителем» именуется Неманя и непосредственно в заглавии жития, написанного Доментианом (*Доментијан.* Живот... С. 1).

⁴⁶ Традиционное сочетание «отчина и дедина» стоит в тексте использованного в последнем издании списка Саввиного жития Симеона (*Свети Сава.* Сабрана дела. С. 148), однако нет сомнения, что здесь оно (рукопись датируется 1619 г.) принадлежит перу позднейшего переписчика (Там же. С. 244).

⁴⁷ См., например: *Јиречек К.* Историја Срба / Превео Ј. Радонић. 2-е, испр. и доп. изд. Београд, 1978. Књ. 1. С. 177—178; *Наумов Е. П.* Господствующий класс... С. 184—185.

⁴⁸ См. примеч. 37.

⁴⁹ Такому нарочитому забвению имени ближайшего предка в ветви Немани и его потомков заметно противостоит позиция старшего брата великого жупана — хумского князя Мирослава, который определяется как «сын Завидин» и в записи писца (дьяка Григория) на знаменитом Мирославовом Евангелии (*Стојановић Љ.* Стари српски записи... Књ. 1. С. 3. № 6) и в храмовданной надписи (между 1170 и 1190 гг.) на церкви ап. Петра и Павла в Белом поле (*Томовић Г.* Морфологија... С. 37. № 10; *Чигоја Б.* Најстарији српски ћирилички натписи... С. 34—35). Для двух других братьев Немани — Тихомира и Страцимира — сведений не сохранилось; в надгробной надписи сына первого из них в Будимле (ок. 1220 г.) упомянуты только отец и дядя — «святой Симсон Неманя» (*Стојановић Љ.* Стари српски записи... С. 5—6. № 10).

Особо следует остановиться на выборе Неманей титула «великого жупана». Может показаться странным, что он удовольствовался титулом, не имеющем не только соответствия в латинской и греческой терминологии, но и аналога в традиции соседних славянских государств (например, Болгарии и Хорватии), хотя, присоединив к своей державе приморскую Зету (Дуклю), мог «по праву меча» претендовать на более высокий королевский (и это, естественно, более соответствовало бы стремлению подчеркнуть независимость от Византии). Что же могло заставить нового суверенного владыку отказаться от королевского венца, которого треть века спустя с упорством вынужден был добиваться его сын Стефан? Отчасти в таком выборе титула несомненно нашло отражение перенесение центра политической жизни страны в континентальную ее часть, Рашку, и в связи с этим желание местной знати, на которую в первую очередь опирался Неманя, зримо зафиксировать этот факт (и это едва ли не единственное проявление преемственности новой династии от великих жупанов XI — первой половины XII вв.). Не менее существенно, однако, другое. В научной литературе уже около 20 лет назад было высказано обоснованное сомнение (не разделяемое сербскими исследователями) в самом факте существования на сербской почве королевского титула⁵⁰ до получения Стефаном Первовенчанным короны из Рима (1217 г.). Ранее этого времени титул «краль» не фигурирует в славянских источниках применительно к сербским правителям. Единственный раз определение приморской части Сербии, Зеты, в качестве королевства («рекомей Диоклитии, еже зовется велико кралевство от прьва»)⁵¹, встречается в литературном тексте — 19-й главе Доментианова жития св. Саввы (у Феодосия подобное место отсутствует), где оно устами главного героя призвано обосновать право великого жупана Стефана Неманича на получение королевского венца из Рима («яко да венчает брата своего на кралевство по прьвому отечеству кралевства их, в нем же и отец

⁵⁰ *Lešny J. Studija...* S. 55—66. В работе польского исследователя приведены убедительные примеры того, что термин «гех», применяемый в латинских источниках к представителям дуклянской династии, означает суверенного правителя, отнюдь не обязательно обладающего королевским титулом.

⁵¹ *Доментијан. Житије...* С. 248.

их родися»)⁵². Таким образом, в реальности Стефан Неманя должен был выбирать между титулом великого жупана, связанным с Рашкой, и зетским по происхождению «великим князем». По уже изложенной выше причине выбор был сделан в пользу первого.

В лице святого основателя династии и возродителя державы сербская история получает прочное и достойное осязаемое начало. Поэтому, хотя современники и говорят о «возрождении» и «обновлении» сербской державы Неманей, события, предшествовавшие деяниям «возродителя и обновителя», явно не представляли для них существенного интереса. В текстах, созданных на протяжении немногим более полувека заметно, как истаивают и без того немногочисленные детали, свидетельствующие о существовании более ранней исторической традиции.

Тема избрания верховного правителя (равно как и зеркальная ей, связанная с его насильственным свержением) с участием представителей правящей верхушки общества и других слоев населения («народа») в памятниках сербской письменности, созданных в державе Неманичей в XIII—первой половине XIV столетий (независимо от их жанровой и типологической принадлежности), по существу отсутствует. Вторая из них появляется лишь в конце XIV — первой половине XV в. в сочинениях болгарских авторов, творивших в Сербии после прекращения династии Неманичей и на фоне турецкого завоевания Балкан — Григория Цамблака (жизне короля-мученика Стефана Дечанского) и Константина Философа Костенецкого (жизне деспота Стефана Лазаревича). При этом такое молчание книжников и нотариусов XIII в. отнюдь нельзя объяснить отсутствием в сербской истории рассматриваемого периода соответствующих коллизий или (как в случае с Болгарией первых Асенидов) скудостью источников. Ситуации, связанные со сменой верховного правителя, представлены для Сербии второй половины XII — последней трети XIII вв. в достаточном количестве (передача Стефаном Неманей верховной власти второму сыну в обход старшего и позднейшая борьба за престол между Стефаном (будущим Первовенчанным) и Вуканом, насильственная смена на троне сыновей

⁵² Доментијан. Житије... С. 248.

первовенчанного короля (Владислав в 1233 г. сверг Радослава и сам был свергнут в 1242 г. Урошем), наконец — в следующем поколении — обстоятельства перехода престола от Драгутина к Милутину в 1282 г.). Все эти факты в той или иной степени нашли отражение в источниках (преимущественно в памятниках агиографии), часть из них неоднократно, что позволяет в ряде случаев сравнивать разные (и разновременные) точки зрения на одни и те же события. Однако только в двух случаях (отстранение от власти старшего сына Стефана Первовенчанного Радослава его братом Владиславом⁵³ и передача власти Драгутином Милутину) обнаруживается краткое указание на реакцию и на непосредственную причастность части общества к смене верховного правителя. Во всех остальных читатель и исследователь сталкиваются лишь с констатацией факта перехода власти, без указания на насильственный характер смены правителя и при отсутствии упоминания не только реакции общества, но и самого общества либо какой-то социальной прослойки. Особенно показателен в этом смысле первый по времени случай престолонаследия в Сербии Неманичей, сопровождавшийся отказом верховного правителя (основателя династии Стефана Немани) от власти и его уходом в монастырь. Событие описано двумя сыновьями великого жупана (наследником престола Стефаном и будущим архиепископом

⁵³ «Ненавиди же испрва добра враг человеком диавол, непокорством въоружив мншаго брата на стареишаго, Владислава, глаголю, на благочестиваго Радослава краля въздвиже... Радослав бо краљ... женопокорив же последи бив, с властеломъ же о несъставлении ума его негодовавшим, и от него отступльшим, к мншему брату его приложьшим се...» — *Теодосије Хиландарац*. Живот светога Саве... С. 177. Известие имется лишь в житии св. Саввы, написанном Феодосием. В более ранней версии жития, принадлежащей перу современника событий Доментиана, сообщается лишь о смене верховного правителя, без упоминания какого-либо конфликта между братьями (*Доментијан*. Житије светога Саве... С. 340). Столь же бесконфликтным изображен переход власти от Радослава к Владиславу и в позднейшем житии их младшего брата короля Уроша, написанном архиепископом Даниилом II (1324—1337) — см.: *Данило Други*. Животи краљева и архиепископа српских. Службе. Београд, 1988. С. 46—47.

св. Саввой) в житиях отца⁵⁴, а также дважды (в житиях Стефана Немани (св. Симеона Сербского) и св. Саввы) их младшим современником Доментианом⁵⁵, и агиографом следующего поколения (конец XIII — начало XIV в.) Феодосием (в житии св. Саввы)⁵⁶. При этом у Стефана Первовечанного (и вслед за ним у Доментиана в житии Симеона) речь идет, собственно, лишь об отречении от престола, о котором Неманя сообщает собранию вельмож, воевод и дружинников («кнезе земли свое, иже над властью, воеводи же и воины»)⁵⁷, а не о возведении на престол наследника. Гораздо большее значение в вопросе легитимизации его власти отцом придается автором заочному благословению его крестом (который уподобляется здесь чудесному кресту из видения императора Константина Великого)⁵⁸, посланным новому великому жупану монахом Симеоном перед смертью с Афона⁵⁹.

У св. Саввы, хотя написанное им житие повествует прежде всего о последних днях монашеской жизни св. Симеона, описание отречения Немани носит более подробный характер — сообщается о выборе им наследника («благородного и любимого сына», который именуется здесь так же, как и отец, Стефаном Неманей) и «венчании» избранника на «царство», а также о поставлении «князем великим» второго сына Вукана (о старшинстве которого не упоминается) и выделении

⁵⁴ *Стефан Первовенчани*. Сабрана дела... С. 50; *Свети Сава*. Сабрана дела... С. 154—164.

⁵⁵ Живот светого Симеуна и светого Саве, написао Доментијан: Трудом Ђ. Даничића. Београд, 1865. С. 25; *Доментијан*. Житије светого Саве... С. 64—66.

⁵⁶ *Теодосије Хиландарац*. Живот светого Саве... С. 36—39.

⁵⁷ *Стефан Первовенчани*. Сабрана дела... С. 50; Живот светого Симеуна и светого Саве... С. 38.

⁵⁸ *Стефан Первовенчани*. Сабрана дела... С. 50.

⁵⁹ Там же. С. 62. Подробнее об этой реликвии см.: *Марјановић-Душанић С.* Неманин напрени крст: Из наше старе инсигнологије // *Споменица Бранка Гавелс*. Београд, 1991 (= *Зборник Филозофског факултета*. Серија А (Историјске науке). Књ. 17). С. 203—215; *Она же*. Владарске инсигније... С. 32—33.

ему «земли довольной»⁶⁰. Большое место занимают здесь наставления правителя детям и подданным.

Рассказ Доментиана (повествование которого зачастую изобилует пространными риторическими отступлениями), помещенный в житии св. Саввы, предельно короток (занимает один абзац печатного текста). Он состоит из перечня категорий собравших («вельможи великие и малые, десетники, и петидесетники, и сътники и тысушники»), фраз о раздаче даров собравшимся и милостыни нищим и сообщения о благословении Стефана⁶¹.

У Феодосия рассказ довольно подробен и близок (хотя и без текстуальных совпадений) к повествованию св. Саввы. Только у этого автора находим краткое описание происходившей в кафедральном соборе в Расе церемонии благословения или венчания на «царство» с участием епископа и правителя-предшественника и приветствия подданных новому великому жупану («...Службе же и молитве бывши, самодржец отъц и с светым епископом честным на главу крестом и обою руку възложением Стефан благословляет се жупан великий, владыка и самодржец вьсее Срьбьские земле, И вьсем благородным поклоншим се, и от бога живот ему просеше и глаголюще: “Многолетно буде и будет”...»)⁶². Вукан в последних двух текстах не фигурирует. Повсеместное отсутствие во всех житийных произведениях хотя бы простого упоминания какой-либо формы светской присяги новому правителю объясняется, возможно, тем, что авторы как лица духовные (либо — как Стефан Первовенчанный — готовившиеся к принятию сана), считали неуместным включение подобного сюжета в агиографическое повествование.

Две следующие перемены на рашском престоле, произошедшие вскоре одна за другой (свержение Стефана Вуканом ок. 1202 г. и окончательная победа младшего брата над старшим ок. 1205—1206 гг.) вообще не нашли отражения в памятниках сербской агиографии

⁶⁰ *Свети Сава*. Сабрана дела... С. 154, 156, 158, 162.

⁶¹ *Доментијан*. Житије светог Саве... С. 66.

⁶² *Теодосије Хиландарац*. Живог светог Саве... С. 38—39.

XIII — начала XIV вв.⁶³, хотя о военном противостоянии Неманичей сообщают перечисленные выше авторы⁶⁴ за исключением Стефана Первовенчанного и св. Саввы⁶⁵.

Эта система умолчаний и недоговоренностей источников, представляющая почти массовое и всеобъемлющее явление, безусловно нуждается в объяснении. Общеизвестен и общепринят тезис, что сербская средневековая историография, развивавшаяся вплоть до второй половины XIV в. (время появления старших сербских летописей и родословов⁶⁶) в рамках жанра житий светских и церковных правителей, предельно персонифицирована. Однако обратной стороной подобной персонификации истории здесь выступает зачастую изображение общества как некоего довольно безликого фона для главного действующего лица — особенность, свойственная далеко не всем памятникам средневековой славянской агиографии⁶⁷.

Особенность формирования и развития большинства сторон культурной и идеологической жизни Сербии первых Неманичей состояло в отсутствии зримой преемственности с предшествующей государственностью в приморской Зете. Новая династия не предпринимала попыток возводить себя к старой, а явственно дистанцировалась от

⁶³ О пребывании Вукана на великожупанском престоле в Рашке известно лишь из записи писца Вуканова Евангелия — старца Симеона. См.: *Наумов Е. П.* Господствующий класс... С. 197—199; *Трифуновић Ђ.* Запис старца Симеона у Вукановом Јеванђељу // Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор. Београд, 2002. Књ. 67. Св. 1—4. С. 63—83.

⁶⁴ *Доментијан.* Житије светог Саве... С. 172—176; *Теодосије Хиландарац.* Живот светог Саве... С. 79—81.

⁶⁵ Св. Савва не пишет о вражде между его старшими братьями, сообщая лишь о их совместном желании (на деле связанном с мирным соглашением между ними), чтобы мироточивые мощи отца были перенесены с Афона в Сербию: *Свети Сава.* Сабрана дела... С. 184, 186.

⁶⁶ См.: *Радочић Ђ. Сп.* Доба постанакa и развој старих српских родослова // Историски гласник. Београд, 1948. Бр. 2. С. 21—36; *Матић С.* Белшке из историја родослова и летописа // Зборник Матице српске за књижевност и језик. Нови Сад, 1973. Књ. 21. № 1. С. 5—11.

⁶⁷ В этом смысле целесообразно было бы сопоставить сербские жития с княжескими и архиерейскими русскими.

нее. Показательно, что и в позднейших родословах отсчет реальных исторических предков начинается не с жупана Вукана I, бывшего наместником зетского короля в Рашке⁶⁸, а с его племянника, великого жупана Уроша I (с которым, по всей видимости следует отождествлять полулегендарного летописного Белауроша), правителя уже византийской эпохи. Дуклянское летописание XI в. не нашло продолжения в Рашке Немани и Неманичей.

Сохранивший непритязательный титул «великого жупана» и даже давший ему обоснование в жалованной грамоте Хиландарю, Неманя именуется его биографами и младшими современниками *самодержцем* (в это слово они вкладывали прежде всего значение политической независимости), «*царствующим* всею Сербскою землею»⁶⁹. В отношении позднейших представителей династии эта характеристика подкреплялась как возросшей ролью Сербии в общевосточной политике после завоевания Константинополя крестоносцами, так и принятием в 1217 г. Стефаном королевского титула⁷⁰.

Огромное влияние на формирование державной идеологии династии Неманичей оказало, бесспорно, то обстоятельство, что ее родоначальник был канонизирован сразу после смерти (хотя и не в качестве правителя) и незамедлительно прославился многочисленными чудотворениями как мироточец⁷¹. Святость основателя династии (вкуче со святостью его не менее прославленного младшего сына, создателя независимой сербской церкви) в определенной мере распространяется и на всех его потомков, подчеркивая их исключительное место в жизни государства и общества. Указание на родство

⁶⁸ При этом, по всей видимости, память о Вукане I во времена Немани была еще вполне жива, иначе трудно объяснить наречение этим именем сына-первенца основателя новой династии.

⁶⁹ См.: *Острогорски Г.* Автократор и самодержец // Он же. Византија и словени. Београд, 1970 (= Сабрана дела. Књ. 4). С. 322—323.

⁷⁰ Там же. С. 323—330.

⁷¹ О почитании св. Симеона Сербского (Стефана Немани) см. подробнее: *Павловић Ј.* Култови лица код Срба и Македонаца (Историјско-етнографска расправа). Смедерево, 1965. С. 42—51; *Поповић Д.* Под окриљем светости... С. 27—73.

с новопрославленным святым содержится (с определением степени) уже в грамотах его внуков и становится со временем своеобразным общим местом. Поэтому умолчание книжников, связанных с правящим домом и/или с архиепископской кафедрой, о столкновениях между отдельными представителями династии, несомненно имело одной из задач создание коллективной династической иконы (здесь уместно напомнить, что появление живописной композиции «Лоза Неманина» современно созданию «Житий сербских королей и архиепископов» Даниилом II). В совокупности все эти факторы практически не оставляли места для изображения роли общества (или отдельных его слоев) в избрании (или свержении) монарха. Очевидно, не случайно, редчайшие элементы этого обнаруживаются не в королевских житиях, а в написанной Феодосием агиобиографии архиепископа Саввы, выступавшего медиатором и модератором в отношениях двух поколений своих венценосных родственников.

Сербское общество в описываемый период присутствует на страницах агиографических сочинений, как уже было отмечено выше, лишь в виде бледной тени, известия о нем приходится собирать здесь буквально по крохам. Весьма примечательно в этом смысле использованием агиографами социальной терминологии. У большинства авторов она имеет максимально обобщенный характер⁷² и практически лишена национальных особенностей, находясь под несомненным влиянием библейской⁷³. Вместо реальных придворных званий и должностей — бояр, жупанов, казначеев («казньцев») и тепчиев — под пером агиографов выступают в большинстве случаев предельно усредненные «князья», ««вельможи», «тысячники», «сотники» и «десятники»⁷⁴. Разумеется, данное обстоятельство вовсе не

⁷² Пожалуй, наибольшей конкретностью (при всей явной описательности) отличается Стефан Первовенчаный в перечне лиц, присутствовавших при передаче ему власти отцом: «Призвав к себе и архиерея своего, Калиника рекомаго, и приставника делом, и князе земли свое, сже над властью, воеводи же и воини» — Сабрана дела. С. 50.

⁷³ Это обстоятельство уже не раз отмечалось исследователями — см.: *Наумов Е. П.* Господствующий класс... С. 53—54; *Лексикон...* С. 732—733.

⁷⁴ В ряде случаев можно говорить о индивидуальных терминологических пристрастиях агиографов. Так, св. Савва и в житии своего отца и в переводе

является показателем неразвитости реальной социальной терминологии в Сербии в рассматриваемый период (хотя она безусловно беднее современной ей древнерусской), надежно засвидетельствованной дошедшими актами и эпиграфическими памятниками, а является следствием литературных установок агиографов. Подобное расхождение социальной терминологии в документальных и литературных источниках порождает ряд проблем, которые не могут быть решены в рамках данной работы. Основными являются две. Первая (находящая определенную аналогию в соотнесении латинской терминологии со средневековыми реалиями в латиноязычных источниках) заключается в возможности отождествления между собой книжных и документальных терминов, имеющих разное звучание. Вторая состоит в выяснении того, всегда ли одни и те же слова, относящиеся к социальной терминологии (такие, к примеру, как «болярин», «властель»/«властелин»), «воин», «десятник», «князь», «сотник», «тысячник») идентичны по значению в документальных и литературных источниках? В отдельных случаях здесь присутствует и несомненный региональный аспект. К примеру, термин «сотник» в качестве не воинской должности, а представителя администрации засвидетельствован документами только для приморских областей и не известен в континентальной Сербии⁷⁵.

При всем этом общий абрис социальной структуры сербского общества в эпоху первых Неманичей прослеживается по памятникам агиографии достаточно определенно. Здесь присутствует правящая верхушка (определяемая синонимами «благородные», «вельможи», «властели»), низшая часть привелегированного сословия («войны» или «войники») и рядовое население («убогие»). Различие социального статуса этих трех категорий наглядно демонстрирует 2-я

Кормчей употребляет термин «боляре» (хорошо известный и по болгарским переводам X в. библейских книг), которым другие авторы пользуются очень редко (не исключено, что в этом можно усматривать известное влияние русского языка, вообще оказавшего заметное воздействие на книжное творчество этого автора), Домснтнан пользуется термином «тысячники», за пределами его агиографических творений не встречающимся.

⁷⁵ Лексикон... С. 650.

Жичская грамота короля Стефана Первовенчанного⁷⁶. Отдельные случайные свидетельства (упоминание сочетаний «боляре велиции и малии», «боляре и юнии») позволяют предполагать существование каких-то аналогов древнерусским «старшей» и «младшей» дружине (сам это понятие в сербских памятниках отсутствует). По редким косвенным упоминаниям вне агиографических текстов (например, по определению сана заказчика — «великий тепчия» — писцом Братковой минеи, относящейся ко времени короля Владислава), можно предполагать существование в сербской державе Неманичей двух уровней званий и должностей, восходящих, вероятно, (по аналогии с просто «жупаном» и «великим жупаном», князем и великим князем) по крайней мере еще к предшествующему периоду (не позднее рубежа XI—XII вв.)⁷⁷. При всей неполноте и неконкретности данных социальной терминологии, представленных памятниками сербской агиографии, они дают основание предполагать отсутствие здесь (в отличие от Болгарии) заметного византийского влияния. Оно (несмотря на ряд более ранних браков сербских правителей с византийскими принцессами — Стефан Первовенчанный, Радослав) начинает распространяться в державе Неманичей не ранее периода ее экспансии в Македонии (в правление Стефана Уроша II Милутина — 1282—1321) и прежде всего проявляется, естественно, на присоединенных территориях в форме следования существующим здесь обычаям.

Малое число сюжетов о битвах и походах в сочетании с предельно скупым характером их изложения в сербских житиях XIII в. не содержат примеров воинской доблести, ратной верности и проявлении самоотверженности подданных в отношении государя. Нет, однако сомнений, что сербские книжники той поры, не исключая и монахов, умели ценить эти качества даже в неприятеле. На фоне отсутствия таких примеров, относящихся к самой Сербии, показательно свидетельство вставного рассказа о гибели болгарского царя Калояна во время осады им Салоник в Феодосиевом житии св. Саввы. Мол-

⁷⁶ Стефан Првовенчани. Сабрана дела. С. 184—185.

⁷⁷ См., например: *Михаљчић Р.* Владарски атрибут «велики» // *Он же.* Владарске титуле обласних господара. Београд, 2001 (= Сабрана дела. Књ. 6). С. 157—176.

ва приписывала эту внезапную и загадочную смерть заступничеству покровителя города, св. Димитрия, что вселило ужас в осаждающих, вознамерившихся обратиться в паническое бегство⁷⁸. «Начальные же воеводы, не хотяще царя своего в поругание гражданом или зверем и птицам в снедь оставити, веру же к нему имуше и последнюю любовь показавше, с собою мертва царя понесоше, долгаго же ради пути боящесе, утробу его разрезавше, и внутренняя вся изметавше, и тело его пресоливше, в своя донесоше»⁷⁹ — явно одобряя поступок болгарских полководцев констатирует агиограф.

Пример черной неблагодарности, ничем не оправданной платы злом за добро, также связан у сербских книжников с иноземцем (и — по воле случая — тоже болгарин), правда пребывающим (пусть и почти формально) в вассальной зависимости от сербского правителя. Речь идет о Стрезе, представителе болгарской династии Асений, одном из племянников уже упомянутого царя Калояна⁸⁰. После гибели дяди он был вынужден бежать из страны, опасаясь за свою жизнь, поскольку пришедший к власти его двоюродный брат Борил стремился уничтожить потенциальных соперников. Этот красочный сюжет встречается сразу у трех авторов, начиная со Стефана Первовенчанного (Житие св. Симеона)⁸¹, и повторяется в житиях св. Саввы, написанных Доментианом⁸² и Феодосием⁸³; наиболее подробный вариант находится у последнего. Стефан (в ту пору еще великий жупан) радушно («яко сына возлюбленного») принял изгнанника, выдачи

⁷⁸ Примечательно, что выразительность эпизода в полной мере оценили в первой половине XVI в. русские книжники из окружения новгородского архиепископа (будущего митрополита) Макария. Рассказ был извлечен из текста пространного жития и включен в состав цикла чудес Димитрия Солунского в октябрьский том Великих Миней Четьих как «Чудо о царе Аскалоне (!)» (см.: Православная энциклопедия (ПЭ). Т. 15. М., 2007. С. 174).

⁷⁹ *Теодосије. Живот...* С. 104.

⁸⁰ Подробнее о Стрезе см.: *Јиречек К. Историја Срба...* Књ. 1. С. 166—167; *История на България. Т. 3 (Втора Българска држава)*. София, 1982. С. 148—150.

⁸¹ *Стефан Првовенчани. Сабрана дела*. С. 82—88.

⁸² *Доментијан. Житије...* С. 172—180.

⁸³ *Теодосије. Живот...* С. 103, 104—114.

которого настойчиво требовал царь Борил, не скрывавший своих намерений относительно Стреза⁸⁴. По свидетельству Доментиана и Феодосия Стефан и Стрез побратались, принеся друг другу клятву на Евангелии⁸⁵. С помощью великого жупана, который «обогадив... его конми и людьми и всякими потребными»⁸⁶, Стрез создал себе удел из юго-западных болгарских областей, отпавших от царства Борила, со столицей в Просеке на р. Вардар⁸⁷. Упрочившись в своих новых владениях, он вступил в союз с противниками Стефана и готовился воевать с ним, попытки образумить его посредством переговоров, которые по поручению великого жупана пытался вести со Стрезом св. Савва, не дали результатов. В итоге неблагодарный изменник и клятвопреступник по заслугам был наказан мучительной смертью⁸⁸, причем у Стефана исполнителем божественной воли выступает св. Симеон, а у Доментиана и Феодосия — св. Савва.

⁸⁴ *Стефан Првовенчани*. Сабрана дела. С. 84; *Теодосије*. Живот... С. 104.

⁸⁵ «Рек вспомянути ему вся предреченна на святом Еуаггелии, о братотворении и о завещании клятвы перед Богом...» — *Доментијан*. Житије... С. 174; «На болшее же извещение истинные веры и к нему любве святым Еуаггелием неподобного того брата себе сподобляет...» — *Теодосије*. Живот... С. 105.

⁸⁶ Там же. С. 105.

⁸⁷ Там же. С. 105—106.

⁸⁸ «Пронзи сего злаго, и издше посреде народа злою смертию и смертию дивною» (*Стефан Првовенчани*. Сабрана дела. С. 84); «И тою ношью копием невидимым прободя и ангел божий, ... и злою смъртию умори сго... и сле дышешу ему заутра, разуме свою язву, откуда ему обретесе...» (*Доментијан*. Житије... С. 180); «он же... сказасть, яко некой юноша страшен, Савом, рече, повелен, на спеша ме припад, и исхитив меч мой, промче имь внутренья моя» (*Теодосије*. Живот... С. 112).

3

Во второй половине XIII в. жизнь сербского общества заметно изменилась, что было связано с ростом роли и значения знати в стране. Об этом говорят и косвенные признаки (ряд политических переворотов середины — второй половины столетия, в котором находило выражение соперничество разных группировок знати) и прямые свидетельства. В грамотах правителей этого времени появляются ссылки на принятие важных решений по совету с «великими» и «малыми властями». Новые реалии общественной жизни и порождавшиеся ими проблемы накладывали свой отпечаток и на развитие сербской исторической традиции.

Главным памятником, отразившим эти перемены, стало возникшее на рубеже XIII—XIV вв. житие св. Саввы, написанное Феодосием, монахом сербского Хиландарского монастыря на Афоне. Ему предшествовало житие, созданное в середине XIII в., автором которого был Доментиан, и ориентированное на образцы сербской агиографии начала столетия. Сопоставление этих двух памятников позволяет выявить новые черты сербского общественного сознания, связанные с размышлениями над проблемой власти и общества, которые присутствовали в новом труде, посвященном прошлому Сербии.

Новые тенденции нашли отражение, как справедливо указывал Е. П. Наумов, прежде всего в терминологии, используемой агиографом. Если у Доментиана окружение правителей составляют обычно «слуги» и «воины», то для Феодосия представители господствующей социальной группы, из которой состоит окружение и войско великого жупана (позднее короля) это «благородные». Сам термин говорит о высокой оценке автором их роли и значения в общественной жизни.

В повествовании Феодосия «благородные» выступают как активные соучастники событий вместе с правителями. Из многих примеров этого можно выделить сообщение о том, что когда св. Савва решил

оставить Сербию, чтобы посетить святые места, король Радослав, «епископы же и благородные», молили его остаться»⁸⁹.

Ряд свидетельств говорит о «благородных» как постоянном объекте внимания со стороны светской и церковной власти. Так, в житии читаем, что после возобновления истечения мира от мошей св. Симеона (Стефана Немани), его сын, великий жупан «благородных веселою душою одаровав»⁹⁰. Далее говорится и о «великом пире», устроенном для «благородных» по случаю коронации Стефана Первовенчанного⁹¹.

В заключительной части жития помещено поучение св. Саввы, в котором обращение к «благородным» занимает видное место (в сочинении Доментиана, изобилующем речами и поучениями архиепископа, нечто подобное отсутствует). Святой поучал «благородных» не только творить добрые дела и быть милосердными к подданным, но и воздерживаться «от восхыщения», довольствуясь «оброки своими и царским даанием»⁹².

О внимании первого сербского архиепископа к поведению знати, о признании им ее важного значения в общественной жизни страны говорят два свидетельства в разных частях сочинения Феодосия. Уже Доментиан писал об усилиях, которые затратил св. Савва, став архиепископом, для искоренения ересей на территории Сербии, но лишь у его преемника можно прочесть, что еретиков из числа «благородных» архиепископ «моле и научаше..., почести же и дары великие обещавахе им» и от себя, и от великого жупана. И только тех, на кого эти усилия не действовали, «прокльнеше и съ многымъ бесчестиемъ отъ всея свое земли изганяху»⁹³. Что же касается «благородных» — приверженцев православия, то великий жупан с приходом Саввы на архиепископство «свещав же и съ благородными, где и въ коихъ странахъ епископи поставити»⁹⁴. «Благородные» явно выступают здесь

⁸⁹ *Теодосије*. Живот... С. 166.

⁹⁰ Там же. С. 125.

⁹¹ Там же. С. 143.

⁹² Там же. С. 175—176.

⁹³ Там же. С. 152.

⁹⁴ Там же. С. 138.

как активные советники и сотрудники правителя в решении важных государственных задач.

Такие новые для сербской исторической традиции представления о роли и значении знати в общественной жизни проникли в сочинение явно под воздействием на агиографа реалий современной ему жизни. Знать выступает здесь как важная сила, которая соучаствует в управлении государством и которую правителю необходимо различными способами привлекать на свою сторону.

Такие же порядки, что и в Сербии, существовали по убеждению агиографа и в других странах. При обсуждении вопроса об учреждении автокефальной сербской церкви, никейский император и его «благородные» совместно выражают недовольство по поводу такого предложения⁹⁵. При переговорах Стефана Первовенчанного с венгерским королем, тот «сь всеми же своими высокими съвещавсе», было принято решение заключить мир, и «вси слово утврьдивше и купно с кралем къ светому приидоше»⁹⁶.

Одна из важных черт труда Феодосия — его размышления по поводу отрицательных событий прошлого, отсутствующие у его предшественников. Показательно в этом плане освещение сюжета, связанного с перенесением останков Немани с Афона в Сербию. Его непосредственный предшественник Доментиан пишет, что мощи принесли в страну, страдавшую от нападений иноплеменников⁹⁷. Согласно же Феодосию главной причиной перенесения новой реликвии стала борьба за власть между сыновьями Стефана Немани — Стефаном и Вуканом. Война эта привела к самым тяжелым последствиям. В результате нее Сербская земля погибала «многим пленованием и пролитиемъ крове запустевши, и неоранием гладомъ до конца погыбающе»⁹⁸. Именно этому бедствию положило конец принесение мощей св. Симеона, которое привело к прекращению войны и примирению братьев⁹⁹. Осуждение бедствий, которые несли с собой усобицы между членами династии Неманичей, выражены здесь резко и

⁹⁵ *Теодосије. Живот...* С. 130.

⁹⁶ Там же. С. 156.

⁹⁷ *Доментијан. Житије...* С. 142—144.

⁹⁸ *Теодосије. Живот...* С. 78—79.

⁹⁹ Там же. С. 99.

определенно. Как представляется, внимание к этому сюжету должны были вызвать современные Феодосию уособицы между сыновьями Уроша, которые на время привели даже к разделению государства на две части. Важно, что Феодосий не только осуждал уособицы, но и размышлял о их причинах. У него Вукан выступил против брата «злых советом подвизаем»¹⁰⁰. Кто были эти «злые», выясняется из последующего текста, когда читатель узнает по признанию самого Вукана, что он выступил против брата «от властель наваждением и подвижением»¹⁰¹. «Властели» выступают в данном случае как деструктивная сила, действия которой представляют опасность для Сербии.

Что эта тема волновала Феодосия и была предметом его постоянных размышлений, показывает включение в житие эпизода, связанного со сменой власти в Сербии, переходом ее от старшего сына Стефана Первовенчанного, Радослава, к его младшему брату Владиславу. Касаясь этого эпизода, Доментиан ограничился словами, что «изволи се Господеви» передать власть Владиславу¹⁰². Феодосий же ясно дает понять читателю, что имел место переворот, когда Владислав «незаконне и разбойничьскы» захватил власть¹⁰³. Это небывалое для сербской агиоисторической традиции открытое осуждение не только члена династии, но и правящего верховного правителя, показывает, какой отпор вызывали у агиографа конфликты между Неманичами, которые и в этот раз привели к «ненависти и гонению о горсцей славе королевства»¹⁰⁴. И на этот раз активными участниками конфликта стали «властеле», ставшие на сторону Владислава¹⁰⁵.

¹⁰⁰ *Теодосије*. Живот... С. 80.

¹⁰¹ Там же. С. 97.

¹⁰² *Доментијан*. Житије... С. 340.

¹⁰³ *Теодосије*. Живот... С. 178.

¹⁰⁴ Там же. С. 177. Характерная деталь — говоря о возведении Саввы в архиепископский сан, Феодосий нашел нужным сообщить, что святой «не украде власти мытомь, ни разбойнычскы, не подобне силным, сию възхытивь» (Там же. С. 132). Из этих слов ясно следует, каково было его отношение к поведению современных ему «сильных».

¹⁰⁵ Там же. С. 177.

Как представляется, этим печальным явлениям агиограф стремился противопоставить идеальную картину отношения правителя и подданных, которую он старался обрисовать, обращаясь к событиям правления святого родоначальника династии, Стефана Немани. В связи с этим показателен рассказ о соборе, на котором Неманя объявил о своем постриге и уходе на Афон. Писавший об этом событии Стефан Первовенчанный ограничился сообщением, что великий жупан сообщил собравшимся о своем решении¹⁰⁶. Примерно то же сообщает и Доментиан¹⁰⁷. Феодосий помещает здесь развернутое повествование, в котором важное место занимает речь правителя к собравшимся «благородным». Она начинается словами «Друзы и братия и чеды». Смысл это обращения раскрывается в последующих словах, где великий жупан говорит, что «когождо вась яко сына вскръмихъ и яко брата возлюбихъ и яко друга въсприехъ», а «выи ко мне благопокоривы и верою послушны бысте». Общими усилиями Неманя и «благородные» сохранили «землю нашу не расыпану противныхъ наитиемъ». Если у предшественников Феодосия великий жупан только объявляет о своем решении, то у этого агиографа речь правителя заканчивается словами: «молю убо вашею любовию отпушену бытии». Слова эти вызвали общий плач всех «благородных»¹⁰⁸. Затем Стефан Неманя призывает «благородных» на прощальный пир и оделяет каждого из них дарами по «възрасту, по вере же и по чьсти»¹⁰⁹. «Благородные» выступают здесь как достойный партнер власти, а единство действий знати и правителя оказывается гарантией успеха.

Не менее показателен в этом плане рассказ о посылке Неманей на Афон воинов с целью вернуть к нему ушедшего на Св. Гору сына Растко. Стефан об этом только упоминает¹¹⁰, Доментиан пишет о воинах с явной неприязнью, отмечая, что они совершали насилие над монахами¹¹¹. Подробно и совсем иначе излагает этот сюжет Феодосий. Сам рассказ о посылке воинов открывается словами великого

¹⁰⁶ *Стефан Првовенчани*. Сабрана дела... С. 50.

¹⁰⁷ *Доментијан*. Житије... С. 64—66.

¹⁰⁸ *Теодосије*. Живот... С. 36—37.

¹⁰⁹ Там же. С. 39.

¹¹⁰ *Стефан Првовенчани*. Сабрана дела... С. 48.

¹¹¹ *Доментијан*. Житије... С. 14, 16.

жупана, обращенными к их главе, «стратилату»: «аще ли коли от нас благо приель еси, нине време любовь показати»¹¹². Из дальнейшего рассказа становится ясно, что «стратилат» и сопровождавшие его «благородные юноши» приложили максимум усилий, чтобы выполнить данное им поручение, так как надеялись получить «и даровъ и почъсти многи» от великого жупана¹¹³. Савва пытался убедить «стратилата» отступить, но не добился успеха, видя его «непреборимую веру, еже к своему владыце»¹¹⁴. Так рассказ о посылке воинов на Афон становится поучительной иллюстрацией верности сербских «благородных», готовых на максимальные усилия в ответ на доброе отношение правителя.

С этим сюжетом есть смысл сопоставить рассказ Феодосия о Стрезе, неверном вассале великого жупана Стефана, сына Немани. Этот рассказ о чудесном наказании неверного вассала за его вероломство занимает большое место уже в житии св. Симеона Сербского, написанном Стефаном Первовенчанным, а затем в сочинениях Доментиана¹¹⁵. Рассказ Феодосия отличается от текста его предшественников некоторыми важными особенностями. Как и в ряде других текстов этого агиографа знать и здесь выступает активным участником событий. Когда изгнанника Стрезу Стефан удостоил своей трапезы, то «начелнии» выразили свое недовольство. По свидетельству самого Стефана, он пожаловал Стрезу определенные земли¹¹⁶, однако у Феодосия сообщается, что сербский правитель кроме того убедил подчиниться Стрезу ряд болгарских «властелей»¹¹⁷. Далее агиограф св. Саввы подробно говорит о благодеяниях, оказанных Стрезу: Стефан «обогадив его много конми и людми», предоставил военную помощь, и «угосподив», рассчитывал обрести в нем «друга себе и брата»¹¹⁸. Тем самым он выполнил все обязанности сюзерена по от-

¹¹² *Теодосије. Живот...* С. 11.

¹¹³ Там же. С. 13.

¹¹⁴ Там же. С. 15.

¹¹⁵ *Стефан Првовенчани. Сабрана дела...* С. 82—88; *Доментијан. Житије...* С. 172—174, 180.

¹¹⁶ *Стефан Првовенчани. Сабрана дела...* С. 84.

¹¹⁷ *Теодосије. Живот...* С. 105.

¹¹⁸ Там же.

ношению к вассалу. Стрез, как известно, ответил черной неблагодарностью, и, нарушив данные сюзерену клятвы, «клетвопреступник бысть»¹¹⁹ и стал угрожать Стефану войной.

Далее о поездке Саввы к Стрезу говорится, что святой отправился в дорогу, так как «сыстрадаше же и душою за отъчество убо и за своеплеменитые люди», многие из которых погибнут в случае войны¹²⁰. После того, как Бог по молитве св. Саввы покарал Стреза смертью, будущий архиепископ обратился к самодержцу и его «начельным воеводам» с поучением, которого нет в текстах предшественников Феодосия. Савва объясняет, «что страшная смрът посетила Стреза за несмеренную волю и грдую выю его... и клятвы нехранение»¹²¹.

Если эпизод о воинах на Афоне был примером верности своему долгу, то история Стреза была рассказом о справедливом возмездии неверному вассалу.

Следует обратить особое внимание на присутствие в этой версии жития св. Саввы целого ряда его поучений, неизвестных в текстах предшественников Феодосия. Как представляется, их появление в тексте жития отражает взгляды агиографа на роль, которую должна была играть сербская церковь в современной ему действительности. По примеру св. Саввы сербские иерархи должны были воспитывать «благородных» так, чтобы они прекратили распри и конфликты, угрожавшие единству Сербского государства, и произошел возврат к славным временам Стефана Немани, когда правитель и «благородные» жили в полном согласии друг с другом.

Разумеется, и Феодосий в основном и главном рисует картину прошлого, ориентируясь на традиционные образцы сербской агиографии. Не менее, чем предшественников, его волновал вопрос легитимизации власти Неманичей. Не случайно, заканчивая свой труд и говоря о патронате над Сербией святых предков рода — Стефана Немани — св. Симеона и Саввы, Феодосий нашел нужным записать, что «никто же ин иноколень въ Срьблих огосподисе, точию от племени их»¹²². Однако анализ сочинения Феодосия в сопоставлении с более

¹¹⁹ *Теодосије*. Живот... С. 107.

¹²⁰ Там же. С. 109.

¹²¹ Там же. С. 113.

¹²² Там же. С. 216.

ранними памятниками сербской агиографии показывает, что в рисуемой вслед за предшественниками традиционной картине прошлого появляются некоторые важные нюансы, отражающие размышления агиографа над прошедшими событиями в свете новых исторических реалий.

4

На протяжении XIII в. сербское государство не менее пяти раз сталкивалось с ситуацией насильственной смены верховной власти или с попыткой таковой. Ситуация повторялась в каждом поколении представителей династии Неманичей (порой неоднократно) и при смене поколений. В 1202—1204 гг. происходила борьба за власть между сыновьями Стефана Немани Вуканом и Стефаном (будущим Первовенчанным), в 1233 г. старший сын первовенчанного короля Радослав был свергнут братом Владиславом, в 1242 г. верховная власть перешла к Урошу. Последний в конце жизни был свергнут старшим сыном Драгутином (1276), который в 1282 г. был вынужден уступить власть брату Милутину.

Причины, движущие силы и механизмы периодически возникающей борьбы за власть в условиях феодального общества (находящей многочисленные аналогии в истории других европейских (и, в частности, славянских) стран), достаточно хорошо изучены в исторической литературе. Здесь хотелось бы остановиться на отношении сербской церкви к таким (порой регулярным) случаям насильственной смены верховного правителя в рассматриваемый период и на отражении этого отношения в литературных памятниках XIII — раннего XIV вв., вышедших почти без исключения из-под пера духовных лиц. Попутно стоит отметить относительно бескровный характер большинства переворотов в Сербии, и достаточно гуманное (в сравнении, к примеру, с соседними Византией и Болгарией) отношение победи-

телей к побежденным (идет ли речь о свергнутом правителе или о неудачливом претенденте). После победы в начале XIII в. Стефана Первовенчанного над Вуканом и до сражения Драгутина с Урошем в 1276 г. ни один из переворотов не сопровождался крупными военными действиями, за все время никто из проигравших не только не был лишен жизни. Не применялось и откровенно насильственное пострижение в монахи, хотя в случае с королем Урошем (1276) это событие носило добровольно-вынужденный характер. В большинстве случаев свергнутый правитель (или незадачливый претендент — пример Вукана) получал (либо сохранял) значительный удел в сочетании с достаточно широким набором владетельских прав. Едва ли перечисленные особенности можно объяснить относительной патриархальностью нравов сербского общества в «доцарский» период.

Православная церковь в Сербии, являющаяся, как и самое сербское государство, плодом многолетней целенаправленной деятельности первых представителей династии Неманичей, естественным образом была заинтересована в стабильности общества и верховной власти. Исследователям неизвестны случаи поддержки церковными иерархами (и прежде всего главой церкви — архиепископом) претендентов на престол, хотя в силу скудости источников картина, безусловно, является заведомо неполной. Показателен пример св. Саввы, зафиксированный Феодосиевой редакцией версиями его пространного жития, когда архиепископ был вынужден согласиться с низложением своего старшего племянника Радослава (которого он сам венчал королевской короной) и возведением на престол Владислава, чтобы не спровоцировать затяжную междоусобицу¹²³. В то же время безусловная асинхронность в большинстве случаев дат правления королей и архиепископов¹²⁴ свидетельствует об отсутствии отчетливого

¹²³ *Теодосије Хиландарац*. Живот светог Саве... С. 177. В более раннем житии Саввы, написанном Доментианом в правление короля Уроша, в соответствующем месте лишь упоминается факт смены правителя (см.: *Доментијан*. Житије светог Саве... С. 340).

¹²⁴ См., например: *Podskalsky G.* Theologische Literatur des Mittelalters in Bulgarien und Serbien (865—1459). München, 2000. S. 530 (то же — *Подскалски Г.* Средньовековна теолошка књижевност у Бугарској и Србији (865—1459). Београд, 2010. С. 625).

стремления светских правителей при смене власти ставить во главе церковной организации «своего человека».

В целом сербские литературные источники содержат хотя и очень скудный, но в известном смысле весьма показательный материал о случаях насильственной смены власти в стране. Сербская средневековую литературу в рассматриваемый период (а во многом и позднее) отличает, как уже говорилось, устойчивая моножанровость¹²⁵ — большинство ее памятников составляют жития, причем жития, по сути только двух категорий святых — правителей и церковных иерархов. Здесь, в отличие от древнерусской литературы отсутствуют исторические повести (как в самостоятельном виде, так и в форме летописных статей), представляющие отклик на злободневные события, и не получил распространения жанр поучения. При этом в сербской литературе отсутствует мученическая разновидность правительского жития¹²⁶. Сербские житийные повести посвящены прославлению успешных правителей и церковных иерархов.

В последовательной маргинализации сербскими книжниками — монахами и иерархами — сюжетов, связанных с насильственной сменой правителей не следует видеть исключительно проявления авторского сервизма и молчаливого признания правоты победителей. Немаловажную роль в этом играло, несомненно, представление о святости династии Неманичей в целом (и, соответственно, каждого ее члена в отдельности) формировавшейся на всем протяжении ее существования¹²⁷. Периодически возникавшие конфликты не должны были нарушать общей гармоничной картины и сознательно приносились в жертву идеальной модели «святородной» династии. Возможно, отмеченная выше внутрдинастическая гуманность в отношении

¹²⁵ Точнее, вероятно, было бы говорить о бижанровости (жития и службы), но жанр литургической поэзии в данном случае не меняет общей картины.

¹²⁶ Поэтому безусловно заслуживает серьезного внимания, хотя и с некоторыми оговорками, мнение новейшей сербской исследовательницы о трансформации культа короля Стефана Дечанского (1321—1331) из правительского в мученический только в конце XIV в., под пером Григория Цамблака (*Марјановић-Душанић* С. Свети краљ... С. 361—368.

¹²⁷ Подробнее об этом см.: *Она же*. Владарска идеологија... С. 70—94.

побежденных являлась отчасти воплощением этой модели на практике.

Тема власти и общества в Сербии XIII в., в особенности в период правления внуков и правнуков основателя династии, продолжала волновать и книжников следующего столетия, практически вплоть до принятия Стефаном Душаном царского титула. Представляется, однако, что их оценки деяний этих поколений Неманичей составляют предмет отдельного исследования.

**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВЕ
В ХОРВАТСКИХ И ДАЛМАТИНСКИХ ИСТОЧНИКАХ
КОНЦА XI — СЕРЕДИНЫ XIII в.**

**КОНЕЦ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ХОРВАТСКОГО КОРОЛЕВСТВА.
СМЕНА ВЛАСТИ**

Хорватское государство, возникшее в IX в., завершило свое существование в конце XI в. Между тем именно к концу своей истории, в середине — второй половине XI в., при Крешимире IV (1055 или 1058—1074 гг.) и особенно при его преемнике Звонимире (1075—1089 гг.), оно достигло наивысшего развития. Источники времени Крешимира, принадлежавшего к династии Трпимировичей, которая правила в Хорватии с IX в., демонстрировали основные направления развития идеологии власти — прославление правящей династии, ее представителей и их деяний, почитание наследственной власти и социальной иерархической структуры государства¹. Дмитрий Звонимир

¹ Соответствующие формулы содержатся в основном в грамотах, вышедших из канцелярии Крешимира; Крешимир, в частности, акцентирует свое законное наследственное право на королевство своего деда и отца. См.: *Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae* / Red. Kostrenić M. Zagreb, 1967. V. 1 (далее — CD 1). P. 105—106, 113. О терминологии власти в источниках Хорватского королевства см. в: *Klaić N. Povijest Hrvata u ranom srednjem vijeku*. Zagreb, 1971; *Goldstein I. Hrvatski rani srednji vijek*. Zagreb, 1995; *Katičić R. Litterarum studia. Književnost i naobrazba ranoga hrvatskog srednjovjekovlja*. Zagreb, 1998; *Акимова О. А. Развитие общественной*

был во время Крешимира баном², причем весьма могущественным, о чем свидетельствует его женитьба на Елене, дочери венгерского короля Белы I (1061—1063 гг.) и сестре венгерских правителей Гезы I (1074—1077 гг.) и Ладислава (Ласло) I (1077—1095 гг.). Происхождение Звонимира неясно³; по всей видимости, он оказался на хорватском престоле из-за отсутствия у Крешимира очевидных наследников, однако видел себя продолжателем традиций правившей до него династии⁴. Корону и другие инсигнии власти он получил в 1075 г. по повелению папы Григория VII, а сопровождавший процедуру коронации договор с папой был составлен как вассальное соглашение в духе церковных реформ того времени⁵. По документам, вышедшим из канцелярии Звонимира, он представлял сильным правителем древнего христианского иерархического государства, державное величие которого поддерживается папским престолом. Звонимир, очевидно, не оставил наследника, и после его смерти место правителя на короткое время занял болезненный родственник Крешимира (предположительно его племянник) Стефан.

Неизвестно, был ли у Стефана преемник и как было организовано управление в королевстве после его смерти. Согласно более поздним источникам (имени Стефана, впрочем, вообще не упоминающим), угасание хорватской королевской династии вызвало эпоху безвластия, политической неразберихи, междоусобной борьбы, захвата земель и стало в конечном счете причиной установления здесь власти венгерской династии Арпадовичей. Смена власти происходила по-

мысли в раннесредневековых государствах на западе Балкан // *Общественная мысль славянских народов в эпоху раннего Средневековья*. М., 2008. С. 151—220.

² CD I. P. 115, 121, 129, 133.

³ Предпринимались попытки доказать его связь с династией Трпимировичей (наиболее последовательно — *Barada M. Dinastičko pitanje u Hrvatskoj XI. stoljeća // Vjesnik za arheologiju i historiju dalmatinsku*. Split, 1928—1929. № 50. S. 171—174), однако надежных доказательств этому нет.

⁴ См., например, подтверждение Звонимиром пожалований его «предков» (*progenitorum meorum*) (CD I. P. 160). Крешимир для него — его «предшественник» (*antecessor*) (CD I. P. 167).

⁵ CD I. P. 139—141.

степенно, сначала при венгерском короле Ладиславе в 1091 г., а после его смерти — при короле Коломане (Кальмане) (1095—1116 гг.). В течение 1091—1093 гг. (а затем еще раз в конце XII в.) на часть земель прежней византийской провинции Далмация вновь распространилась власть константинопольского императора. С конца XI в. некоторые далматинские города и острова Кварнерского залива признавали власть венецианского дожа, которую он с переменным успехом отстаивал в войнах с Венгрией. В разных хорватских областях удерживали влияние хорватские феодальные семейства, становившиеся вассалами политических суверенов и со сменой власти менявшие своих сеньоров.

Адриатические города проживали собственную политическую и культурную историю. До середины XI в. они находились под властью Византии, образуя в ее составе особую административную область — фему Далмация, а затем вошли в состав Хорватского королевства. На протяжении рассматриваемого времени шел активный процесс славянизации прежде романского и романизованного населения городов, но с изменением этнического состава представление их жителей о своей культурной инаковости не исчезало. Города продолжали развиваться как коммунальные структуры со своей системой управления, права и социальной историей. В этих условиях многообразие вариаций в отношениях различных слоев хорватского и далматинского общества с верховной властью и между собой должна была соответствовать и многовариантность соответствующих им представлений о власти и своих отношений с ней.

При общей скудости относящихся к рассматриваемому времени источников, в которых можно было бы выявить представления о взаимоотношениях власти и общества в хорватских землях, именно из городской далматинской среды, из Сплита, вышло одно из наиболее значительных средневековых сочинений историографического жанра — хроника сплитского архидиакона Фомы (1200—1268 гг.) «История архиепископов Салоны и Сплита»⁶. Это сочинение охватывает

⁶ Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита / Пер. и коммент. О. А. Акимовой. М., 1997. Последнее комментированное издание латинского текста — *Arhidakon Toma. Historia Salonitana: Povijest salonitanskih i*

историю Далмации, Хорватии, Венгрии и некоторых сопредельных областей с ранней древности до середины XIII в. Будучи одним из образцов западноевропейского хроникального историописания, оно в то же время отмечено авторской индивидуальностью как в подборе, так и интерпретации сюжетов и потому представляет особый интерес для круга затрагиваемых в данном исследовании проблем. Оно содержит как богатый материал по истории взаимоотношений населения Далмации и Хорватии с различными властными структурами, так и развернутые авторские характеристики венгерских королей и членов королевской семьи, венецианских дождей, хорватских князей, правителей городов, глав местных церквей. Неизбежное превалирование в данной главе содержащихся в этом тексте оценок определенной социальной направленности компенсируется их выразительностью и живостью.

Установление венгерского политического суверенитета в начале 90-х гг. не означало одновременного введения на хорватских землях организованной системы управления, хотя, видимо, с самого начала предусматривалось, что эти территории должны обладать особым королевским статусом. После того как венгерский король Ладислав (Ласло) I в 1091 г. занял часть Хорватии⁷, он поставил там королем своего племянника Алма (Алмоша)⁸, который, впрочем, вскоре вернулся в Венгрию. Вполне возможно, это было связано с вторжением в Венгрию куманов, что заставило Ладислава прервать поход⁹, и противодействием местного населения.

splitskih prvosvećenika / Predg., lat. tekst, prijevod O. Perić; koment. M. Matijević Sokol; studija R. Katičić. Split, 2003.

⁷ В письме монтекассинскому аббату Одерезию Ладислав отмечал, что он «quia Sclavonim iam fere totam acquisivi» (CD I. P. 198), что было явным преувеличением.

⁸ См., напр., свидетельство, содержащееся в своде «Композиции венгерских хроник», относящихся к группе Венской (Иллюстрированной) хроники — *Chronicon pictum Vindobonensis: Chronici Hungarici compositio saeculi XIV // Scriptores rerum hungaricarum. V. I. Bp., 1937. P. 406*. Свод объединил различные части, создававшиеся на протяжении XI—XIV в.

⁹ См. *Фома Сплитский. С. 53*.

Под властью Ладислава остались земли Славонии, ранее входившие в состав Хорватского королевства, но где традиции государственной жизни из-за меньшей развитости этих территорий, были относительно слабыми. Предполагается, что уже при Ладиславе в Славонии была введена венгерская территориально-административная система. Здесь была организована система особых административных единиц — королевских комитатов с королевскими патримониальными владениями. Их административные границы зачастую совпадали с границами епископств. Желание венгерского короля распространить на занятую область политическое и идеологическое влияние показывает организация по его инициативе в 1094 г. Загребской епископии. Она создавалась на землях бывшей Сисачской епископии, входившей в составе далматинско-хорватской церковной территории (охватывавшей земли бывшего Хорватского королевства). Формально подчиняясь Сплитской архиепископии, в действительности это была тогда ничейная земля. Ладислав передал Загребскую епископию в церковное подчинение архиепископу Острогонскому (Эстергомскому), а затем она принадлежала Калочской церкви, так что организационно она была ориентирована на венгерскую церковь. Грамота об основании архиепископии утрачена, но сохранился отрывок записи Эстергомского архиепископа 1134 г. об этом событии с, очевидно, близким воспроизведением фундаментального документа¹⁰. В записи ни Сисачская епископия, ни Сплитская архиепископия даже не упоминались, и такая лакуна не кажется случайной. Учреждение Загребской епископии было личной, не санкционированной папой, инициативой Ладислава, поддержанной венгерскими епископами, а также венгерскими высшими должностными лицами и нобилями, по совету которых и осуществлялось упомянутое событие¹¹. Основной целью создания епископии провозглашалось искоренение языческих заблуждений местного населения и возвращения его на путь истины, причем для исправления «невежества народа» в качестве

¹⁰ CD. I. P. 202.

¹¹ В записи называются высшие церковные и светские лица и говорится, что «rex divina gratia inspirantehorum ceterorumque nobilium consilio Zagrabiensem constituit episcopatum» — CD I. P. 202.

епископа приглашался некий чех «достойного образа жизни», по имени Дух¹², который, по некоторым предположениям, мог быть глаголическим священником, ведшим службы на церковнославянском языке¹³. Король, таким образом, выступал в качестве духовного пастыря народа этой территории и организатора церковного пространства¹⁴.

Самое активное участие светских лиц в организации Загребской епископии противоречило постановлениям Латеранского собора 1059 г., принятым в связи с борьбой за инвеституру, и неизбежно вело к конфликту с папским престолом. После смерти Ладислава в 1095 г. его на престоле в отсутствие прямых наследников сменил Коломан (Кальман, брат Алмоша), восстановивший добрые отношения с Римом¹⁵, что, однако, никак не повлияло на положение Загребской епископии, но, видимо, сделало возможным без помех со стороны папы распространить власть венгерского короля на хорватско-далматинские земли¹⁶, на которых в это время царили хаос и безвластие.

Об этом красноречиво свидетельствуют описания крестового похода, объявленного Урбаном II в 1095 г. Когда в 1096—1097 гг. по территории Хорватии проходили крестоносные войска под предводи-

¹² Король полагал «quos error idolatrie a Dei cultura extraneos fecerat, episcopalis cura ad vitam veritatis reduceret» — CD I. P. 202.

¹³ Наиболее последовательно — *Fancev F.* O najstarijem bogoslužju u Posavskoj Hrvatskoj // *Zbornik kralja Tomislava*. Zagreb, 1925. S. 509—553. Вместе с тем высказываются обоснованные сомнения в массовом распространении глаголического богослужения в это время в Славонии, хотя допускается наличие здесь какого-то количества глаголических священников — см. *Katičić R.* *Litterarum studia*. S. 596.

¹⁴ См. *Šišić F.* *Povijest Hrvata*. Zagreb, 1928. S. 598—620; *Klaić N.* *Povijest Hrvata u ranom srednjem vijeku*. S. 491—507; *Zagrebačka biskupija i Zagreb*. 1094—1994. Zagreb, 1995. S. 81—177.

¹⁵ В 1095 г. папа Урбан II приветствовал возвращение Венгрии под крыло Римской церкви (*Šišić F.* *Priručnik izvora hrvatske historije*. Zagreb, 1914. S. 98—399).

¹⁶ О связи восстановления отношений Коломана с Римом и его последующим походом на Далмацию см.: *Goldstein I.* *Hrvatski rani srednji vijek*. S. 440.

тельством графа Раймунда IV Тулузского, то, по данным хронистов этого похода, всякая власть здесь отсутствовала, более того, Хорватия, за исключением адриатических городов, жители которых «от других отличаются обычаями и языком», предстала перед глазами крестоносцев пустой малонаселенной землей, с необработанными полями, разрушенными городами и крепостями, с людьми, привыкшими к грабежам и убийствам¹⁷.

Однако в каких-то частях страны в это время могли существовать территории, сохранявшие остатки прежней властной структуры. Это следует из рассказа венгерского историка второй половины XIII в. Шимона де Кезаи в его «Деяниях венгров» о хорватском короле Петре¹⁸. Другие источники о Петре не сообщают, так что неизвестно, когда и кто поставил его королем и как это происходило¹⁹. По словам Кезаи, резиденцией Петра был город Книн. Поскольку Книн был одним из центров и королевских резиденций раннего Хорватского государства, организация Петром в Книне политического центра свидетельствовала о преемственности в его государственном образовании символов и идеологии власти Хорватского королевства. Кезаи пишет, что в 1097 г. король Коломан «направил войско в королевство Далмацию и уничтожил короля Петра, который, выйдя перед венграми в горах, которые называются Гвозд, потерпел поражение в этих горах и был убит. С тех пор до сего дня эти горы называются по-венгерски *Patur Gozdia*». Петр, таким образом, поджидал венгерское войско где-то в горах, отделявших приморские

¹⁷ Описание Хорватии контрастировало с представлением здесь же соседней Дукли, правитель которой Бодин одарил крестоносцев всем необходимым и создал самые благоприятные условия для их пребывания на своей территории. Текст с комментариями см. в: *Klaić N. Izvori za hrvatsku povijest do 1526 g.* Zagreb, 1972. S. 84—85.

¹⁸ *Simoni de Keza Gesta Hungarorum // Scriptores rerum hungaricarum. V. I.* Бр., 1937. P. 141—194. Кезаи использовал переработанные им сведения более раннего времени.

¹⁹ Существует мнение о Петре как о бане Петре Свачиче, который упоминался в документах периода правления Звонимира: *Šišić F. Povijest Hrvata. S. 613—614; Klaić N. Povijest Hrvata u ranom srednjem vijeku. S. 512.*

области Хорватии от континентальных (Славонии)²⁰, и погиб в бою. Этот рассказ демонстрирует наличие организованного сопротивления новой власти, проходившего под знаком защиты Хорватского королевства. Неизвестно, насколько это сопротивление сохранилось в хорватской исторической памяти. Прямых свидетельств об этом нет, однако косвенно на существование какого-то предания может указывать следующий легендарный эпизод. В венгерской и хорватской исторической мысли преобладало представление о Звонимире как о последнем хорватском правителе, и в одном из вариантов легенды (возникшей примерно в XIV в.) о смерти Звонимира, последовавшей от рук его же воинов, ему приписывалось участие в боевых действиях в месте Петрово поле²¹.

Восприятие власти в ситуации конца XI в. демонстрирует знаменитая глаголическая Башчанская надпись, выбитая около 1100 г. Плита с этой надписью была обнаружена в церкви св. Люции, находившейся возле селения Башки на о. Крк. Церковь перестраивалась в начале XIV в. с использованием материала прежней церковной постройки, и Башчанская плита оказалась одной из плит покрытия пола, вследствие чего в надписи имеются некоторые утраты, хотя в целом смысл ее понятен. Она была составлена от имени аббата Држихи, настоятеля бенедиктинского монастыря св. Люции, по всей видимости, на основе жалованной грамоты, выданной некогда монастырю Звонимиром. «Я, аббат Држиха, написал это о поле, которое Звонимир, король хорватский, дал в свое время св. Люции. Свидетель этого жупан Крбавы Десимир, Лики Мартин, Прибинег, посланник в Винодоле, Яков на острове. Я, аббат Добровит, построил эту церковь вместе с девятью братьями, в дни князя Козмата, владевшего своим краем»²². Примеча-

²⁰ Различные варианты локализации этих гор и привязки их к определенным названиям см.: *Gunjača S. Ispravci i dopune starijoj hrvatskoj historiji*. V. 4. Zagreb, 1978; *Goldstein I. Hrvatski rani srednji vijek*. S. 441—446.

²¹ *Kurelac M. Povijesni zapis nazvan «Anonimna Kronika» u rukopisu naučne biblioteke u Zadru // Historijski zbornik*. God. 23—24. Zagreb, 1970—1971. S. 369—371.

²² Пер. по тексту в: *Mihaljčić R., Steindorff L. Namentragende Steininschriften in Jugoslawien vom Ende des 7. bis zur Mitte des 13. Jh.* Wiesbaden, 1982. № 17. S. 10—14.

тельно, что в первой части земельное пожалование освящается авторитетом прежней властной структуры — Звонимира, его приближенных и местной знати, а о современной автору власти вообще ничего не говорится. Вторая часть надписи, сделанная другим аббатом, датируется лишь временем правления местного князя. Так что в «своих краях», по всей видимости, сохранялся авторитет прежней родовой знати.

Некоторые документы далматинских городов, относящиеся к началу 90-х гг., также демонстрируют неустойчивость и расплывчатость представлений о верховной власти. В записях, копиях и обрывках документов из монастыря св. Марии в Задаре, который в свое время был столицей византийской Далмации, сохранились некоторые сведения о восприятии своего места в политической картине конца XI в. Монастырь был основан в 1066 г. дочерью задарского городского главы (приора) Чикой с разрешения хорватского правителя Крешимира IV, с которым приор находился в родстве. Во время составления указанных документов аббатиссой монастыря была дочь Чики, Веченега.

В составе т. н. Евангелиария Веченеги (*Evangeliarium Vekenegae*), датированного приблизительно первой половиной 90-х гг. XI в., имеется пасхальный гимн, *exsultet*, относящийся к краткому времени византийского суверенитета и завершающийся обращенной к Господу просьбой молиться за «весь клир и божий (*devotissimum*) народ вместе с нашим папой (имярек) и епископом (имярек)», а также помнить «раба твоего императора (имярек), нашего приора (имярек) и весь народ города»²³. Выстроенная схема с императором наверху и народом внизу, руководимом городским главой, приором, демонстрировала скорее желание опереться на сильную верховную власть константинопольского императора, а не реально существующую властную вертикаль, поскольку фактическое наполнение этой власти было здесь, очевидно, незначительным. Характерна датировка одного из документов, выданного в 1091 г. задарским приором Драго, «когда в Константинополе императором был Алексей, во время,

²³ Евангелиарий Веченги хранится в Bodleian Library (Оксфорд) — *Canonici M. S. Bibl. Lat.* 61. Цит. по: *Katičić R. Litterarum studia.* S. 514.

когда Ладислав, король паннонцев, войдя в пределы королевства Хорватии, поставил ей королем своего племянника Алма»²⁴. Такая неопределенность была обусловлена, с одной стороны, временем безвластия или изменчивостью суверенной власти, а с другой — политической историей далматинских городов, долгое время находившихся под византийским суверенитетом. Авторитет прежней власти византийского императора в этих условиях оказывалось вполне ожидаемым.

В конце XI в. был заключен договор между венецианским дожем Виталом Михаилом и венгерским королем Коломаном, по которому Венеции, тесно связанной тогда с Византией, отходили далматинские города, а Коломану, очевидно, в основном земли Славонии. Тоску в далматинских городах по сильной верховной власти, способной защитить своих подданных и обеспечить безопасные условия существования, демонстрирует текст грамоты далматинского города Трогира о переходе под власть дожа в 1097 г., в которой граждане выражали уверенность в том, что для них было бы наиболее надежно «жить под управлением столь значительных господ и оставаться на их бдительном попечении и под надежной защитой»²⁵.

Быстрое и кардинальное изменение политических условий и правил жизни означало смену политических и социальных ролей и должно было вызвать формирование соответствующих обстоятельствам взглядов на столь близкую еще историю конца своего государства, хорватской династии, историю утраты суверенитета. Представления хорватских и далматинских авторов XIII—XIV вв. о Звонимире как о последнем правителе Хорватского королевства, возможно, были основаны не только на воспоминаниях о его могуществе, но и на позиции венгерской историографии, на чем следует остановиться особо.

Поход короля Ладислава стал изображаться в венгерских источниках как осуществление наследственного права венгерского короля, поскольку жена Звонимира Елена была его сестрой, а Звонимир, как подчеркивали источники, умер бездетным. Причем поводом к за-

²⁴ CD I. P. 200.

²⁵ Ibid. P. 207—208.

воеванию служили некие агрессивные действия самих хорватов. В венгерской хронистике это событие было представлено следующим образом: «(Ладислав) первым подчинил Далмацию и Хорватию постоянной королевской власти. Когда король Звонимир умер без детей, его жена, сестра короля Ладислава, тяжело притесняемая оскорблениями врагов своего мужа, просила во имя Иисуса Христа помощи у своего брата. За ее оскорбления король жестоко отомстил и полностью вернул ей Хорватию и Далмацию, которые потом она подчинила своему владычеству (*suo dominio*). Король сделал это не из-за жадности, но потому что по королевской правде ему принадлежало это наследство: именно король Звонимир был с ним в родстве первой степени, а наследников у него не было»²⁶.

Власть Елены на якобы возвращенных ей землях не подкрепляется никакими источниками. Уже говорилось о том, что после завоевания Ладиславом части Хорватии, он поставил там королем своего племянника Алму. Поскольку прямых наследников у Ладислава не было, поставление Алмы можно рассматривать как реализацию наследственного права венгерского правителя. Елена в венгерской историографии оставалась ключевой фигурой в обосновании права короля на хорватские земли. В местной же традиции, похоже, ее имя было надолго предано забвению. В ближайшем к описываемым эти события источнике — хронике середины XIII в. сплитского архидиакона Фомы — Звонимир называется последним членом правящей династии, королева Елена не упоминается, а завоевание, начавшееся в 1091 г., никак не связывается с династическим преемством.

В изображении хрониста вторжение в Хорватию войска венгерского короля — это акция по защите ущемленного достоинства некоего хорватского магната, осуществленная по его же просьбе: «...король Свинимир умер, не оставив наследника. Так что с угасанием всего рода королевской крови в королевстве хорватов уже более не было никого, кто должен был бы возвыситься по праву. Ввиду этого

²⁶ Рассказ содержится в своде истории венгров по списку Иллюстрированной хроники, включенном с дополнениями и изменениями в «Венгерскую хронику» XV в. Яноша Туроци (см. *Chronicon pictum Vindobonensis*. P. 4—177, ср. *Johannes de Thurocz. Chronica Hungarorum. I. Textus* / Ed. E. Galántai, J. Kristó. Bp., 1985).

между всеми знатными людьми королевства стала затеваться великая вражда. И когда то один, то другой, движимый честолюбием, заявлял о своих претензиях на владение страной, начинались бесчисленные грабежи, разбои, убийства и всевозможные злодеяния... В те времена жил один из магнатов Славонии; измученный своими же соплеменниками многими обидами, изнуренный значительными потерями и не надеясь, что он сможет как-то противостоять этому злу, он отправился в Венгрию. Явившись тогда к королю Ладиславу, он ...убедил его выступить для завоевания королевства Хорватии и подчинить его своей власти; он вполне уверил его, что это можно сделать без труда, поскольку престол королевства был не занят»²⁷. В хронике рассказывается об этапах подчинения хорватских и далматинских земель, причем акцентируется сугубо военный характер этой акции и называются причины быстрого поражения хорватов. «Король Ладислав, — пишет хронист, — без промедления собрал многочисленное войско ...и беспрепятственно занял всю землю от реки Дравы до Альп, которые зовутся Железными» (имелась в виду земля Славонии). Перейдя горы, «он начал осаждать укрепления и крепости ...Хорватии». А поскольку ее народ был разобщен, Ладислав одержал легкую победу²⁸.

Таким образом, завоевание Хорватии представлялось возможным из-за междоусобной борьбы, до крайности ослабившей страну. Причем, по убеждению хрониста, никто из враждующей хорватской знати не имел законных властных полномочий на хорватский трон. Однако верховная власть над хорватскими и далматинскими землями, по его представлениям, не переносилась автоматически и на венгерских правителей. Не случайно в своем рассказе Фома обходит молчанием наличие хорватских связей венгерской династии, благодаря которым венгерский король мог претендовать на опустевший хорватский престол.

Вместе с тем для автора хроники было очевидным обращение представителя хорватской знати после смерти Звонимира за защитой именно к венгерскому королю. Так что представление о некоем праве венгерского короля на хорватский престол, по всей видимости, суще-

²⁷ *Фома Сплитский*. С. 54.

²⁸ Там же. С. 52—54.

ствовало и было основой соответствующих преданий. Мотив обращения хорватов к Ладиславу за помощью в искоренении междоусобных конфликтов стал впоследствии одним из устойчивых элементов предания о смене власти.

В 1102 г. венгерский король Коломан, вопреки договоренности с Венецией о разграничении сфер влияния, предпринял успешный поход на территории Далматинской Хорватии. Хорватские и далматинские исторические источники подчеркивали впоследствии военный контекст установления власти Коломана, готовность сопротивления, но одновременно заостряли внимание на последующем добровольном подчинении королю, заключении с ним определенного соглашения.

В житии трогирского епископа Иоанна, составленном, по некоторым предположениям, в середине XII в., а в начале XIII в. дополненном и переработанном трогирским епископом Трегуаном²⁹, это событие представлено следующим образом. Коломан шел с большим войском к морю, чтобы «подчинить своей власти Иллирийское королевство (*Illyricum regnum*)» и остановился перед Задаром, «наиболее могущественным городом» этой части Далмации. Столкнувшись с сопротивлением жителей города, король выставил против него свои военные силы и прежде всего большую катапульту; горожане со своей стороны также подготовили свое метательное орудие. Епископ Иоанн предотвратил неминуемое кровопролитие: силой его молитвы неприятельская машина оказалось разбитой, а его главным аргументом в увещании горожан и короля разрешить конфликт мирным путем было то, что и король и жители города — «одной веры и один Господин владеет ими». Король, видя, что не может захватить город силой, предложил горожанам добровольно «подчиниться королевской милости», что те, посоветовавшись с епископом, и сделали. А затем король направился к Трогиру, где подтвердил пожалования местной церкви, предоставленные некогда хорватскими королями.

²⁹ Текст жития — *Vita beati Ioannis episcopi traguriensis* // *Legende i kronike* / Ured. V. Gligo, H. Morović. Zagreb, 1977 (Splitski književni krug. Knj. 2). S. 69—121; о датировке жития и необходимая библиография — S. 61—68.

Акценты на первоначальном сопротивлении адриатических городов власти Коломана и принадлежности короля и горожан к одной вере как залого добровольного ему подчинения оказались, видимо, устойчивыми в представлениях об установлении венгерского суверенитета. В рассказе Фомы Сплитского о нападении Коломана на Сплит, очевидно, основанном на местных исторических преданиях, также подчеркивался смелый отпор горожан войску короля. Хронист рассказывает, как граждане Сплита отважно противостояли Коломану, поскольку, по его словам, они боялись «попасть под власть неведомого и чужеземного народа». Когда же они узнали, что венгры — христиане и король не хочет им зла, если только они подчинятся его власти, то заключили с ним мирный договор, пообещав остаться верноподданными Коломана и его потомков. «Тогда король вошел в город и был встречен клиром и народом с большим почетом. И в тот же день, приняв от коммуны всевозможные знаки внимания и выдав иммунитетные привилегии, он отбыл»³⁰.

О походе Коломана речь идет и в памятнике, известном под названием «*Pacta conventa*», в котором рассказывается история соглашения знатных хорватских родов с Коломаном о признании ими его власти и сообщается об условиях такого соглашения. Этот текст сохранился в одном из списков хроники Фомы Сплитского первой половины XIV в.³¹ и, по всей видимости, отражает идеологическую ситуацию Хорватии примерно этого времени. Для рассматриваемых здесь сюжетов интересен начальный пассаж текста о том, как Коломан пожелал подчинить своей власти «всю Хорватию до моря далматинского», и хорваты, узнав о приходе войска короля, «собрали собственное войско и приготовились к бою», король же направил к ним послов с благосклонными предложениями.

Историческое предание сохранило, таким образом, в качестве устойчивого элемента воспоминание о первоначальном неприятии власти Коломана и о вооруженном сопротивлении ему (или по крайней мере о стремлении оказать такое сопротивление) и скорректировало его в соответствии с меняющимися политическими условиями.

³⁰ *Фома Сплитский*. С. 52—54.

³¹ *Šišić F. Priručnik izvora*. Zagreb, 1914. S. 462—464.

Кажется поэтому неслучайным, что именно в связи с сообщением о войне Коломана со Сплитом Фома Сплитский замечает, что горожане, «все вместе решились скорее вынести все испытания и потери, чем допустить иго венгров (*iugum Hungarorum*)»³².

Документы, современные походу Коломана, косвенно подтверждают, что противоборство ему действительно было, но одновременно показывают, что на занятых землях венгерский король видел себя продолжателем традиций Хорватского королевства.

Грамота из картулярия задарского монастыря св. Марии, относящаяся к 1102 г., сообщает о его коронации на хорватской территории, в Биограде-на-мору недалеко от Задара. Акт коронации явно должен был продемонстрировать преемственность венгерской власти от прежней хорватской: «Я, Коломан, Божьей милостью король Венгрии, Хорватии и Далмации, после проведения совета (*consilio*) был коронован в Биограде-на-мору, в королевском городе», и далее сообщается о предоставлении им по просьбе его комитов королевской свободы женскому монастырю св. Марии, чтобы монахини могли возносить молитвы Богу «за меня и за благосостояние моего государства»³³. Приняв хорватскую корону в городе, где располагалась одна из резиденций хорватских правителей, Коломан становился таким образом законным их наследником, а точнее, в представлении династии Арпадовичей, наследником Звонимира.

Неизвестно, каким был ритуал коронации, что за совет предшествовал этому акту. Некоторые исследователи предполагают, что Коломан использовал символы власти Звонимира, но сведений об этом в источниках нет. В то же время самим фактом особой коронации Коломан подтверждал королевский статус Хорватии и Далмации и особое положение этой территории в составе Венгерского королевства. Предоставляя привилегии именно монастырю св. Марии, он тем самым демонстрировал готовность продолжать традиции прежней власти в Хорватии, поскольку монастырь находился на особом положении в Хорватском государстве, был в свое время основан по

³² Фома Сплитский. С.54.

³³ *Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae*. V. 2—6 / Ed. T. Smičiklas. Zagreb, 1904—1907 (далее — CD 2—6). CD 2. P. 9.

распоряжению Крешимира IV и получал королевские привилегии и многочисленные пожалования.

Документы монастыря св. Марии сохранили некоторые существенные детали как установления власти венгерского короля в Задаре, так и ее восприятия в городской среде. Одна из грамот датируется 1105 г., когда «королем Венгрии, Хорватии и Далмации» был Коломан, и далее уточняется — «в первый год, когда он как победитель (*triumphaliter*) вошел в Задар, а на епископской кафедре Задара был Григорий»³⁴. На стене колокольни монастыря св. Марии имеется монументальная надпись того же 1105 г., подтверждающая, что Коломан одержав военную победу, смог занять Задар. При этом монастырю, видимо, отводилась важная идеологическая функция символа новой власти: «... после победы и пожалованной ему награды мира — входа в Задар, распорядился на собственный счет воздвигнуть эту башню для святой Марии Венгрии, Далмации и Хорватии король Коломан»³⁵. В монастыре от имени Коломана было сделано еще несколько надписей, сохранившихся фрагментарно³⁶, но показывающих значение монастыря и Задара в утверждении прав Коломана на эти территории. Во всяком случае в других местах подобных надписей не обнаружено.

Показательна датировка в стихотворной эпитафии аббатиссы монастыря Веченеги, умершей в 1111 г., в которой сообщается, что она преставилась в таком-то году от Рождества Христова «и на пятом году как нами владеет (*Nos habet e(st)*) король Коломан», причем как об одном из основных ее дел сообщается о завершении строительства колокольни, начатой Коломаном³⁷. Так что в Задаре уже вскоре после его подчинения венгерскому королю вполне осознавались новые политические и идеологические реалии и приоритеты, обнаруживалось стремление участвовать в создании единого для всего Венгерского королевства идеологического пространства и готовность к вхождению в это пространство.

³⁴ CD 2. P. 15.

³⁵ *Mihaljčić R., Steindorff L.* Namentragende Steininschriften. № 33. S. 24—25.

³⁶ *Ibid.* № 34. S. 25; № 37. S. 27; № 38. S. 28.

³⁷ *Ibid.* № 35. S. 26.

Заняв Далмацию, Коломан предоставил королевские права на Далмацию и Хорватию своему сыну Стефану, подтвердив тем самым особый королевский статус земель прежнего хорватского государства, находящихся теперь под его суверенитетом и руководимых членом династии. Властная структура на территории его подчинения приобрела для подданных более ясные очертания, что зафиксировала запись 1114 г. в «Задарском евангелии» (*Evangelium Iaderense*), пергаменном кодексе самого конца XI в., вышедшем из скриптория монастыря св. Христогона в Задаре³⁸. Под этим годом в него были вписаны имена представителей духовной и светской власти, которым провозглашались пожелания и хвалы на Пасху и Рождество (т. н. *laudes*). Так, здравицы возносились папе, «благословенному (*almifico*) королю Венгрии, Далмации и Хорватии Коломану, преславному (*clarissimo*) нашему королю Стефану, Кледину, нашему славному комиту (*inclito nostro comiti*)»³⁹.

Когда Стефан наследовал венгерский престол, Венгрия при нем переживала кризис, мало вмешиваясь в дела на балканских территориях, и коронация хорватской короной не проводилась. Во второй половине XII в. в течение почти двадцати лет большая часть территорий Хорватии и Далмации подчинялись власти Византии. Но когда в 1180 г. Венгрия вернула эти земли, прежний порядок поставления сына короля правителем Хорватии и Далмации возобновился. Он

³⁸ Евангелиарий хранится в библиотеке Марбурга (Германия) — Berlin, theol. Lat. quart. 278. О записи см.: *Zaninović A.* *Laudes iz početka 12. vijeka u Evangelistaru zadarske crkve sv. Šimuna // Sveta Cecilija.* Zagreb, 1926. № 1. S. 1—8; *Novak V.* *Neiskorišćavana kategorija dalmatinskih historijskih izvora od VIII. do XII. stoljeća // Radovi Instituta JAZU u Zadru.* V. 3. Zagreb, 1957. S. 55—60; *Katičić R.* *Litterarum studia.* S. 514.

³⁹ CD 2. P. 392—393. «Комит» здесь — не городской голова. Венгерский бан Кледин имевший собственные военные отряды и участвовавший в венгеро-венецианских военных действиях на этой территории, очевидно, видел себя королевским наместником, и называл себя «по милости господина моего короля Стефана принцис этой провинции и бан». Известно, что в Задаре этого времени был городской приор, который именовал Кледина «*banus regalis*» (см. *Klaić N.* *Povijest Hrvata u razvijenom srednjem vijeku.* Zagreb, 1976. S. 18—19).

принимал над ними власть и одновременно титул герцога — *Dalmacie et Chroatiæ Chulmeque dux* или же *dux totius Sclavoniæ*, и назывался также «младшим королем». У него был двор со своей канцелярией⁴⁰. По некоторым жалованным грамотам, вышедшим из его канцелярии в Задаре, видно, что герцог считал себя наследником как венгерских правителей Хорватии, так и прежней хорватской правящей династии. Показательна, например, грамота 1198 г., изданная от имени герцога Андрея, будущего венгерского короля Андрея (Эндре) II. Задар выделялся в его титулатуре особо и, видимо, представлялся главным городом его далматинских владений, что было принципиально, как учитывая его прежнее положение столицы византийской провинции Далмация, так и в связи с венецианскими претензиями на Задар: «Андрей, сын короля Белы III, по милости Божьей герцог Задара и всей Далмации, Хорватии и Хума, сознавая, что в обязанность герцогской службы входит всеми силами стремиться к возвышению церкви», подтверждает монастырю св. Козьмы и Дамиана «все земли, которые передали в свое время Крешимир и Звонимир, некогда хорватские короли и их вельможи (*principes*), а наш дядя Стефан подтвердил»⁴¹. Находящаяся же в ведении герцога территория называлась им «королевством».

Еще в одной грамоте Андрея того же 1198 г. уточнялись prerogative герцога «распоряжаться правами и обустройством своего королевства». Эта грамота издана в связи с вакантной тогда Хварской епископии, которая Венецией в свое время была придана основанной ею Задарской архиепископии. Определение судьбы Хварской епископии еще раз демонстрировало стремление венгерской власти решать вопросы церковного подчинения. Постановление выносилось после «исследования» данного вопроса с учетом мнения «далматинских епископов и всех хорватских первых лиц (*universorum Chroatorum principum*)», в результате которого было выяснено, что «по старому

⁴⁰ Подписи составителей грамот Андрея показывают само наличие такого двора и ряда его конкретных служб — «*Datum per manus Petri prepositi aule ducis cancellarii*» (CD 2. P. 293—294), «*Datum per manus Petri ducis aule notario*» (CD 2. P. 309—310), «*Datum per manus Jacobi prepositi, magistri duces et cancelarii*» (CD 2. P. 353—354) и т. д.

⁴¹ CD 2. P. 293—294.

обычаю» Хварская епископия «была под Сплитской архиепископией», и это ее положение было закреплено соответствующим решением Андрея. Говорилось здесь и о методе управления, состоящем в обходе территории и дальнейшем решении (очевидно, уже на месте) отмеченных проблем, в том числе и проблем церковного устройства⁴². О том, как происходило общение с подданными, можно судить по рассказу Фомы Сплитского о поездке по своим окраинным владениям в 1251 г. короля Белы IV. В местах его стоянок «к нему как к государю стекалось отовсюду множество народа по разным делам». Прибыв в Сплит, он остановился во дворце одного из нобилей города, «и часто посещавшие его граждане встречали весьма благосклонный прием и выслушивались им»⁴³.

Титул герцога как управителя данной территории должен был давать его обладателю право наделения землей верных ему людей, но интересно, что герцогам приходилось доказывать это право, подчеркивая свое равное в этом отношении положение с королями. В грамоте 1200 г. Андрей ссылаясь на некие авторитетные суждения «старших» (*veterum*), согласно которым «королям и славным герцогам (*regibus ac magnificis ducibus*)» полагалось отмечать верных им людей достойными дарами. «Верность» и особенно «неколебимая верность» с отсылкой на то же суждение дежурно выделяется Андреем как основное заслуживающее поощрения достоинство. «Следуя во всем за старшими», Андрей награждает участком земли за верную службу загребского декана Барана⁴⁴.

Значимость этого титула, потенциально открывающего путь к венгерскому трону, иллюстрирует рассказ хроники Фомы Сплитского, относящийся к 60-м гг. XIII в., когда в венгерском королевском доме между Белой IV и его сыном Стефаном разыгрывалась борьба за власть, а герцогские обязанности малолетнего младшего сына короля Белы по сути взяла на себя королева Мария. Фома повествует, как королева объезжала земли Хорватии, «для того чтобы проверить верность здешних народов ее сыну Беле, пребывавшему

⁴² CD 2. P. 309—310,

⁴³ *Фома Сплитский*. С. 141.

⁴⁴ CD 2. P. 325—354.

еще в детском возрасте, который был поставлен во главе этих земель, принадлежавших ему по естественному праву как второму сыну короля, тогда как первородный сын Стефан получил уже венец венгерского королевства»⁴⁵. Сообщение перекликается с заявлением самой Марии о цели своей поездки: «навести порядок и составить ясное представление о положении во владениях дражайшего сына нашего правителя Белы»⁴⁶. Королеву сопровождали многочисленные вельможи, «с ней было большое войско, состоявшее из венгров, славян и куманов». Она остановилась в крепости Книн, и место вряд ли было выбрано случайно. Вполне вероятно, эта крепость в исторической памяти сохраняла свое значение как один из основных центров раннесредневекового Хорватского королевства. Именно туда она призвала «всех знатных людей» этой земли, чтобы «переговорить с ними по вышеозначенному делу», т. е. как обеспечить верность Беле⁴⁷.

Хорватской коронацией венгерский король гарантировал своему сыну венгерский трон после своей смерти. Так, Коломан короновал как хорватско-далматинского короля своего сына Стефана, Бела III — Эмерика, Эмерик — Ладислава. То, что коронация могла проводиться особой короной, показывают свидетельства хорватских и далматинских грамот. Так, о сыне Белы III Эмерике (Имре) говорилось, что он «два раза коронован на счастливое правление Венгрии и Далмацией»⁴⁸. В дальнейшем, с урегулированием проблем престолонаследия, одновременно с венгерской коронацией король получал и титул правителя Хорватии, Далмации и Славонии.

⁴⁵ *Фома Сплитский*. С. 142.

⁴⁶ *Tkalčić I. Monumenta historicae liberae regiae civitatis Zagrabiae*. V. 1. Zagreb, 1889. P. 31—32. Стефан (Иштван) V в 1246 г. был коронован как «младший король» с передачей ему в управление хорватских и далматинских территорий; добивался разделения всего королевства между ним и Белой IV. Эта коллизия и нашла отражение в хронике. Упомянутый здесь младший брат Стефана Бела стал баном Славонии в 1261 г. Был назначен отцом своим пресмником на троне в 1267 г., умер в 1269 г.

⁴⁷ *Фома Сплитский*. С. 142.

⁴⁸ CD 2. P. 102, 267, 268.

Источники свидетельствуют, что с утверждением новой власти и иной политической структуры в историческом сознании различных групп хорватского общества не только сохранялись, но развивались представления о прежней истории Хорватского королевства (включая и историю далматинских городов), в которых важное место отводилось прежним хорватским правителям.

Один из ярких примеров интереса к соответствующему историческому знанию является пергаменный латинский сборник, хранящийся в ризнице кафедрального капитула Корчулы (т.н. Корчульский кодекс) и созданный вскоре после 1130 г.⁴⁹ В сохранившейся части он включает в себя разножанровые произведения, касающиеся всего спектра европейской истории с древнейших времен: сочинения (в основном в отрывках) Иосифа Фловия, Павла Диакона, Исидора Севильского, хроники и пр., в том числе и папскую хронику «*Liber pontificalis*». Далматинско-хорватское происхождение кодекса обосновывается наличием внесенных в этот последний текст дополнений, касающихся истории данного региона, а некоторые особенности употребления славянских имен в дополнениях к тексту показывают, что хорватский язык был для редактора «Книги пап» родным⁵⁰.

На полях кодекса имеются готические глоссы несколько более позднего, чем сам кодекс времени, своего рода заголовки ко всем пассажам, касающимся местной истории, как далматинской, так и хорватской — «*Nota Salone*», «*Nota de duce Croatorum*» и др.⁵¹ Хорватский редактор внес в исходный текст дополнения, свидетельствующие об особом интересе в его время к истории раннесредневекового Хорватского государства и его правителей. Так, сообщение «Книги пап» о папе Иоанне X (914—929 гг.) было существенно расширено известиями о его роли в заключении мира в войне хорватов с болгарами и в организации церковного пространства на территории Далмации и Хорватии, благодаря чему «хорваты стали

⁴⁹ *Foretić V. Korčulanski kodeks 12. stoljeća i vijesti iz doba hrvatske narodne dinastije u njemu* // *Starine JAZU*. Т. 46. Zagreb, 1956. S. 26—28

⁵⁰ *Ibid.* S. 29.

⁵¹ *Ibid.* S. 29—31.

вечными данниками святого Петра»⁵². В рассказ о папе Александре II (1061—1073 гг.) был включен обширный пассаж о Крешимире IV, повествующий о возложении на него обвинений в причастности к убийству брата, о соответствующих разбирательствах и оправдании его перед папским легатом, после чего он «принял от святого апостола Петра верховную власть над своей землей». Здесь же рассказывалось о положении в это время в сплитской церкви и о местных синодах⁵³. Несомненно важным для автора кодекса было добавленное к рассказу о папе Григории VII (1073—1085 гг.) известие о «славянине Звонимире» (*Suīnimirus Sclavus*), которого папский легат Гебизон «хорватам и далматинцам помазал и короновал в Салоне»⁵⁴. Таким образом, можно говорить о знании автором Корчульского кодекса как событий древней истории Далмации, так и истории Хорватского королевства, об интересе к этим событиям и желании вписать их в широкое пространство европейской истории.

Еще более показательна в этом отношении хроника Фомы Сплитского. В изложении античного и раннесредневекового прошлого Далмации этот текст представлял развитие исторической традиции романского населения, противопоставлявшего себя пришлым славянам, поселившимся на территории далматинской провинции⁵⁵.

⁵² Папа Иоанн X «*composuit in Dalmatia ecclesiasticum dogma ut primitus fuerat, cuius beneficii gratia Chroati sancto Petro effecti sunt tributarii in perpetuum*» — *Foretić V. Korčulanski kodeks*. S. 30. Это известие соотносится с материалами Сплитских церковных соборов 925 и 928 гг., в работе которых принимал участие хорватский правитель Томислав. Они проходили под эгидой папы Иоанна X и закрепили епископальное деление Далмации и Хорватии, находившихся в церковном подчинении Сплитской архиепископии (*Klauih H. Historia Salonitana Maior*. Београд, 1967. С. 76—81).

⁵³ *Foretić V. Korčulanski kodeks*. S. 30—31. Эти события нашли отражение в сохранившемся послании папы Александра II с подтверждением решений Сплитского собора 1060 г. (CD I. P. 95)

⁵⁴ *Foretić V. Korčulanski kodeks*. S. 31. Правдивость известия подтверждается грамотой самого Звонимира об этом событии — CD I. P. 139—140.

⁵⁵ Такое противопоставление прослеживается в главах об истории Далмации, Хорватии и других «славянний» запада Балкан из труда византийского импетартора Константина Багрянородного «Об управлении империей»

Вместе с тем здесь отчетливо проявляется тенденция к соединению истории Далмации и Хорватии. Более того, в хронике Фомы зафиксировано представление о законности прав правителей раннесредневекового хорватского государства на Далмацию. Они, по словам Фомы, «власть над королевством Далмации и Хорватии держали по наследству от своих отцов и прадедов»⁵⁶. В хронике встречаются и скупые, но говорящие оценочные характеристики хорватских правителей. Так, Звонимир именуется «*illustis vir*», Крешимир — *magnificus vir*⁵⁷. Сообщаемые здесь детали истории представителей правящей династии показывают знание предмета и интерес к нему⁵⁸. Автор хроники посчитал нужным, используя, очевидно, колофоны грамот, даже датировать время на stolovanja сплитских архиепископов по хорватским правителям.

Престиж прежней хорватской династии проявлялся и в том, что земельные вопросы и споры, в которых принимали участие далматинские города и отдельные их представители, хорватские феодальные семейства, церкви и монастыри, основывались на жалованных грамотах, якобы изданных от имени правителей раннесредневекового Хорватского государства, так что право на земельные владения освящалось их авторитетом.

(X в.), в составлении которых была использована местная традиция (Константин Багрянородный. Об управлении империей / Под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева; пер. Г. Г. Литаврина. М., 1991. С. 111—153).

⁵⁶ *Фома Сплитский*. С. 43.

⁵⁷ Там же. С. 52.

⁵⁸ Подробный разбор соответствующих сюжетов хроники см. в: *Matijević-Sokol M. Toma Arhiđakon i njegovo djelo*. Zagreb, 2002. S. 262—266.

Башчанская плита. Ок. 1100 г.

Церковь св. Марии.
Задар. XI в.

am fedemur. de p moſone guacelly.

Eſt autē aūc apotys macloſes in capitulo
ſpelaenſi: ſtupor ſiſtus pdeni atchidraconus.
ex caxelous ſiſtus ſormini. & quida alii pauci.
Hoſ quia dignioſes ex macaut oſes eſtā
ceat; canonici ſequebānā. Sed de ſubſtā
do ponat ſce nō ^{bene} cogitabān hi duo. quia nō ſce
at emulaſonis cōpede atchebānā. Atebān
enī pletuq; adinuice. qm qeſus ex ualys ſe ſe
nſe habetēn ſi ecclā ſic ſine paſtoſe manetē.
quia ſi ſubrogabā aliyus qui uiat nſa uſce
bia ſup noſ dñi exetebā. **A**taq; cū aliqua
ſebā mſo de elecſione faciendā. ipi aſtuat
caxullaſone. uoceſ mutmutanſu cōptmēbā.
Simulabān enī ſe uelle elyſe. & nomina
bān puetos ſiſos nobily de hungat. q eae
aſ imbecillatate ad paſtoſele ſaſhſu puehi
nō ualebā. occaſſioneſ ſubdolae pāndēaeſ.
dicebā. uale ſoſe ecclē ex ciuitat. ſiacleſ.
habuet; muſ pncepſ in ſeſſiſ cur; padeſoſe.
Qu eſgo hiſ maligniſ dilacſonib; ecclā ſpela
atniſ ſoſe laem biennioſ ſupplacatā. dīcon;
qda ptaſuſ nōe eſat ualde cuſpoſuſ & impaſ

verore ad laun
exerere cogit.

tñi. Hic cū ēdē de humilij genete et undus. nō
 mēdēbat se pācē opponete. pācē ac chidracō
 mēdē. cōplicū. nēc cōp dolo ducete. In apau.
 magnū acm dolo. hūmily ac rigebat. nō ac
 am ob hac q̄ ecclā pāstote cōfete. sed q̄ fructus
 ipi uac dicebat. ad suū usū. stīmotē pōich deuol
 uēbat. M ut mutabac cū. sepius et accēbāc.
 Cpac cū qdē elicus hungarū guncellus no
 mine filius corneli. nobilis quidē genete. sed nō
 magni ualoris ipē. Hic cū ēdē lā pūcat eac
 as. nullā potat. In hungarū dignitatē
 hācē. sed assupat episcopoz hābitū factus e
 tūc pōbz culus dē ecclē sū stīpū fegs. Cū ep
 go spālatē ecclā mulat lā ac pōtē pāstote
 uacpōtē. iste guncellus cepit se sollicitat inatō
 mātē. uac in pōnāstē elygetē. Factū est
 cū uac quidē yulā barnus q̄ epac de ej genete.
 mātē ac clatū ex pōtē spālatē eplā sacat
 loquacē. cōmādo guncellū. et suadēdo uac
 lygetē. ac pūmātēdo suū suūq̄ et amotē. Tūc
 pōctus pēctus diacon; uac epac ubosus nactē
 occasione. abijā susuffando pēctos et placos
 laudando guncellū. de pōatngā de honestatē

Загребский кафедральный собор. XIII в.

ДАЛМАТИНСКИЕ ГОРОДА В ОТНОШЕНИЯХ С ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТЬЮ

Далматинские города в течение столетий развивали элементы городского самоуправления. В условиях политической неразберихи в конце XI в. они одни по сути представляли более или менее устойчивые политические независимые структуры во главе с избираемыми из числа патрицианского слоя горожан правителями и продолжали свои государственно-политические традиции, сложившиеся в предыдущий период.^{*}

Сохранение городской свободы с самого начала оказывалось принципиальным пунктом в отношениях с новой верховной властью. Об том, в частности, рассказывает запись родственника задарского епископа, принимавшего участие в процедуре перехода Задара под власть Коломана в начале XII в. Перед Задаром король собрал собор, на котором рассуждал о далматинских свободах. Он поклялся на Евангелии, что никогда не нарушит старую далматинскую свободу и никогда не навяжет им епископа и первое лицо (*primate*), в том числе и в качестве князя, против их воли. Королевскую клятву подтверждают своей присягой венгерские епископы и жупаны, а также многие дружинники. В проведении этой процедуры, сопровождающей признание Задаром власти короля, инициативная роль принадлежала «тому, который решил, чтобы провинция Далмация подчинилась королю. Он хотел через участие многих известных людей быть уверенным, что ему и его наследникам останется старая свобода». На память об этом событии король преподнес золотые кресты Задарской, Сплитской и Рабской церкви⁵⁹. Кем был человек, обеспечивший переход Задара под власть короля, неизвестно. Скорее всего, городской глава. Но в любом случае сохранение городской свободы оказывалось условием такого перехода.

⁵⁹ CD 2. P. 24.

Какие конкретно свободы и привилегии в отношениях с суверенном получали далматинские города, показывает текст договора короля Коломана с Трогиром, датированный 1107 г. Подобными договорами регламентировались отношения и с другими далматинскими коммунами. Король не должен был превращать граждан в податное население (*tributarii*), обязывался утверждать епископа и стоявшего во главе городского управления князя согласно выбору города, горожанам дозволялось пользоваться издревле установленными законами, запрещалось пребывание на территории города венгров и других чужестранцев без специального на то разрешения и пр.⁶⁰

Казалось бы, король подтверждал городские свободы, однако на самом деле положение существенно менялось. Раньше во главе городского управления стояли приоры из числа городского патрициата, и во многих городах власть приоров передавалась по наследству. Причем нет документов, которые могли бы свидетельствовать о вмешательстве Византии или Хорватского королевства в поставление приоров. Теперь же в поставлении главы города и его епископа за королем оставалось последнее слово⁶¹. Схожая ситуация возникала на территории венецианского подчинения, что подтверждает актовый материал. Грамота 1166 г. сохранила некоторые детали такой коллизии. Коммуна Раба направила тогда дожу посольство с напоминанием о его обещании свободного выбора князя. Дож же наказал им выбрать четырех граждан из нобилитета, из числа которых он сам назначит князя⁶².

В хронике архидиакона Фомы содержится рассказ об установлении в 1103 г. в Сплите после ожесточенного сопротивления венгерскому королю власти Коломана, когда «он согласился со всеми требованиями, которые выставили сплитчане для заключения мирного договора» и выдал им «привилегии на свободу»⁶³. В литературе высказывается мнение, что Сплиту в наказание за его сопротивление

⁶⁰ CD 2. С. 19.

⁶¹ О такой интерпретации выданных венгерским королем далматинских дипломов о городском иммунитете см., напр.: *Klaic N. Povijest Hrvata*. 1976. С. 14.

⁶² CD. 2. Р. 103—105.

⁶³ *Фома Сплитский*. С. 53—54.

Коломану привилегии не были тогда предоставлены, а существующая дарственная венгерского короля, датированная 1103 г., является фальсификатом⁶⁴. Таким образом, и рассказ Фомы о выданных тогда Коломаном иммунитетных пожалованиях Сплиту, оказывался если не домыслом, то преувеличением. Наличие такой фальсифицированной дарственной, равно как и основанных на ней интерпретациях событий, могло свидетельствовать об инициативном желании города и его жителей укрепиться в новом политическом организме, опираясь на законодательные акты суверенной власти. Вместе с тем основным содержанием истории городов в рассматриваемое время было дальнейшее формирование в них элементов коммунальной структуры, в связи с чем стремление венгерской власти влиять на поставление церковных иерархов и подчинить города королевским людям, ограничив при этом полномочия высшего городского сословия, патрициата, придавало борьбе городов за автономию антивенгерскую окраску.

В период установления новой власти борьба политических и социальных приоритетов была особенно напряженной, а отношения автономных городских структур с центральной властью запутанными и болезненными. Рассказывая о положении в Сплите сразу после подписания договора с Коломаном, Фома Сплитский подчеркивает, что «по настоянию мирян» архиепископом тогда стал «клирик из двора Коломана, его фаворит» который потом часто ездил в Венгрию⁶⁵. Это известие свидетельствует о желании короля влиять на церковную политику на территории Сплитской архиепископии; граждане же поддерживали венгерского ставленника, видимо, надеясь получить некие выгоды для города. Хронист рассказывает, как в одной из городских башен был размещен военный гарнизон, подчиненный королевскому человеку, который определяется как герцог, *dux*; он же собирал налоги по Хорватии. Поставлен он был, очевидно, против воли горожан, и не мог осуществлять властные полномочия на всей принадлежавшей городу территории, поскольку, по свидетельству Фомы, во главе города, его князем и ректором (*comes retorque civitatis*) в это время

⁶⁴ Наиболее последовательно в работах Н. Клаич (см., напр.: *Klaić N. Povijest Hrvata*. 1971. S. 16—17, 523) и Л. Штайндорфа (*Staeindorff L. Die dalmatinischen Städte im 12. Jahrhundert*. Köln; Wien, 1984. S. 11—25)

⁶⁵ *Фома Сплитский*. С. 54.

был некий Адриан из итальянского города Тревизо, поставленный горожанами вопреки венгерской власти. Когда архиепископ и венгерский герцог сговорились занять город, именно Адриан раскрыл этот коварный заговор, и нападение было отражено предупрежденными горожанами. Хронист не смягчает своего отношения к проигравшим: по его словам, одни из незадачливых захватчиков погибли, другие «бежали в смятении, пораженные сильным страхом и ужасом», а архиепископ, «покрытый позором, покинул город, чтобы никогда не возвращаться»⁶⁶. Если учесть, что Тревизо, откуда происходил комит Сплита, был союзником Венеции, с чем, возможно, и было связано бегство комита, картина политических предпочтений в далматинских городах становится еще более сложной.

Очевидно, отношение к верховной власти было двойственным, что показывают отдельные эпизоды хроники Фома Сплитского. Остроту сюжетам хроники, касающимся Венгрии и венгерского короля, придавал тот факт, что Фома сам был активным участником движения за введение в его родном Сплите должности подесты, приглашаемого коммуной платного чиновника, возглавлявшего городское управление, что само по себе существенно умаляло власть короля.

В хронике нет прямых выпадов против венгерского короля и его приближенных. Вместе с тем она пронизана антивенгерскими мотивами, иногда даже гротескными характеристиками, которые, впрочем, умело вуалируются. Один из наиболее ярких примеров — обширное описание в хронике татаро-монгольского похода на Западную Европу 1242—1243 гг., большая часть которого посвящена истории разгрома венгров татаро-монгольскими войсками. Здесь дается оценка действиям венгерского короля, демонстрирующая роковые последствия слабой власти, не умевшей организовать оборону страны и допустившей ее разграбление, несмотря на численное превосходство войск. Из текста понятно, что король допустил фатальные просчеты: выступил слишком поздно, армия его была небоеспособна, ее командующие долго не могли прийти к определенному решению, он выбрал неудачную дислокацию и пр. Приговор бездарному руководству выносит Батый (в хронике — Бат), хотя его вывод следует из

⁶⁶ *Фома Сплитский*. С. 54—55.

повествования самого хрониста: «пусть этих людей (т. е. венгерских воинов. — О. А.) великое множество, но они не смогут вырваться из наших рук, поскольку ими управляют беспечно и бестолково», и далее венгры сравниваются со стадом без пастыря⁶⁷.

Не шадит хронист и венгерскую знать. Вот описание ее жизни накануне татарского нашествия, также объясняющее поражение венгров: «Расслабились они от долгого мира, отвыкли от тяжести оружия; находя удовольствие лишь в плотских радостях, они закоснели в бездействии и лени. Ведь венгерская земля, щедрая всяким добром... позволяла наслаждаться неумеренной роскошью. Какое же другое стремление владело молодежью, кроме как расчесывать длинные волосы, холить свою кожу, менять наружность мужчины на женское обличье? Целые дни они проводили в изысканных застольях и приятных развлечениях. С трудом они просыпались в третьем часу дня. Проводя всю свою жизнь вместе с женщинами в солнечных лесах и восхитительных лугах, они не могли представить себе грома сражений»⁶⁸.

Порицание короля и венгерской знати звучит из уст калочского архиепископа Хугрина, отважного участника военных действий. Причем в соответствующем пассаже его отваге противопоставляется легкомыслие людей, облеченных властью, но не исполнивших главную свою задачу — спасти подданных и всю страну: «Хугрин, будучи человеком безупречной смелости и бесстрашия, возвысив голос, стал бранить короля за беспечность, а всех баронов Венгрии обвинять в праздности и косности, в том, что в столь опасной ситуации они и о своей жизни не подумали и не позаботились о спасении всего королевства»⁶⁹. Для такого спасения власть должна быстро вырабатывать решения и в соответствии с ними направлять народ. Отсутствие такого координирующего и направляющего центра продемонстрировало кровавое поражение венгров. Его описание — это демонстрация смятенности, слабости и трагедии народа, не могущего опереться на власть: венгры «лишились рассудка и благоразумия и уже совершенно не понимали,

⁶⁷ Фома Сплитский. С. 107.

⁶⁸ Там же. С. 105.

⁶⁹ Там же. С. 108.

ни как развернуть свои порядки, ни как поднять всех на сражение», «несчастливая толпа венгров, отчаявшись найти спасительное решение, не представляла, что делать»⁷⁰.

Вместе с тем нельзя сказать, что хронист не признавал верховной власти венгерского короля, не считал ее своей. Хотя сам он и не употребляет выражения «наш король» или ему подобных (что, впрочем, само по себе примечательно), в хронике содержатся вполне сочувственные описания восторженных приемов, оказанных его согражданами венгерским королевским особам. Так, например, представлена встреча короля в 1251 г., когда он, «осматривая рубежи своего королевства, спустился через Хорватию к городам Далмации». Он торжественно вступил в Сплит, «как и подобает королю, отмеченный знаками королевского достоинства, и был принят с большим ликованием клиром и народом»⁷¹.

Косвенно о признании хронистом венгерской власти и ее государственной идеологии свидетельствует использование венгерских источников, и прежде всего апологетических текстов житий венгерских королей. Очевидно, на основании жития Ладислава I Фома пишет, что тот «был не только отважным в сражении, но выделялся набожностью и благочестием», отмечает смелость Ладислава в борьбе с половцами («скифами»), когда он «с Божьей помощью уложил на полях сражений большую часть вражеского племени»⁷². В описаниях, относящихся к более раннему времени, отмечаются этапы приобщения к христианству венгерских правителей князя Гезы (972—997 гг.) и его сына короля Стефана (Иштвана) I (997—1038 гг.), при этом в описании добродетелей и благодеяний Стефана очевидно непосредственное знакомство хрониста с жизнеописанием святого короля⁷³.

⁷⁰ Фома Сплитский. С. 108.

⁷¹ Там же. С. 141.

⁷² Там же. С. 53; ср. текст жития св. Ладислава — *Legenda S. Ladislai regis* // *Scriptores rerum Hungaricarum*. V. 2. Bp., 1938. P. 519. Хронист также упоминает об усилиях короля Белы III в канонизации Ладислава (Фома Сплитский. С. 65—66), которая произошла в 1198 г. при папе Целестине III.

⁷³ Фома Сплитский. С. 46. Ср. *Legenda S. Stephani regis maior et minor* / Ed. Bartonick E. // *Scriptores rerum Hungaricarum*. V. 2. Bp., 1938. P. 363—440.

Восхваление деятельности Стефана по церковному устройству страны заканчивалось сентенцией: «Едва ли где в целом свете церковь находилась в лучшем состоянии и в таком почете»⁷⁴. Повествование о древнейшей истории венгров во время и после их поселения в Паннонии основалось в хронике на данных официальной венгерской историографии⁷⁵.

Признание горожанами власти короля при одновременном ощущении особенности собственного городского пространства предоставляет и актовый материал. Так, в присяге Сплиту 1227 г. представителя хорватской феодальной знати, назначенного городом на место кастеляна крепости Клис, он обязывался смотреть за крепостью «прежде всего во славу короны короля Венгрии». В то же время свои отношения с коммуной описываются им в вассально-сеньориальных категориях: он дает городу и его комиту клятву верности и заявляет о своей готовности и долге служить ему «как его житель и гражданин», «как серв и вассал»⁷⁶.

В хронике Фомы содержится несколько рассказов о непосредственных контактах жителей Сплита с королевской семьей, демонстрирующих всю сложность взаимоотношений города с верховной властью. Накануне татарского нашествия на Венгрию городская коммуна вызвала недовольство короля в связи с организацией независимого городского правления и выдвижения кандидатуры архиепископа, не назначенной королем, а определенной городом. Поэтому во время нашествия, когда королева вместе с детьми спасалась от татар в Далмации, она не пожелала остановиться в Сплите и разместились в соседней крепости Клис. «Подеста и сплитские нобили не раз приходили к госпоже и настоятельно просили ее, смирив свой гнев, удостоить город своим пребыванием», и несмотря на ее отказ, они про-

⁷⁴ *Фома Сплитский*. С. 46

⁷⁵ Там же. С. 44. Хотя трудно связать сообщение Фомы о ранней истории венгров с каким-то определенным источником, соответствия в целом очевидны — *Chronici Hungarici compositio saeculi XIV // Scriptores rerum Hungaricarum*. V. 2. Bp., 1938. P.235, 248—251 et al.; *Legenda S. Stephani regis*. P. 378, 402.

⁷⁶ CD 3. P. 265—267.

должали оказывать ей «всякие почести, часто являлись к ее двору с дарами и приношениями»⁷⁷.

На следующий год, спасаясь от татар, король с многочисленным сопровождением, в которое входили прелаты, вельможи, бароны и простой народ также оказался в Сплите. При приближении короля «весь клир и народ, выйдя процессией, приняли его с должным почетом и покорностью». В описании поведения подесты во время пребывания короля представлена идеальная модель отношений городского главы и верховного суверена, когда «подеста, выказывая преданность и старательность в удовлетворении королевских желаний, ревностно пекся о том, чтобы и граждане обнаруживали готовность в исполнении королевских распоряжений и чтобы королевская милость согревала всех граждан благосклонным вниманием и расположением»⁷⁸. Реальные отношения короля и горожан были не столь радужными, что показывает ироничная ремарка хрониста: горожане «сделали все, чтобы угодить королю, за исключением лишь того, что не смогли подготовить для него одну галею так быстро, как настоятельно требовал король, убегая от ярости татар. Королевское сердце перенесло это обстоятельство недостаточно спокойно»⁷⁹.

Рассказ хроники, относящийся к 1244 г., демонстрирует сложное и даже драматичное переплетение в сознании горожан подданических чувств в отношении венгерской власти и ощущения незыблемости городской автономии. Тогда коммуна Сплита, в условиях неудачной для себя войны с Трогиром за спорные территории, искала военного покровительства боснийского бана Нинослава, который был поставлен сплитским комитом. Он пришел, сопровождаемый «многими сильными мужами», видимо, дружинниками, и разгромил противника, что вызвало гнев короля, как в связи с самим поставлением Нинослава главой города, так и его действиями на территории, подвластной королю. Бела тогда начал настоящую войну против Сплита⁸⁰.

Горожане же, по свидетельству хрониста, направили посольство к королю и «извинялись» за содеянное, т. е. признали за своими

⁷⁷ *Фома Сплитский*. С. 115.

⁷⁸ Там же. С. 116—117.

⁷⁹ Там же. С. 117.

⁸⁰ Там же. С. 132—133.

действиями некоторое диссидентство в отношении верховной власти. Король же, приняв их, «скрыл под лукавым ответом печаль своего сердца» и посоветовал лишь поставить на вакантный тогда архиепископский престол Сплита венгерского пробста Хугрина. И далее автор описывает, как миряне, вопреки желанию капитула, добивались поставления Хугрина, видимо, правдами и неправдами стремясь помириться с королем. Более того, когда королевское войско во главе с одним из наиболее опытных полководцев, наместником короля в «Славонии и Далмации» баном Дионисием вместе «со многими знатными людьми Венгрии», встало лагерем недалеко от Сплита, жители города старались «задобрить их подношениями и лстивыми речами». Однако венгры, следуя королевскому указу, «требовали заложников и крупную сумму денег, грозя суровыми карами»⁸¹.

Именно это требование оказалось для горожан неприемлемым и напрямую связывалось ими с ущемлением городских прав и привилегий: «гражданам было тяжело прощаться со своей свободой, — пишет хронист, — они ссылались на привилегии, согласно которым их город освобождался от подобного рода поборов и повинностей». Даже когда венгры проявили «крайнюю настойчивость», горожане, зная о грозящем им суровом наказании, «со всей решимостью отказались» выдать указанное. Приняв тяжелейшее сражение, военные отряды Сплита «держались до последнего» и только после неминуемого сокрушительного поражения, «принужденные неизбежной необходимостью», они согласились выдать требуемое «в подтверждение своей неизменной верности»⁸².

При всем неоднозначном отношении к венгерской власти в хронике Фомы видна симпатия к Венеции, очевидно, как к силе, противостоящей Венгрии. Она обнаруживает себя в двух рассказах о взятии Задара, прежде всего в изложении событий 1202—1203 г. Предыстория этих событий такова. В 1183 г. Задар, отвергнув владичество Венеции, перешел под власть венгерского короля. Попытка Венеции отвоевать город закончилась неудачей. И когда в ходе Четвертого крестового похода (1199—1204 гг.) его участникам по-

⁸¹ *Фома Сплитский*. С. 133—135.

⁸² Там же. С. 135.

требовались корабли для морской переправы, венецианцы предоставили их крестоносцам взамен на обещание сломить сопротивление Задара. Крестоносцы разграбили тогда католический Задар, вызвав этим возмущение папы Иннокентия III и многих его современников. Фома полагал, что разорение Задара было следствием борьбы его жителей против законной верховной власти, с одной стороны, и их собственных пороков, с другой: «они нападали на венецианцев всюду, где только могли, расхищая их добро, притесняя, избивая и стараясь причинить им все зло, на какое только способны люди. Утопая в богатстве, они грабили из непомерной распущенности; переполненные тщеславием, гордые силой, похваляясь преступлениями, несдержанные в своем коварстве, они насмехались над низшими, презирали высших». Явно оправдывая нападение крестоносцев на католический город, хронист обвиняет его жителей в вероотступничестве⁸³, считая произошедшее Божьей карой: они «в довершение своего беспутства прибавили еще и то, что презрели католическое вероучение и позволили заразить себя разрушительной язвой ереси». Не случайным считает хронист, что город был взят в день его святого покровителя — святого Хрисогона⁸⁴.

В целом по своей идеологии рассказ Фомы близок венецианским источникам, которые также интерпретировали захват города как восстановление законной власти⁸⁵. В соответствии с отраженной в венецианских источниках позицией хронист обходит молчанием гневные письма папы Иннокентия III в адрес разорителей Задара с угрозой их отлучения⁸⁶. Более того, явно выгораживая венецианцев, Фомы

⁸³ Ср. послание папы Иннокентия III 1198 г. задарскому капитулу с обвинениями в том, что в задарской церкви сохраняется греческий обряд и язык (*Strgačić A. Papa Alexander III u Zadru // Radovi JAZU u Zadru. T. 1. Zadar, 1954. S. 184. Bilj. 129.*)

⁸⁴ *Фома Сплитский. С. 69.*

⁸⁵ *Venetiarum historia vulgo Petro Iustiniano Iustiniani filio adjudicata / A curo di R. Cessi, F. Benatto. Venezia, 1964. P. 163.*

⁸⁶ *Innocentius III, pontifex romanus. Opera omnia. T. 1—2 (Patrologiae cursus completus. Series latina. T. 214—215). P., 1855. T. 1. P. 1178—1182; T. 2. P. 957)*

пишет, что они не тронули церквей, разграбление которых особенно разгневало папу⁸⁷.

Впрочем, в рассказах хроники о взятии Задара можно обнаружить пассажи, противоречащие откровенной провенецианской позиции автора и, возможно, отражающие влияние интерпретации этих сюжетов в Задаре, что лишний раз свидетельствует о переплетении и множественности политических интересов в далматинских городах. Так, в рассказе о попытке Задара освободиться от венецианской власти в 1242 г. появляются обороты, явно чуждые поборнику Венеции. Хронист пишет о сопротивлении жителей Задара «вражеской свирепости» (*hostili violentie*), «свирепости венецианцев» (*violentie Venetorum*) и пр.⁸⁸

Далматинских источников рассматриваемого времени, которые описывали бы отношение городов, входивших в зону интересов Венеции, к власти дожа или — при смене суверенитета — к Венгрии, немного, хотя об этом отношении нетрудно догадаться, исходя из интересов городов, чья автономия ущемлялась Венецией. Чего стоит эмоциональный рассказ из жития трогирского епископа Иоанна, составленный в начале XIII в. епископом Трегуаном, о том, как венецианцы во время очередной попытки захватить Трогир, разграбили в поисках сокровищ захоронение Иоанна, но найдя только надетый на палец епископа перстень, не смогли его снять и отсеки руку святого. В житии описываются ужасные для венецианцев последствия настигшей их Божьей кары — кораблекрушение, чума и пр.⁸⁹ А вот контрастное описание венгерского герцога Андрея его приема жителями Трогира в 1200 г.: «Вошли мы в город Трогир, где нас с честью и радостью встретили клир и народ и мы с почтением приняли *laudes* с пением гимнов»⁹⁰.

Полное негативных характеристик венецианцев и бранной лексики в их адрес описание осады ими Задара уже XIV в.⁹¹ может до неко-

⁸⁷ Innocentius III. Т. 1. Р. 1179.

⁸⁸ Фома Сплитский. С. 125.

⁸⁹ Vita beati Iohannis episcopi traguriensis. S. 81—82, 115—117.

⁹⁰ CD 2. Р. 361. О провозглашении здравниц — *lades* — как торжественного элемента признания верховной власти см.: Katičić R. Litterarum studia. S. 518—519.

⁹¹ «ladera utaque, que tantis ignominiis et molestiis Venetorum multo iam temporis profluxo curriculo extitit dirissime cersitata...» — Obsidio Iadrensis. Za-

торой степени восполнить представление жителей Задара о венецианском правлении более раннего времени. О силе антивенецианских настроений свидетельствуют картины ожесточенной борьбы Задара против власти дожа, представленные как в хронике Фомы Сплитского, так и в венецианских хрониках — Джустиниани и Мартино де Канале⁹².

Рассказ Мартино де Канале о восстании Задара против Венеции в 1242 г. при всей его тенденциозности, очевидно, верен в описании того, как Задар напряженно искал покровительства и власти суверена, противостоящего Республике св. Марка. Сначала горожане обратились к германскому императору Фридриху, «бывшему в состоянии войны с венецианцами», обещая ему, сколько возможно, «удерживать город для него» и призывая «воспользоваться их помощью». А после отказа императора обратились за покровительством к венгерскому королю Беле IV, пожелав, «чтобы он ими владел»⁹³.

Очевидно, что оценка гражданами городов центральной власти всякий раз зависела от ее политики в отношении родного города. Это красноречиво демонстрирует панегирическое описание в хронике Фомы Сплитского византийского правления второй половины XII в. В 1164 г. византийскому императору Мануилу (1143—1180), удалось на время отвоинать у Венгрии практически всю территорию Далмации в границах провинции Римской империи. Отвоинанные земли были поделены на две области, одну из которых составляла Хорватия и города Северной Далмации, ее главным городом и резиденцией императорского наместника стал Сплит, получавший от императора дотации и поддержку. Собственно это последнее и составляет основу похвального слова хрониста: Мануил, «чрезвычайно милостивый ко

greb, 2007. (*Monumenta spectantia historiam slavorum meridionalium*. V. 54). P. 114—115.

⁹² *Venetiarum historia vulgo Petro Iustiniano Iustiniani filio adjudicata* / A cura di R. Cessi, F. Benatto. Venezia, 1964; Martino di Canale. *Cronique des Veneiens* // *Archivio storico Italiano*. T. 8. Firenze, 1845. P. 268—766.

⁹³ Martino di Canale. P. 390. Задарское посольство явилось к венгерскому королю, когда тот находился в крепости Клис в Далмации. Король утвердил тогда договор своего брата Коломана с жителями Задара о переходе их под власть венгерской короны» (CD 4. P. 162)

всем своим подданным, был не сборщиком податей, но щедрейшим дарителем своих богатств. Всех обращающихся к нему он почитал, всем покрывал издержки из царской казны». Всем жителям Сплита «он определил жалованье, и даже младенцам в колыбели он наказал давать по одному золотому. Он отправлял своих дук с большим военным снаряжением и с крупными суммами денег на расходы»⁹⁴.

ХОРВАТСКАЯ ФЕОДАЛЬНАЯ ЗНАТЬ

В источниках почти нет сведений о структуре общества в королевских комитатах Славонии, об отношении местного населения к власти и пр. Некоторое представление об этом можно составить на основе документов, относящихся к пограничным областям между Славонией и Далматинской Хорватией, которые свидетельствуют о стремлении венгерской власти создать здесь прослойку преданного дворянства. Отношения преданного подданства королю семейства Клокочанов, проживавших на территории комитатов с центрами в крепостях Горица и Гора, представлены в грамотах, относящихся ко времени правления Андрея II. В 1224 г. представители семейства запросили у короля подтверждения своих давних владельческих привилегий на территории комитатов и получили их. При этом они выступали как «*filii jobagionum sancti regis de Gorica*», а Андрей принимал их «в свой дом и семью» и предоставлял им привилегии на земли в обмен на воинскую службу»⁹⁵. Не случайно в XIV в. именно из Горицы выйдут исторические тексты, приписываемые архидиакону местной церкви Иоанну, в которых постулируется тесная историческая связь Славонии с венгерской королевской властью»⁹⁶.

⁹⁴ Фама Сплитский. С. 62.

⁹⁵ CD 3. P. 238.

⁹⁶ Documenta historiae Chroatiae periodum antiquam illustrantia / Dig. Rački F. Zagrabiae, 1877. P. 471—473.

То основное, что определяло отношения знати Далматинской Хорватии с венгерскими правителями, — малое количество королевских земель. После установления новой власти, весьма слабо здесь выраженной, хорватские феодальные семейства остались хозяевами на своей территории, а бывшие королевские земли в основном были захвачены представителями местной знати. При слабой центральной власти здесь происходит укрепление сплоченных феодальных семейств, аналогичных западноевропейским линиям, владевших нераздельной наследственной землей, патримонием. Они видели себя спаянным солидарным организмом, все члены которого во всех поколениях обладали равными правами и властными полномочиями. Так, жупан Чернослав заключает в 1268 г. мир с Рабом от своего имени, своих племянников, всей своей родни, «рожденных и кто еще родится»⁹⁷. Во главе войска хорватских князей находились они сами или вместе с ближайшими родственниками, к участию в военных действиях привлекались многочисленные представители линияжа и дружинники, получавшие плату за участие в войне. Так, согласно описанию Фомой Сплитским подготовки князя Омиша к войне со Сплитом, «он призвал к себе по обычаю всех мужчин из своей родни, назначил им жалование, и вместе со своими братьями они оснастили либурны...»⁹⁸.

Борьба за влияние между такими семействами приводит к тому, что к концу рассматриваемого времени на территории от Винодола до реки Цетине намечается тенденция (ярко проявившаяся позже, в конце XIII — начале XIV в.) к оформлению слабо зависимых от центральной власти квазигосударственных структур, объединяемых под господством отдельных феодальных родственных коллективов⁹⁹. То, что стоявшие во главе их князья чувствовали себя на подвластной территории независимыми правителями, показывает следующий эпизод из хроники Фомы Сплитского. Когда жители Сплита одержали военную победу над войском одного из князей Омиша, сплитский подеста

⁹⁷ CD 5. Р. 474—475.

⁹⁸ *Фома Сплитский*. С. 100.

⁹⁹ О нарастании таких тенденций свидетельствуют слова венгерского короля Ладислава IV (1272—1290) в отношении непокорных вассалов: король говорит о необходимости «усмирения необузданного народа хорватского, упорно сопротивляющегося нашему достоинству» — CD 6. Р. 430—431.

обратился к плененному врагу: «Где же твоя величайшая власть? Вот до чего дожил ты, считавший, что ни у императоров, ни у королей нет могущества, равного твоему!»¹⁰⁰.

Шубичи — одно из наиболее авторитетных семейств, представители которого еще в XI в. были жупанами исторической области Брибир, а затем, как показывают документы, брибирскими наследственными князьями. Характеристика одного из членов семейства, князя Григория Брибирского, подчеркнуто выделяющая его властную силу, содержится в хронике Фомы Сплитского и относится к 30-м гг. XIII в.: «могущественный и богатый и в делах управления достаточно осмотрительный и расторопный; да и судьба осчастливила его обилием детей и удачей во всех делах. В целой провинции Хорватия никто не мог бы сравниться с ним в могуществе (*potentie*)»¹⁰¹.

Вектор отношений центральной и местной власти на территории венецианского подчинения везде был одинаков. Венеция назначала здесь местную управу во главе с князьями, комитами, которые могли прибывать из Венеции или представляли местную знать, но в любом случае выступали в качестве венецианских чиновников на службе у Республики¹⁰². Однако со временем обнаруживалась тенденция к удержанию власти в одной семье, к превращению должности в наследственный титул и достоинство, к стремлению князей, хотя и бывших в вассальной зависимости от Венеции, усилить свои позиции и постепенно расширить свое влияние, превратить эту зависимость в номинальную. Эта тенденция была реализована в полной мере князьями с о. Крк (будущими Франкопанами).

¹⁰⁰ *Фома Сплитский*. С. 103.

¹⁰¹ Там же. С. 90.

¹⁰² Один из примеров — договор 1208 г. о предоставлении дожем княжеской должности на о. Осор и близлежащих островах трем братьям из фамилии Моросини (Мауроцени), согласно которому они обязывались «в том числе управлять, хранить, держать и оборонять их ради их самих и Венецианской республики, согласно добрым обычаям», а в случае нарушения договора княжеская должность со всеми придаваемыми ей правами и обязанностями возвращается дожу, а братья должны заплатить штраф (*Listine o odnošajih između južnoga slavenstva i Mletačke republike*. V. I. Zagrabiae, 1868. P. 26).

Первый известный по имени кркский князь — Дуям¹⁰³; его сыновья в 1163 г. заключали договор с дожем, из которого видно, что венецианские власти считали возможным придать этой должности статус наследственной и закрепить ее за родом. И хотя ее исполнители продолжали считаться чиновниками Республики с определенным кругом обязанностей, но их отношения с Венецией все больше напоминали феодальные отношения сеньора и его вассалов. Согласно договору, братья «принимают княжение и весь остров» на тех же условиях, что и отец, князем оставался тот брат, который переживет другого. Они обязывались принимать и оплачивать венецианских посланников, самостоятельно оборонять остров от врагов Венеции, ни в коем случае не вмешиваться в дела коммуны города Крк и пр., дож же оставлял за собой право получения неких доходов (*regales*)¹⁰⁴.

Следующие по времени договоры с кркскими князьями показывают дальнейшее признание Венецией наследственных прав всего рода: княжеским достоинством наделялись сразу несколько братьев из семьи, которые становились князьями «вместе и одинаково во всем»¹⁰⁵. Кркским князьям удалось расширить свои владения, в том числе и на материковую часть Далмации, став таким образом вассалами и Венгрии. После того как кркские князья оказали помощь венгерскому королю во время татарского нашествия, открыто показав себя его подданными, они были изгнаны дожем с Крка, и там было введено правление присланного из Венеции князя. По прошествии времени кркским князьям удалось вернуться на остров, и в 1260 г. в Большом совете Венеции княжеский титул «навечно» был подтвержден двум ветвям семейства, причем, согласно соответствующему договору, клятву верности они должны были приносить в Венеции¹⁰⁶. Но те, напротив, все меньше считали себя связанными вассальными узами с венецианской властью, демонстрировали свое пренебрежение к ней и все большую самостоятельность: они часто не являлись в Венецию

¹⁰³ Происхождение кркских князей неясно, предполагаются, что они были родом из какого-то хорватского укрепления на острове — *Klaić N. Povijest Hrvata*. 1976. S. 47.

¹⁰⁴ CD 2. P. 94—96.

¹⁰⁵ Ibid. P. 316—317.

¹⁰⁶ Listine. P. 91—97.

для обновления клятвы верности, не выплачивали регалии, вмешивались в дела коммуны Крка и пр.

Документы рисуют удивительные метаморфозы в жизни подчиненной венгерскому королю хорватской знати и показывают все большее небрежение к его власти. Одним из наиболее влиятельных хорватских феодалов первой четверти XIII в. был некий Домальд. Он был приближенным герцога, а потом венгерского короля Андрея (Эндре) IV, который не раз прибегал к его военным услугам, за что предоставлял ему земельные пожалования¹⁰⁷. Благодаря своей значимости он был поставлен комитом нескольких городов, а непокорных, как Трогир, заставлял выплачивать дань. Именно в связи с конфликтом с Трогиром 1217 г., когда город обратился к королю за заступничеством, Андрей IV, видимо, опасаясь усиления своего вассала, принял сторону Трогира и пригрозил королевской немилостью и наказанием¹⁰⁸. Насколько эти угрозы не были для Домальда серьезны, показывает его последующая борьба за крепость Клис, которую король считал своей. Тогда против него выступила коалиция сторонников венгерского короля, и принимавшие участие в борьбе с Домальдом брибирские князья получили в награду от короля отнятые у Домальда приморские земли — «ввиду предательства, которое он совершил против королевской короны»¹⁰⁹. Однако и после этого сила и влияние его не иссякли: жители Сплита предпочли видеть его своим комитом, и это несмотря на призывы тогда венгерского герцога Коломана дать ему достойный отпор¹¹⁰. В 1249 г., когда Бела IV награждал за заслуги одного из наиболее заслуженных своих рыцарей, он в равной степени отмечал его борьбу с татарами и против Домальда¹¹¹.

Как видно, укрепление феодальных семейств проявлялось, в частности, в их стремлении утвердиться во главе управления далматинскими городами — когда в борьбе с конкурентами, когда в ожесточенной борьбе с самими городами. Их представители оказывались городскими комитами и по воле самих городов, рассчитывавших то

¹⁰⁷ CD 2. P. 357; CD 3. P. 44, 101.

¹⁰⁸ CD 3. P. 162, 165.

¹⁰⁹ Ibid. P. 231.

¹¹⁰ Ibid. P. 325.

¹¹¹ CD 4. P. 382—384.

на их военное покровительство, то на благосклонность короля, поддерживавшего какую-то определенную кандидатуру из своих вассалов на место городского комита. Хроника Фомы Сплитского сохранила описание метаний групп городского населения, поддерживавших разных претендентов на место комита, причем не только из Хорватии, но из сербского Хума и из Боснии. Их военное превосходство над соперниками при слабо выраженной здесь центральной власти всякий раз было причиной обращения к ним горожан. Стереотипная характеристика славянских правителей в хронике как знатных и могущественных имела, очевидно, своим источником ту форму, в которую граждане облекали свою поддержку определенной кандидатуры — «*vir nobilis, dives et potens*», «*vir potens et bellicorus*» и т. п.

С точки зрения Фомы, несмотря на некоторые успехи, в большинстве случаев они мало подходили на роль городских управителей. Так, хронист рассказывает, как определенный таким образом на место комита Сплита Григорий Брибирский, не имея времени и возможности исполнять свою должность оставил вместо себя наместника — некоего викария.

В ПОИСКАХ ИДЕАЛЬНОГО ПРАВИТЕЛЯ

Описание Фомой ситуации в городе при этом викарии — квинтэссенция бедственной ситуации, в какую, по его мнению, попадает всякая политическая система, будь то королевство или городская коммуна, в отсутствие крепкой центральной власти. Наиболее предосудительная черта любого правителя, в разных вариантах представленная Фомой в своей хронике, — стремление к собственной, а не общественной выгоде и процветанию, использование своего положения для личного обогащения¹¹², — была присуща и этому викарию. Это вело к разладу всего общественного порядка: высшие городские

¹¹² *Фома Сплитский*. С. 55.

должностные лица, ректоры и консулы также «мало заботились об общей пользе, и, напротив, с выгодой для себя за скромное вознаграждение распродавали наиболее значительные коммунальные привилегии», «все городское простонародье поврозь самовольно переходило под власть господ, что были посильнее и, держась за их опасное покровительство, затевало многие злодеяния. Из-за этого между самими магнатами возникало много поводов к вражде, и тот считался старшим и лучшим, кто мог похвалиться большим коварством»¹¹³. Курия оказалась не в состоянии твердо вершить правосудие. Началась частая смена власти, когда разные группы влиятельных граждан ставили своего комита из хорватской знати, которые сами боролись за возможность исполнения функций городского князя — комита.

Нарисованная хронистом картина социальной, политической и правовой деградации была призвана показать необходимость смены порядка, к чему и склонились, наконец, жители города, обратившись к «латинской» системе, т.е. к системе управления итальянских городских коммун, когда главой городского управления оказывался подеста, выбранный коммуной на какой-то определенный (чаще всего годичный) срок платный чиновник. Им оказался представитель патрициата Анконы.

Описание его деяний — это образец правильного руководства¹¹⁴. Прежде всего подеста, поручившись клятвой за свое правление, связал присягой все население, нобилей и простонародье для подчинения его распоряжениям. Подеста стремился к миру и согласию: с враждующими семействами нобилей, со «славянами», т.е. с хорватскими князьями, которые мучили город грабежами. «Не припоминали, — пишет хронист, — когда здесь было лучше»¹¹⁵. Причинами такой удачи автор полагал страх перед властью и проистекающее из него чувство

¹¹³ Фома Сплитский. С. 90.

¹¹⁴ Анализ сообщений Фомы о приглашении подесты и его правлении в сопоставлении с трактатом XIII в., приписываемом Иоанну из Витербо, флорентийскому подесте (*Johannis Viterbiensis. Liber de regimine civitatum* // *Bibliotheca iuridica medii aevi*. V. 3. Bononiae, 1901. P. 215—280), описывающем все нюансы такого типа правления, см. в: *Matijević-Sokol M. Toma Arhidakon*. S. 308—324.

¹¹⁵ Фома Сплитский. С. 96.

сплоченности: «страх перед подестой держал всех граждан вместе и все, как бы неся общее бремя, сохраняли нерушимой крепость города, и никто из граждан не дерзал ни вести дружбу, ни враждовать с чужестранцами частным образом, но тот, кто был другом всему обществу, был любим каждым, кого же город держал за врага, был гоним всеми как общий враг»¹¹⁶.

В образе подесты в хронике представал образ идеального правителя¹¹⁷. Осмотрительный и осторожный в управлении общественными делами. Храбрый и отважный на войне¹¹⁸, мягкий и смиренный в мирное время. Ценящий честность, приближающий людей добропорядочных, сам ведущий добронравный образ жизни. Легко доступный для всех, но строгий в исполнении правосудия: «Меч судебной власти он использовал как для наказания преступников, так и для поощрения добрых людей». Ему принадлежала и первая известная попытка кодификации права далматинских городов — создание сборника городских законов «Капитулярий»¹¹⁹, в который вошли как оформленные письменно «старые обычаи», так и законы, очевидно, заимствованные из итальянского коммунального законодательства, необходимые по словам хрониста, «в общественных и частных делах, а именно в судебном производстве».

Одно из основных отмечаемых автором позитивных качеств правителя — правоверность, которая, с точки зрения сплитского архидиакона, находила выражение в том числе и в церковном протекционизме: подеста «питал большое почтение к церкви и церковным служителям. Если когда-либо до его слуха доходили обращения против клириков святотатственные предложения злых и завистливых граждан, чтобы

¹¹⁶ *Фома Сплитский*. С. 96.

¹¹⁷ Там же. С. 96—98.

¹¹⁸ Подеста был командующим городским войском. Отрядами командовали представители городского патрициата, под началом которых находились воины из городского простонародья, а также крестьяне из мест, охваченных военными действиями. Это следует, в частности, из описания в хронике войны Сплита под руководством подесты с пиратами (Фома Сплитский. С. 99—101).

¹¹⁹ Этот сборник законов, очевидно, был положен в основу Статута Сплита 1312 г.

он в ущемление привилегий клириков возложил на них какую-либо общественную повинность или взыскивал с них подати, то он об этом даже и слышать не хотел. Заступник церкви и защитник клира, он резко выступал против всех подобных ущемлений»¹²⁰. Вместе с тем благочестие само по себе не определяло хорошего правителя. Так, Коломан младший брат Белы, так называемый «младший король», которому передавалось управление над Хорватией и Далмацией, характеризуется как человек «более склонный к благочестию и религиозности, чем к управлению государственными делами»¹²¹. Вместе с тем хронист отмечал и его воинскую смелость.

Целый комплекс называемых хронистом достоинств правителя указывает на специфику этических идеалов городов далматинского побережья, большая часть доходов которых, и прежде всего их высшего слоя, складывалась в сфере морского дела и морской торговли. Апологетичное описание деятельности подесты пронизывает одобрение его деловитости, расчетливости, бережливости и одновременно стремления к прибыли. «Он много размышлял над тем, как можно было бы прирастить славу города и его доход, стремясь к тому, чтобы умелым участием сохранить имеющееся и приумножить приобретенное, расходуя то, что с пользой следовало расходовать, и оберегая то, что следовало придержать. В отношении собственного имущества он был вполне заботлив и щедр, а общественного - суров и бережлив»¹²².

Указание на щедрость подесты подчеркивает иной уровень этического сознания хрониста, проявляющийся в использовании им при описании правителя элементов рыцарской морали, что неудивительно, учитывая связи городов с хорватской феодальной знатью. Им подчеркивается воинская смелость, храбрость и отвага как неперенные свойства правителя. Хотя только они его не определяли. Так, например, подеста Бернард был «решительным в военном деле, но неповоротливым в делах гражданского управления»¹²³. Хронистом приветствуются и такие неперенные элементы рыцарской

¹²⁰ Фома Сплитский. С. 97.

¹²¹ Там же. С. 115—116.

¹²² Там же. С. 97.

¹²³ Там же. С. 124.

морали, как щедрость и учтивость. Характерно такое противоречие: отмечая бережливость как положительное свойство подесты (качество из другой ценностной шкалы), Фома в других случаях особо приветствовал щедрость правителя как главную черту его похвального портрета. Так, щедрость указывалась как одно из основных выдающихся свойств венгерского короля Андрея, одного из инициаторов Пятого крестового похода. Щедрость выделялась в описании византийского императора Мануила. В портрете не особенно приятного хронисту персонажа, сплитского архиепископа Стефана, щедрость и учтивость называются в числе качеств, с помощью которых он хитроумно добивался благоволения подданных: «щедрый и учтивый, он был со всеми радушен и приветлив, поскольку всеми силами стремился завоевать расположение и получить громкую известность в народе»¹²⁴. Напротив, им порицались вялость, изнеженность, неспособность.

ЦЕРКОВЬ И СТРУКТУРЫ ВЛАСТИ

В организации политической жизни в хорватских и далматинских землях в конце XI—XIII вв. велика была роль церкви. В течение предыдущих столетий земли Хорватии и византийской Далмации, а затем единого Хорватского королевства в церковном отношении входили в состав подчиненной Риму Сплитской архиепископии, и церковная административная структура бывших территорий королевства оказывалась впоследствии, в крайне неустойчивых политических обстоятельствах конца IX в., объединяющим их фактором. Церковная организация с престолом в Сплите продолжала функционировать в период политического безвременья, собирались провинциальные соборы¹²⁵, Сплитский архиепископ подтверждал выданные привилегии

¹²⁴ *Фома Сплитский*. С. 121.

¹²⁵ CD I. P. 203—204.

монастырям на территории своего подчинения¹²⁶, утверждал кандидатуры епископов и принимал от них клятвы верности¹²⁷.

Устройство нового политического порядка сопровождалось вместе с тем определенными изменениями в церковном подчинении и в границах диоцезов, связанными прежде всего с организацией усилий венгерских и венецианских правителей Загребской и Задарской архиепископий¹²⁸. Организация Загребской архиепископии, увеличение ее владений и привилегий благодаря королевским пожалованиям¹²⁹ развитие во многом благодаря этому Загреба способствовало углублению на долгое время хорватско-славонского административного и культурного дуализма. Показательно, что стремление к целостности и территориальному единству далматинско-хорватской церкви понималось в Венгрии как стремление к политическому усилению хорватских земель. Такую зависимость продемонстрировала деятельность в середине XIII в. загребского епископа Стефана, который одновременно был представлен на место сплитского архиепископа и ратовал за объединение загребской и сплитской церквей. Кандидатура Стефана на сплитский престол и, соответственно, на такое объединение поддерживалось венгерским правителем хорватских территорий герцогом Коломаном, младшим братом короля Белы IV, и деятельность Стефана вписывалась в контекст властных амбиций Коломана, стремившегося к большей самостоятельности¹³⁰. Но эта история не имела продолжения. Коломан был смертельно ранен во время татаро-монгольского нашествия на Венгрию. А кандидатура Стефана как венгерского ставленника не была поддержана папой, после чего и сам Стефан отказался от избрания.

Епископские кафедры Сплитской церкви располагались по большей части в далматинских городах, до середины XI в. находившихся

¹²⁶ CD I. P. 200—202.

¹²⁷ Ibid. P. 203, 214.

¹²⁸ Задарская архиепископия передавалась в управление патриарху Градо.

¹²⁹ См., напр., Dobronić L. Topografija zemljišnih posjeda zagrebačkih biskupa prema ispravi kralja Emerika iz god. 1201 // Rad JAZU. Knj. 283. Zagreb, 1951. S. 245—318.

¹³⁰ CD 4. P. 115. Matijević-Sokol. Toma Arhidakon. P. 216—217.

на иностранной для Хорватии, византийской территории с относительно слабо представленной здесь верховной властью. Это позволило епископам городов необычайно поднять свой престиж, тем более что они были крепко связаны с городской экономикой. При неустойчивости и эфемерности венгерской власти на далматинско-хорватских территориях основной организующей силой на местах оказывалась местная городская структура власти, притом что высшим политическим авторитетом обладали, по всей видимости, иерархи местной церкви. Так, по свидетельству хроники Фомы, жители Сплита направили к королю Коломану просить мира своего архиепископа Крисценция, который и обговаривал условия соглашения¹³¹. Показательно, что именно епископы прежде всего представляли местную власть в датировочных формулах грамот.

Схожая ситуация была и на территориях, на которые распространялась власть Венеции. В обрывке грамоты о некоем соглашении 1097 г. общины Трогира с Венецией главным действующим лицом, выступающим от имени города, был епископ Иоанн¹³². Еще один пример — документ, относящийся к 30-м гг. XII в., в котором рассказывается о столкновении кркского князя и коммуны Крка в связи с прозаическим вопросом о том, кому чинить городские стены. В результате спор перерос в открытое столкновение, а главным лицом, представлявшим недовольную коммуну, был епископ Доминик¹³³.

И венгерская и венецианская власть со своей стороны рассматривала епископов городов как уполномоченных местного правления, а сами они играли важную роль в установлении венгерского или венецианского политического суверенитета. В уже цитированной записи родственника задарского епископа об установлении власти Коломана над Задаром представители епископы далматинских церквей были выделены особо дорогими подарками¹³⁴.

Церкви городов и сами старались создать впечатление о своей заметной роли в установлении венгерского либо венецианского суверенитета. Во всяком случае это следует из ряда житий святых —

¹³¹ *Фома Сплитский*. С. 54.

¹³² CD 1. P. 207.

¹³³ CD 2. P. 42.

¹³⁴ *Ibid.* P. 24.

покровителей городов. В уже цитированном житии трогирского епископа Иоанна (см. с. 205) специально выделялась его роль в установлении в далматинских городах власти Коломана мирным путем. Разрушив своими молитвами королевскую катапульту и предотвратив тем самым разрушение Задара, Иоанн содействовал добровольному подчинению Задара власти короля. Примечателен представленный в житии диалог Иоанна и Коломана, где Иоанн выступает мудрым наставником: «не пристало тебе, христианскому королю, пятнать себя и свое войско христианской кровью... А сейчас все устроилось по твоей воле и без ущерба». Король по достоинству оценивает заслуги Иоанна и даже определяет его место посредника между светской и небесной властью: «Я вижу, ты послан Богом, и поэтому я прошу тебя молиться за нас королю королей, чтобы он хранил нас в мире и указал нашему королевству верный путь»¹³⁵.

Поддержка церковью Раба венецианской власти отражена в житии святого защитника города, св. Христофора, написанного епископом Юраем Костицей в самом начале XIV в. на основе более ранних текстов. Здесь рассказывалось о вторжении в Далмацию войска венгерского короля, которое было побеждено с помощью Божьей и св. Христофора¹³⁶.

Для раннесредневекового периода в Далмации была характерна тесная связь церковной и светской власти. Архиепископы, епископы и другие иерархи городов способствовали утверждению на их территории административного иммунитета. Главы церквей избирались совместно «клиром и народом» городов при утверждении кандидатур в Римской курии. Соглашения венгерской королевской власти с городами, регламентирующие их автономное положение в системе венгеро-хорватского королевства, показывают кардинальное изменение положения: как отмечалось выше, согласно договорам венгерского короля с далматинскими городами в начале XII в., кандидатуры епископа и городского главы, хотя и избираемые городами, теперь утверждал король, что предоставляло ему возможность влиять на эту процедуру, ставить своих выдвиженцев. Наиболее яркий тому при-

¹³⁵ Vita beati Ioannis episcopi traguriensis. S. 73—75, 107—109.

¹³⁶ Farlati D. Illyricum sacrum. V. 5. Venecija, 1751. P. 233—235.

мер — поставление по воле короля Белы IV архиепископом Сплита и одновременно его комитом чазменского пробста Хугрина¹³⁷, который, таким образом, сосредоточил в своих руках и церковную и светскую власть. Схожая ситуация отмечалась на территориях, находившихся под суверенитетом Венеции.

Во многих случаях горожане сами приветствовали появление на епископских престолах иерархов, кандидатуры которых поддерживались центральной властью. Ожидаемый мотив такой поддержки сообщает Фома Сплитский в главе о поставлении сплитским архиепископом в 1192 г. тосканского капеллана Бернарда, воспитателя сына венгерского короля Белы III — Генриха (Имре). Горожане «выбрали Бернарда своим архиепископом, и поскольку король ценил его, они надеялись приобрести через него большую выгоду городу и церкви»¹³⁸.

В представлении горожан, местная церковная организация была неразрывно связанной с коммунной города. Интересные примеры взаимоотношения города и его пресула дают материалы, относящиеся ко времени византийского суверенитета, ко второй половине XII в. Тогда, в начале 70-х гг., жители Сплита оказывали сильное давление на своего архиепископа Гирарда, чтобы тот пошел в Константинополь и «под присягой подтвердил от своего имени и от имени граждан верность императорскому величеству»¹³⁹. Гирард обратился тогда за защитой к папе, чтобы его «не принуждали идти к константинопольскому императору»¹⁴⁰ и к своему сплитскому престолу уже не вернулся. Однако следующего архиепископа — Райнерия удалось уговорить, и он «в сопровождении нескольких знатных граждан» отправился в Константинополь и приветствовал там императора «от имени своих граждан»¹⁴¹.

Сложные отношения духовной и светской власти в Европе XIII в., прежде всего в контексте противостояния римских пап и германских императоров, не только проявлялись в перипетиях поставления

¹³⁷ *Фома Сплитский*. С. 133—137.

¹³⁸ Там же. С. 66.

¹³⁹ Там же. С. 59.

¹⁴⁰ CD 2. Р. 128.

¹⁴¹ *Фома Сплитский*. С. 62.

церковных иерархов в хорватских землях, но и во многом определяли взаимоотношения светских и церковных верхов далматинских городов с центральной властью и между собой, а также внутри клира и среди мирян. Интересы пап, стремившихся ущемить епископов поставленных венгерским королем, причудливо переплетались с интересами горожан в периоды вмешательства Венгрии в дела горожан или ущемления их прав. В зависимости от выгоды горожане могли поддерживать венгерского ставленника в ущерб папской кандидатуре и наоборот. Из-за схождения множества интересов здесь не произошло поляризации, условно говоря, партии церкви и партии империи, как это было в Италии. Трудно сказать, были ли не только города и социальные слои, но и семьи, которые не меняли бы «партийных» взглядов в зависимости от сиюминутных интересов.

Противостоящей и центральной власти, и епископу силой оказывался городской капитул. Капитул обладал большой самостоятельностью, существенно ограничивал епископскую власть, управлял церковью во время отсутствия епископа, во главе его стоял архидиакон. Именно городской капитул Сплита с помощью монахов нищенствующих орденов (активно участвовавших в XIII в. в обновлении итальянских городских общин) инициировал введение системы городского управления, возглавляемой не королевским ставленником или хорватским феодалом, а избираемым горожанами платным чиновником. Не случайно в хронике Фомы с особым пристрастием анализируется деятельность епископов, обязанных своим назначением близостью к венгерскому двору и выражавших противоположную или даже враждебную позицию в отношении автономного устройства городского управления. Одна из наиболее уничижительных характеристик дается сплитскому архиепископу Гунцелу (1220—1243 гг.), при котором борьба за изменение системы управления достигла своего апогея: перед его выборами у одного из сплитских клириков было видение разрушенной архиепископской кафедры, «он был знатного рода, но мало чего стоил», он обладал скудными знаниями, его глодал червь честолюбия, он вызывал у всех отвращение и пр.¹⁴²

¹⁴² *Фома Сплитский. С. 75—77.*

Между тем противоборствующие группы, ориентированные на разные политические и церковные круги, существовали как в самом капитуле, так и в городской общине. Становление коммуны и борьба с верховной властью за поставление городского начальника сопровождалась и борьбой за участие коммуны в церковных делах, в том числе и в поставлении церковных иерархов. Эта сложная противоречивая картина схождения и противостояния интересов нашла главное и небеспристрастное отражение в хронике архидиакона Фомы, который был членом сплитского капитула и сам оказался в центре этой борьбы. Вот одна из показательных историй, связанная с именем уже упоминавшегося венгерского настоятеля Хугрина — тогда сплитского архиепископа.

Однажды в результате нападений горожан Сплита на земли, которые считались королевскими, город впал в немилость к венгерскому монарху и подвергся показательному разграблению. Желая заслужить благосклонность короля, горожане направили к нему посольство, и тот наказал им поставить архиепископом Хугрина, что не мог поддержать капитул. И далее описывается, как миряне, прежде всего представители патрициата, вопреки желанию капитула, добились поставления выдвиженца венгерского короля. «Разразившись по своему обыкновению бранью, они пытались силой принудить к тому клириков. Оставив собрание, комит, судья и другие члены городского совета, вошли в церковную камеру и при молчаливом согласии пресвитера силой, с помощью трех или четырех сообщников этой низости захватили печать капитула; вынеся ее, они составили от имени капитула подложную грамоту и, снабдив ее печатью, отправили двух человек из нобилей, которые должны были, объявив себя поверенными капитула, провести избрание в соответствии с пожеланием короля. Что и было сделано»¹⁴³.

А вот как описывается реакция мирян на выборы аббата городского монастыря, от которых они были отстранены. Городской правитель с «неистойвой толпой» силой врывается в ворота монастыря. «Отпустив поводья своего безумия, они бросаются на каноников, осыпая одних руганью, других — ударами. Особенно сильно ухватившись

¹⁴³ *Фома Сплитский*. С. 133.

нечестивыми руками за архидиакона (поставленного накануне на место аббата. — *О. А.*), они раздирают в клочья всю его тунику. Ворвавшись затем в кельи монахов, они грабят их пожитки, бьют утварь, выискивая, как бы им поймать избранного без их участия аббата, чтобы избить, а, возможно, и убить его»¹⁴⁴. Примечательно, что капитул вынужден был разрешить мирянам подыскать другую кандидатуру по своему усмотрению.

Картину яростного противоборства сторон являл собой город после избрания в архиепископы самого Фомы, который был неугоден мирянам, полагавшим его кандидатуру нежелательной венгерскому королю, и поставление которого, по их мнению, должно было навлечь на город гнев. «Горожане ходили по улицам и площадям, пылая огнем ярости, обращаясь к клирикам не иначе как с бранью, направляя на них стрелы своих угроз, осыпая руганью миноритов и проповедников (францисканских и доминиканских монахов. — *О. А.*).., — свидетельствует хронист, — одни из них просили, другие грубо напирали на избранного архиепископа, угрожая разграбить имущество и разрушить дом, если он не отречется от избрания... Они не позволяли капитулу, устрашая его дерзкими возгласами, ни совершать богослужения, ни причащения высочайшего Тела, настаивая и громко крича, чтобы при их участии были проведены выборы другого лица»¹⁴⁵.

С точки зрения сосуществования в городах различных предпочтений и представлений о властных авторитетах и центрах власти в период противостояния папы Иннокентия IV и императора Фридриха II Гогенштауфена интересны пассажи хроники Фомы, связанные с архиепископским правлением Рогерия. Здесь надо напомнить, что в 1244—1251 гг. папа из-за этой вражды находился в Лионе, и состоявшийся здесь в 1245 г. Вселенский собор объявил Фридриха II низложенным. После смерти Фридриха папа продолжил борьбу за инвеституру с его сыном, королем Конрадом IV, который наследовал власть в Германии и Италии. Король Венгрии Бела IV, очевидно, находился в вассальной зависимости от Фридриха¹⁴⁶.

¹⁴⁴ *Фома Сплитский*. С. 122.

¹⁴⁵ Там же. С. 128—129.

¹⁴⁶ В 1241 г. Бела направил послание Фридриху с просьбой о помощи и обещанием в будущем признать себя его ленником (*Annales sancti Pantaleonis*

В 1249 г. сплитский капипул единодушно выдвинул венгерского епископа Иоанна на вакантное место сплитского архиепископа. Очевидно, миряне города поддерживали это выдвижение, поскольку, по свидетельству хроники Фомы Сплитского, по одному представителю от капитула и коммуны отправились за согласием на это избрание к папе Иннокентию IV в Лион. Намерение заручиться согласием папы должно было быть твердым: посольство организовывалось несмотря на все опасности этого предприятия. По словам хрониста, все осознавали, что «идти в Галлию было тяжело и рискованно»¹⁴⁷. Папа отверг тогда предложенную кандидатуру и направил в Сплит в качестве архиепископа клирика Рогерия из Апулии¹⁴⁸. По пути к месту своего служения Рогерий посетил с рекомендательными письмами от папы венгерского короля, который «был сильно возмущен, что тот был поставлен без его ведома и согласия». Но прибыв в город, Рогерий «был принят клиром и народом с большой радостью»¹⁴⁹.

Следующий эпизод относится к 1251 г. Тогда Конрад, сын почившего императора Фридриха II, плыл, направляясь в Сицилию, вдоль далматинского побережья. И Фома свидетельствует, что «всюду, где он желал пристать к берегу, города оказывали ему пышный прием, и все воздавали ему почести как могущественному королю»¹⁵⁰. Но когда он пристал в порту города Сплита, архиепископ Рогерий распорядился запереть церкви и прекратить богослужения, а сам вместе с архидиаконом и некоторыми лицами из высшего нобилитета (*cum quibusdam de senioribus*) укрылся в загородных поместьях. «Сплитские же граждане охотно приняли короля и разместили в

Colonensis // MGH. Scriptores. T. 22. Hannover, 1872). По совету Фридриха Бела просил помощи у «прославленного повелителя» короля Конрада (*Baerwald H. Das Baumgartenberger Formelbuch*. Wien, 1866 (Fontes rerum Austriacarum. T. 25). S. 347.

¹⁴⁷ Фома Сплитский. С. 137—138.

¹⁴⁸ Рогерий — автор известной «Горестной песни о разорении Венгрии», повествующей на основе собственных воспоминаний о разграблении Венгрии татаро-монголами в 1242 г.

¹⁴⁹ Фома Сплитский. С. 138—139.

¹⁵⁰ Там же. С. 140.

епископских покаях»¹⁵¹. Само предоставление Конраду архиепископского дворца свидетельствовало о нарочито подчеркиваемом гражданами политическом предпочтении. Тем более, что Конрад искал в оставленных бумагах архиепископа нечто, что могло бы уличить того в «неверности» Конраду как «своему королю», поскольку «он родился в его королевстве». Конрад «низвергал» на того немало угроз, т. е., очевидно, устраивал какие-то показательные акции.

Здесь наглядно представлены разные политические пристрастия, раскол и в капитуле, и в руководстве городом. Но интересно, что через несколько дней после отъезда Конрада Рогерий со своим сопровождением вернулись в город, и этот эпизод, и это противостояние во всяком случае, судя по описаниям в хронике, сильно не повлияло на дальнейшее течение жизни. В том же году король Бела, «осматривая рубежи своего королевства», оказался в Сплите и здесь выговаривал его гражданам за выбор Рогерия, за то, что «они пожелали иметь наставника без его ведома и согласия». Они же «приводили в свое оправдание разные доводы», примирившие короля с этой конкретной ситуацией, но не с самим принципом подобного выдвижения¹⁵².

К рассматриваемому времени относится ряд документов, касающихся земельных споров между местной светской и церковной властью и монастырями. По ним можно судить о специфике общения в процессе таких разбирательств, в которых важное место для доказательства правоты отводилось исторической традиции и преданиям. Так, в 1134 г. некие люди, претендовавшие на земли задарского монастыря св. Кршевана, обвинялись в желании «исказить старые предания» (*antiquas tradiciones corumpere volentes*) и получили в результате наказание от архиепископа и судей из городских нобилей¹⁵³. Годом позже истина в некоем земельном споре в суде устанавливается «по данным монастырских анналов и воспоминаниям старейших» (*per ostensionem analium et recordacionem veteranorem*)¹⁵⁴.

Но наиболее интересны в этом отношении документы из бенедиктинского монастыря Иоанна Крестителя в Повлях на о. Брач, в

¹⁵¹ *Фома Сплитский*. С. 140.

¹⁵² Там же. С. 141.

¹⁵³ CD 2. P. 40—41.

¹⁵⁴ *Ibid.* P. 45.

которых рассказывалось об уступке местной феодальной властью прав на некую спорную землю. О предоставлении земли монастырю князем Бречко говорится в повальской кириллической надписи конца XII в.¹⁵⁵ О подтверждении, очевидно, той же земли говорится в известной повальской грамоте 1250 г., также написанной кириллицей на хорватском языке и, вероятно, изданной в Сплите¹⁵⁶. Грамота состоит из нескольких частей. В первой части воспроизводится более ранний документ, относимый здесь к 1118[...] г., в датирующей части которого упоминаются король Бела, епископ Хвара и Брача Николай, князь Бречко, жупан Первош, судья и др. Здесь рассказывается в деталях о процедуре передачи земли в то время, причем приводится прямая речь принимавших участие в том действии лиц. Так, монах монастыря, обращаясь к присутствующим — «Кнеже и вси властели!» — говорит о былом величии монастыря и его теперешнем запустении; ображаясь к князю и жупану, сообщает о слышанном им факте, что «з[е]мле еже вы [дрь]жите» ранее принадлежали монастырю и просит вернуть их. Князь и жупан дают свое согласие. Далее сообщается, что следующим князем был Себен, осудивший это возвращение, а затем — князь Мирослав, подтвердивший его. Перечисляются здесь и другие земельные владения, на которые монастырь заявляет свои права. В качестве подтверждения их истинности некто Блаж («Бласи») свидетельствует, что он это «слишавъ о(ть) писькупа Ми[ку] ле, о(ть) кьнеза Влащина, о(ть) жупана Чеп(р)ъне, ѳ(ть) судье Луке, потъв(р)ъею и укладаю руку мою». В конце концов все описанное

¹⁵⁵ *Mihaljčić R., Steindorff L.* Namentragende Steininschriften. S. 80—81. № 124.

¹⁵⁶ Прочтение грамоты, предложенное Ф. Рачки (*Rački F.* Najstarija hrvatska ćirilicom pisana listina // *Starine JAZU*. Т. 13. Zagreb, 1897. S. 197—210) принималось впоследствии многими исследователями. Последнее комментированное издание текста грамоты под ред. Д. Малич см. в сборнике, специально ей посвященной: *Obljetnica povaljske listine i praga 1184—1984* // *Brački zbornik*. Supetar, 1987. № 15. Специальные текстологические исследования — *Ostojić I.* Benediktinska opatija u Poveljima na otoku Braču. Split, 1934; *Putanec V.* Tekstološki i jezični problemi u povaljskom kartularu (1184—1250) // *Slovo*. Т. 14. Zagreb, 1964. S. 101—109; *Malić D.* Povaljska listina kao jezični spomenik. Zagreb, 1988.

выше заверяется сплитским каноником Иоанном, исполнявшим должность хварского нотариуса, а также аббатом монастыря св. Иоанна. Фиксировал же он то, что было написано «у стару книгу», имея, видимо, в виду некие монастырские анналы. Таким образом, в одном документе можно видеть различные стадии развития суде- и делопроизводства и правовых отношений местной власти и церкви (которые, видимо, можно перенести и на другие сферы социальной жизни) — от устного диалога перед свидетелями, характерного для обычного права, до письменного нотариально заверенного документа. Как видно из Повальской грамоты, и устные заявления прежних времен, и подтвержденные «собственной рукой» некоего авторитетного человека Блажа сведения, услышанные им от князя, епископа и других достойных его доверия лиц о монастырских владениях, являются равнозначными. Грамота представляет также определенную стадию в развитии нотариата (функции которого исполнялись представителями местного клира) как института общественного доверия¹⁵⁷.

При анализе представлений о взаимоотношении власти и общества на хорватской территории следует учитывать, что все три силы, претендовавшие в рассматриваемое время на роль суверенов этих земель — не только Византия, но и Венеция и даже Венгрия не стали здесь настоящими хозяевами, властной силой, организующей бывшие территории Хорватского королевства. Периоды византийского суверенитета были весьма кратковременными. О серьезной власти Венеции в Далмации можно говорить лишь с XV в. Власть Венгрии в адриатических областях ощущалась незначительно; и хотя на землях Славонии она была более действенной, примерно с 1260 г. и эта область перестала входить в круг приоритетных интересов Белы IV, занятого внешнеполитическими проблемами и внутридинастической борьбой. Учитывая как эту особенность верховной власти, так и то, что на землях адриатических областей Хорватии, составлявших

¹⁵⁷ Направление этого развития показывает документ 1286 г., касающийся земельного спора некоего Првослава со сплитским монастырем св. Бенедикта. Првослав отклонял доказательства, содержащиеся в грамотах монастыря, на том основании, что соответствующие грамоты «не выполнены рукой общественного нотариуса (*manu publica notarii*)» CD 6. P. 563.

основу прежнего Хорватского королевства, патримониальные владения суверенов, прежде всего венгерского короля, были минимальны, здесь стал формироваться слой собственников, не находящийся во всесторонней зависимости от правителя. Источники рассматриваемого времени фиксируют властные амбиции представителей этого слоя, которые позднее, к концу XIII в., уже сами будут претендовать на роль властных центров, политических и идеологических организаторов жизни общества, продолжателей хорватских государственных традиций.

Однако в большей степени верховную власть формально ограничивали здесь далматинские городские коммуны, патрициат которых претендовал на ведущую роль в управлении городами, имел самостоятельные властные интересы, добиваясь поставления выборного, сменяемого по его воле городского голову. Именно в этой среде формировался образ правителя, действующего во благо общества, в согласии со знатью, уважающий законы, поддерживающие ее права. Не случайно, уже во второй половине XIII — начале XIV в. во всех далматинских коммунах будет проходить процесс кодификации городского права, всесторонне регламентирующего управление городами. В наибольшей мере внедрению новых представлений об отношениях между властью и обществом, основанных на убеждении в необходимости для власти действовать во благо общества, способствовали в рассматриваемое время представители церкви далматинских городов.

Схождение на этой небольшой балканской территории интересов многих центров власти, борьба за влияние феодальных семейств, коммунальные процессы в городах и их войны за расширение своих земель, противостояние в церкви из-за властных приоритетов и борьба ее за новые территории — все это укладывалось в сложную, во многом противоречивую и драматичную картину, в которой причудливо переплетались и сталкивались представления о подданстве и господстве.

**ПОЛЬСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ
НА ПЕРЕЛОМЕ ОТ РАННЕГО
К РАЗВИТОМУ СРЕДНЕВЕКОВЬЮ**

Вторая половина XII в. стала, как известно, временем больших перемен в социальной структуре польского общества, перемен, связанных с образованием крупного привилегированного светского и церковного землевладения. Эти перемены, в свою очередь, привели к возникновению новых представлений о характере отношений между носителями власти и социальной элитой общества. Характеристику этих новых представлений и попытку их разностороннего обоснования мы находим в написанной на рубеже XII—XIII вв. хронике Винцента Кадлубка.

Как убедительно показал выдающийся польский медиевист Я. Беньяк, по происхождению Винцент принадлежал к одному из наиболее знатных родов польской знати — роду Лабендзей¹.

Исследование хроники Кадлубка в фундаментальном исследовании О. Бальцера², выявило в тексте этого труда следы разнообразных познаний, приобретенных, очевидно, в годы молодости во

¹ *Bieniak J.* Głos w dyskusji // *Studia źródłoznawcze*. T. XX. Poznań, 1976. S. 123—124.

² *Balzer O.* Studium o Kadłubku // *Balzer O.* Pisma pośmiertne. T. I—II. Lwów, 1934—1935.

время заграничных путешествий в таких важных центрах западной средневековой культуры, какими были первые университеты, возникшие в середине — второй половине XII в. на территории современной Франции. Для формирования общественно-политических взглядов будущего историка большое значение имели контакты с политической мыслью авторов англо-нормандского круга и, прежде всего, с трудами такого выдающегося мыслителя того времени, как Иоанн Сольсберийский, в конце своей жизни — епископ Шартра, где его мог слушать Винцент. При создании хроники Винцент широко использовал один из его главных трудов «*Policraticus sive de nugis curialium*»³.

В 1189 г. «магистр Винцент», приобретший ученую степень в одном из французских университетов, упоминается в числе свидетелей в документе, оформившем пожалование малопольского князя Казимира Справедливого краковскому капитулу⁴. Винцент был, по-видимому, в эти годы одним из капелланов князя Казимира. Позднее, неизвестно когда именно, Кадлубек стал препозитом коллегиаты Девы Марии в Сандомире (пост, который занимал обычно один из членов краковского капитула), а в 1208 г. папа Иннокентий III после разделения голосов при выборах краковского епископа возвел его на краковскую кафедру. В дальнейшем Винцент Кадлубек участвовал во всех собиравшихся в последующие годы собраниях епископов, добивавшихся расширения церковных «вольностей», в 1215 г. посетил Латеранский собор в Риме. В 1218 г. по собственному желанию оставил кафедру и провел последние годы жизни в цистерцианском монастыре в Енджейове⁵.

Труд Винцента Кадлубка, разделенный на 4 книги, представляет собой повествование по истории Польши. Оно начинается с рассказов о древнейших временах и обрывается на описании событий

³ См. об этом во вводной статье Б. Кюрбис в издании: *Mistrza Wincentego kronika polska*. Warszawa, 1974. S. 62—63, 65, 67.

⁴ *Kodeks dyplomatyczny katedry krakowskiej św. Wacława*. T. I. Kraków, 1874. № 4. S. 8 i n.

⁵ Об этом этапе в биографии Кадлубка см.: *Grodecki R. Mistrz Wincenty Kałłubek biskup krakowski*. Kraków, 1923. S. 18—28.

1202 г.⁶. Исследователи давно обратили внимание, что, рассказав о водворении Романа Мстиславича с польской помощью в Галиче, хронист отметил, что в дальнейшем он расскажет, чем отплатил Роман полякам за их помощь (IV, 24). Очевидно, хронист имел намерение описать гибель Романа Мстиславича в 1205 г. в походе против польских князей, но по каким-то причинам свое намерение он не осуществил.

Для своего повествования Кадлубек избрал своеобразную форму. Первые три книги труда построены как диалог между архиепископом гнезненским Яном и краковским епископом Матвеем. Распределение ролей между собеседниками заключается в том, что Матвей, главным образом, сообщает о событиях, а Ян рассуждает об их смысле, подтверждая свои рассуждения ссылками на какие-либо правовые нормы и понятия и примеры из древней истории, почерпнутые, главным образом, из изложения сочинений Помпея Трога. Впрочем, в заключительной части повествования собеседники как будто меняются ролями⁷. Четвертая книга труда, где описываются события, происходившие уже после смерти двух епископов, исходит уже от самого Кадлубка, но характер изложения, утратив внешнюю форму диалога, не изменился — изложение событий продолжает сопровождаться обширным комментарием, раскрывающим их смысл и значение. Исследователи отмечают и некоторую разницу в характере изложения между I—III книгами, с одной стороны, и IV книгой, с другой. В первых книгах при описании событий последовательно используется римская терминология: государство — это «*respublica*», а его житель — «*civis*», совет при князе — «*senatus*» (и даже «*sacer senatus*»), его чины — «*virī consulares*» и т. д. В книге IV эта терминология используется реже, начинают появляться местные термины, как, например, «*comes*» для обозначения вельможи⁸.

В течение длительного времени господствовало представление о том, что хронисту Кадлубек писал после ухода с краковской кафедры

⁶ Используется здесь по изданию: *Magistri Vincentii Chronicon Polonorum* // *Monumenta Poloniae Historicae*. Т. II. Lwów, 1872.

⁷ *Balzer O. Pisma pośmiertne*. Т. II. S. 75—86.

⁸ См. *Bogucki A. Terminologia polityczna w Kronice polskiej Wincenta Kadłubka* // *Studia źródłoznawcze*. Т. XX. Poznań, 1976.

в монастыре, и работа над ней прервалась со смертью автора. Затем, однако, возобладала точка зрения, что Кадлубек работал над своей хроникой до его возведения на краковскую кафедру, и, следовательно, четвертая книга его труда отражает живой, непосредственный отклик на происходившие события⁹. В недавнее время ряд аргументов в пользу такой точки зрения привел Я. Беняк. Его наблюдения о смене в процессе работы над хроникой ее первоначального замысла в связи со сменой политической ориентации рода Лабендзей, перешедшего в начале 90-х гг. XII в. из рядов сторонников князя Мешко III в ряды сторонников его противника Казимира II Справедливого, окончательно подтверждают, что заключительная часть хроники не могла быть написана на значительном хронологическом удалении от событий¹⁰. Сделанные наблюдения позволили Я. Беняку высказать и интересные соображения о том, почему Кадлубек прервал работу над своим трудом¹¹.

Важнейшим свидетельством о характере конфликта, вспыхнувшего в отношениях между носителем высшей государственной власти «великим князем» (*dux supremus*) Польши Мешко и важной частью социальной элиты польского общества — знатью Малой Польши — является рассказ, помещенный в главе 2-й книги IV труда Кадлубка о «злоупотреблениях» приближенных князя Мешко III, когда он в 1173—1177 гг. распространил свою власть на Малую Польшу. На это свидетельство обратил самое серьезное внимание и подверг его обстоятельному анализу еще во второй половине XIX в. С. Смолька в своей новаторской для того времени работе о переменах в развитии польского общества во второй половине XII в.¹² Как справедливо

⁹ См. в статье Б. Кюрбис в издании: *Mistrza Wincentego kronika polska...* S. 24.

¹⁰ *Bieniak J. Polska elita polityczna XII w. (cz. III. D) // Społeczeństwo Polski średniowiecznej. T. IX. Warszawa, 2001. S. 48—51; Idem. Mistrz Wincenty o współczesnych mu Piastach // Europa środkowa i wschodnia w polityce Piastów. Toruń, 1997.*

¹¹ *Bieniak J. Mistrz Wincenty w życiu politycznym Polski przełomu XII—XIII ww. // Mistrz Wincenty Kadłubek (1150—1223). Człowiek, dzieło, pośmiertny kult i legenda. Kraków, 2001.*

¹² *Smolka S. Mieszko Stary i jego wiek. Warszawa, 1959 (penp. издание 1881 г.). S. 290—302.*

заметил Александр Гейштор при переиздании работы С. Смольки, основные результаты его исследования выдержали испытание временем¹³ и нуждаются лишь в некоторых уточнениях¹⁴.

О каких же «злоупотреблениях» говорит в своем рассказе Кадлубек? Он подвергает подробной критике злоупотребления, связанные с монополией власти на чеканку монет. Порча монет — уменьшение веса и количества серебра в ней — была во второй половине XII в. уже старым, хорошо известным злом. Злоупотреблением являлось то, что правитель стремился взимать штрафы и налоги в старой монете более высокого качества, а выплаты производил формально в том же количестве, но монетой худшего качества. По оценке Кадлубка, это уже традиционное злоупотребление в годы правления Мешко III было усилено тем, что приближенные князя, казначей и заведовавший чеканкой сановник, в небольшом количестве выпускали монеты с высоким содержанием серебра и требовали от виновного внесения высокого штрафа именно этими монетами. Лжесвидетели, по словам хрониста, приносили присягу, что именно эта высококачественная монета находилась в это время в обращении. Людей, принесших в суд для уплаты неполноценную монету, заключали в тюрьму и подвергали пыткам, требуя уплаты штрафов качественными деньгами (IV, 2). Исследования нумизматов показали, что вторая половина XII в. была временем интенсивной порчи монет, но нумизматический материал не позволяет выявить, имели ли место те злоупотребления, к которым, по словам Кадлубка, прибегали княжеские слуги. Можно указать лишь некоторые косвенные данные в пользу достоверности известия хрониста. Хорошо известно, что Мешко III широко привлекал для чеканки монет мастеров-евреев, оставивших на этих монетах свои надписи. Исследователи отмечали, что их продукция отличается от других монет чеканки

¹³ *Smolka S. Mieszko Stary i jego wiek. S. 658—660.*

¹⁴ О несостоятельности предпринятых позднее попыток предложить иное толкование свидетельству Кадлубка см.: *Флоря Б. Н. «Хроника» Винцента Кадлубка о переломе в жизни польского общества на переходе от раннего к развитому средневековью // Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. Вып. 68 (4). М., 2007. С. 93—96.*

Мешко III более высоким качеством¹⁵. Не исключено, что именно эти всецело зависевшие от князя люди, на молчание которых полностью можно было положиться, участвовали в чеканке тех небольших партий качественных монет, о которых упоминает Кадлубек.

Порча монет, усугубленная описанными выше злоупотреблениями, наносила ущерб самому широкому кругу людей, однако некоторые детали повествования Кадлубка показывают, чья судьба в этой связи больше всего волновала хрониста. Так, читаем у него, что пострадавшие отдавали в пользу казны своих «людей» и свои «земли» (*predia*), а некоторые духовные лица после подобных преследований скончались в тюрьмах. Таким образом, хронист говорил прежде всего о преследованиях, которым подвергались светские землевладельцы и представители духовенства.

Другой отмеченный Кадлубком пример злоупотреблений касался покровительства, которое княжеская власть оказывал евреям. Он пишет, что «школяры случайно ранили еврея» и судьи приговорили их к высокому штрафу в 70 гривен серебра, «как бы за святотатство» (IV, 2). Разумеется, ни о каком наказании за «святотатство» не могло быть речи. Сам этот термин был иронически употреблен Кадлубком, чтобы выразить его возмущение тем, что «учеников» — лиц, готовившихся принять духовный сан, — наказали за ущерб, нанесенный «неверному» — не христианину. В действительности штраф налагался за ущерб, нанесенный княжескому имуществу, частью которого являлись евреи — «*servi camerae*»¹⁶. Штраф в 70 гривен был самым высоким в польском праве XII—XIII вв. и взимался именно за ущерб, нанесенный имуществу князя (кражу из княжеской казны, похищение лошади из княжеского стада)¹⁷. На этом примере Кадлубек остановился предельно кратко, так как несправедливость действий власти представлялась ему в этом случае совершенно очевидной.

Однако на первое место среди совершенных княжескими приближенными «злоупотреблений» хронист поставил факты, почерпнутые

¹⁵ Grodecki R. Dzieje żydów w Polsce do końca XIV w. // Grodecki R. Polska piastowska. Warszawa, 1969. S. 630—637.

¹⁶ Ibid. S. 619.

¹⁷ См. ст. XII. 1—3 «Польской правды» XIII в. (Греков Б. Д. Избранные труды. Т. 1. М., 1957. С. 422—423).

из других сфер жизни общества. Свой перечень он начинает с рассказа об убийстве человеком забредшего на его землю медведя. Медведь нанес большой урон: разломал борти и съел находившийся в них мед, одних бортников убил, других ранил, рвал пасшийся в этих местах скот. Однако, поскольку медведь пришел из княжеских охотничьих угодий и принадлежал князю, как и всё, находящееся в них, то, убив медведя, виновный был обвинен в том, что он не только нанес урон княжескому хозяйству, но и оскорбил самого князя, присвоив себе принадлежащее только князю право убивать здесь диких животных. Поэтому судьи приговорили его к выплате высокого штрафа в 70 гривен серебра за нанесение князю оскорбления (IV, 2).

Исследователи давно и правильно отметили, что Кадлубек подверг критике злоупотребления, связанные с существованием собственности князя на все охотничьи угодья на территории страны, где могли охотиться только князь и «его» охотники¹⁸. Однако, остается неясным, почему Кадлубек обратил внимание именно на этот случай и поставил его на первое место в перечне «злоупотреблений». Ответ, как представляется, дают наблюдения над процессом формирования землевладения знати на начальных этапах. Особенно наглядно удалось проследить характер этого процесса в Чехии, благодаря небольшим размерам территории и сравнительному изобилию источников. Исследования показали, что в течение достаточно длительного времени княжеская власть сохраняла контроль над густо заселенным центром страны, а владения знати образовывались на малолюдных окраинах, где наместники отдельных округов получали от монарха или фактически присваивали себе пустую, необжитую землю¹⁹. Понятно, что такие владения часто находились по соседству с охотничьими угодьями князя, лежавшими также в малозаселенных местностях, и такое соседство становилось источником раздоров. Для своего повествования Кадлубек специально выбрал такой случай, когда несправедливые действия княжеских приближенных выступают в особенно резкой, доведенной до абсурда форме.

¹⁸ *Smolka S. Mieszko Stary...* S. 300—301.

¹⁹ *Žemlička J. Čechy v době knížecí (1034—1198).* Praha, 1999. S. 283—284.

На своих землях владельцы заводили промысловое хозяйство (см. упоминание о посаженных на такой земле бортниках, пострадавших от нападения медведя), однако они были заинтересованы в их полном хозяйственном освоении, в привлечении на эти земли возможно большего количества людей. В результате возникала коллизия, которой посвящен следующий эпизод в перечне «злоупотреблений». Если землевладелец сажал на землю несвободного, то его карали за кражу чужого имущества; если свободного, то его обвиняли в том, что он сделал свободного человека своим подданным. С. Смолька справедливо увидел в этом тексте свидетельство о мерах, предпринимавшихся властью, чтобы не допустить перехода крестьян с государственных на частновладельческие земли²⁰.

Виды конфликтов, к которым стремился привлечь внимание читателя Кадлубек, были для польского общества XII в. явлением новым. Они могли появиться лишь тогда, когда землевладение представителей социальной элиты не только зародилось, но и приобрело достаточно заметные размеры. В этих условиях обозначился конфликт интересов между государственной властью, заинтересованной в сохранении старого строя «княжого права» и выдвигании препятствий на пути развития этих новых явлений, и церковными и светскими землевладельцами. Свидетельства Кадлубка ясно показывают, чего добивались прежде всего польские церковные и светские землевладельцы во второй половине XII в.

Речь не шла пока о разрушении всей традиционной модели организации общества, обеспечивавшей государственной власти решающую роль в сборе и распределении материальных благ. Землевладельцы добивались пока только снятия препятствий на пути формирования их землевладения и ограничения в связи с этим сферы деятельности некоторых институтов «княжого права». В своем труде Кадлубек выступал как открытый защитник их интересов.

Текст сочинения хрониста не оставляет сомнений в том, что в «злоупотреблениях», которые он осуждал, он видел проявление не злой воли отдельных лиц, а определенной, враждебной интересам знати политики. Совершенно неслучайно в хронике Кадлубка рас-

²⁰ *Smolka S. Mieszko Stry... S. 298—299.*

сказу о «злоупотреблениях» Мешко III предшествует сообщение о советах его приближенных, как князь должен строить свою политику по отношению к подданным. Они говорили князю, что правление монарха является успешным, когда подданные проявляют покорность и боятся его, тогда он может выказать по отношению к ним «милость». Иное дело, когда подданные демонстрируют «гордость» и пренебрегают распоряжениями правителя. Поэтому для правителя важнейшая задача — устранение возможных источников появления такой «гордости», а для этого надо лишать подданных их имущества (*in fortunis eos mutare*), так как жизнь в «роскоши» приводит к своеволию (IV, 2). Контекст рассуждения Кадлубка показывает, что речь идет не о каких-то рядовых, обыкновенных подданных, а о знатных лицах, которые только и могли проявить гордость и пренебрежение по отношению к монарху. Из его текста следует и другое: знатный человек может позволить себе так себя вести, потому что обладает «имуществом» — собственным хозяйством, приносящим ему доходы независимо от распоряжений монарха. В этих словах Кадлубка получило определенное осмысление то противоречие в отношениях между правителем и его знатными подданными, которое объективно возникало с появлением у знатных людей собственных владений и доходов от них, которые они хотели освободить от опеки и стеснений со стороны государственной власти.

После таких рассуждений, проиллюстрированных затем яркими примерами, у читателя уже не могло вызвать удивление сообщение Кадлубка, что попытка краковского епископа Гедко убедить князя отказать от «злоупотреблений» и привлечь к ответственности тех, кто их совершает, оказалась безрезультатной, а князь был намерен епископа изгнать, а недовольных вельмож казнить (IV, 2—3).

Как следует из приведенных свидетельств Кадлубка, обозначившийся во второй половине XII в. конфликт интересов между представителями государственной власти, заинтересованными в сохранении институтов «княжого права», и знатью, заинтересованной в их ослаблении, воспринимавшийся явно, как конфликт важный и принципиальный, привел к формированию новых представлений о характере отношений носителя высшей власти — монарха и его знатных подданных. В своей хронике, написанной в начале XII в.,

предшественник Кадлубка, так называемый Галл Аноним описывает отношения монарха и знати как отношения двух сил, тесно связанных между собой. Рисуя правление Болеслава Храброго как идеального польского монарха, он неоднократно подчеркивал, сколь сказочно обогащалась польская знать, как благодаря обильной добыче, захваченной в походах под предводительством короля-полководца, так и благодаря постоянным, щедрым дарам правителя²¹. В рамках раннесредневековой модели организации общества такой взгляд был обоснованным и оправданным. Пока все полученные доходы монарх постоянно распределял между комитами и рядовыми «воинами», не имевшими других источников содержания, сохранялась далеко заходящая общность интересов правителя и знати. Во второй половине XII в. положение изменилось. Кадлубек, выражающий интересы знати, явно воспринимает монарха, стремящегося сохранить традиционный порядок, как враждебную знати силу.

В таких условиях закономерно поднимался вопрос об отстранении от власти неугодного правителя. Это не было простым делом. Мешко III законно занял главный польский княжеский стол — краковский, как старший среди членов княжеского рода. Историческая традиция, зафиксированная в уже упоминавшейся хронике Галла Анонима, не давала для таких действий законных исторических обоснований. Как убедительно показал Я. Адамус²², смена власти в Древнепольском государстве изображается в хронике как наследование трона, как его простой переход от отца к сыну. Даже там, где хронист был вынужден отступить от этой схемы и рассказать, как подданные делали свой выбор между боровавшимися за власть сыновьями Владислава Германа, он изображает дело таким образом, что эта возможность выбора была предоставлена подданным самим князем, отцом этих сыновей (Галл, II, 8).

Между тем настоятельная необходимость обосновать законность действий участников переворота сохранялась, несмотря на то, что в

²¹ См. подробнее об этом: Флоря Б. Н. Два портрета идеальных правителей на страницах Хроники Галла Анонима // Анфологион: Власть, общество, культура в славянском мире в Средние века. К 70-летию Б. Н. Флория. М., 2008. С. 22—24.

²² Adamus J. O monarchii Gallowej. Warszawa, 1952. S. 97—105.

1177 г. малопольская знать сумела низложить Мешко III и возвести на краковский стол его младшего брата Казимира. Далеко не все даже в Малой Польше были убеждены в правильности такого решения. Из самого сочинения Кадлубка мы узнаем об имевшем место в 1191 г. в Кракове заговоре сторонников Мешко III, пытавшихся вернуть этого князя на краковский стол (IV, 16).

В поисках аргументов магистр Винцент обратился к разрабатывавшимся в европейской политической мысли XII в. учениям о правителе-«тиране». Одним из первых памятников такого рода был хорошо известный Кадлубку «Поликратикус» Иоанна Сольсберийского, использованный им в рассказе о столкновении Мешко III с краковским епископом Гедко²³. Иоанн Сольсберийский, обращаясь, в частности, к примерам из античной истории, утверждал, что тиран — это тот, кто угнетает народ насилием, а правитель правит в соответствии с правом. Каждый правитель, нарушающий право, является тираном, так как нет более тяжелого преступления, чем преступление против «*corpus iustitiae*»²⁴. Подробно описывая в своей хронике нарушения норм права, которые совершали с санкции Мешко III его судьи и подчеркивая нежелание князя положить конец такой практике, магистр Винцент тем самым доказывал, что Мешко III является «тираном» и может быть поставлен вопрос о его устранении.

Ряд доводов в пользу такого решения воспроизводится в речах знатных вельмож, решившихся низложить своего правителя. Здесь читаем, что они не желают, чтобы их считали бунтовщиками, что они понимают, как опасно выступать против власти могущественного правителя, но «позорно, когда тебя считают бунтовщиком, но еще более позорно оказаться трусом», и «не годится, чтобы свободный был слугой» (IV, 4).

Здесь в рассказе явно проявляется родственная самому Кадлубку ментальность вельмож-воинов, для которых самым страшным служит обвинение в трусости и одновременно появляется тема «свободы», которая будет приобретена с освобождением от власти «тирана». Это

²³ См. комментарий Б. Кюрбис к польскому переводу Хроники // *Mistrza Wincentego kronika polska...* S. 185.

²⁴ *Boczar M. Człowiek i wspólnota. Filozofia moralna, społeczna i polityczna Jana z Salisburii. Warszawa, 1974. S. 155—156.*

высказывание не уникально. И далее читаем, что заговорщики обращаются к Казимиру, движимые «желанием приобретения свободы» (IV, 6). Но как главный мотив действий выступает благо страны, которую разоряют приближенные правителя. В речи, вложенной хронистом в уста краковского епископа, они сравниваются с пожирающими овец хищными псами (IV, 3). Обращаясь к Казимиру, заговорщики восклицают, что, если он не поможет, страна «должна погибнуть, так как у нее нет возможности перенестись в другое место» (IV, 6). Эта линия аргументации получает свое завершение в словах, вложенных Кадлубком в уста князя Казимира: Мешко III не может рассчитывать на возвращение ему верховной власти, «так как заслуживает утраты такого права тот, кто злоупотребляет признанной за ним властью» (IV, 11).

Обращает на себя внимание, как подробно Кадлубек обосновывает законность действий заговорщиков. Очевидно, такая ситуация, когда подданные выступают с инициативой смены правителя, не воспринималась как обычная, и действия таких подданных следовало обосновывать и оправдывать.

Анализ повествования Кадлубка позволяет выделить еще некоторые моменты, помимо отмеченных выше, которые могли делать такое выступление в глазах общества законным. Так, правителя, как показывает эпизод с участием краковского епископа, следовало первоначально увещевать, и лишь в случае безрезультатности таких обращений можно было прибегнуть к иным мерам. Кроме того, смена правителя была возможна лишь на основе единодушного решения подданных. Не случайно Кадлубек подчеркивает бескровный приход Казимира к власти. Когда он прибыл в Краков с малой свитой, на его сторону перешли даже те, кому Мешко поручил охрану краковского замка.

Для обоснования права знати избирать и низлагать правителя Кадлубек прибег и к историческим прецедентам, создав целый ряд таких прецедентов в сочиненном им описании древнейшей истории поляков.

Так, мы читаем, что после смерти первого правителя поляков «Гракха» (Крака) ему наследовал его сын, но когда стало известно, что тот запятнал себя убийством брата, он был изгнан (I, 7). После

его изгнания «сенат», знатные и народ передали власть дочери Крака, Ванде (I, 8). Таким образом, оказывалось, что поляки уже в самую древнюю пору своей истории пользовались правом изгонять и избирать правителей. В последующем изложении обнаруживается и описание выборов правителя: народ принимает решение избрать правителем того, кто во время конского бега первым достигнет цели. Соревнования эти выиграл «убогий, самого низкого происхождения юноша», который получил власть «по решению сената» (I, 13). Эту историю — плод собственного вымысла — хронист сопоставляет с аналогичными историями выбора правителя у разных народов древности, почерпнутыми из сделанного Юстином изложения известий Помпея Трога²⁵. Тем самым читатель убеждался в том, что выбор правителя — самая обычная процедура, распространенная во всем мире.

Представляет интерес сопоставление известий Галла Анонима и Кадлубка о приходе к власти в Польше правившей на польских землях во второй половине XII в. династии Пястов. У Галла все это происходит благодаря вмешательству высших сил. «По тайному решению Бога» в Гнезно приходят «чужеземцы», которые совершают чудеса, совершают обряд «пострижин» над родоначальником династии Земовитом и дают ему имя. Далее хронист прямо указывает, что «царь царей и князь князей (т. е. сам Бог. — Б. Ф.) к всеобщей радости назначил его князем Польши» (Галл. I, 2—3). У Кадлубка связь между приходом в Гнезно наделенных сверхъестественными способностями «чужеземцев» и приходом Земовита к власти отсутствует. Отсутствуют здесь и слова Галла о том, что Бог передал Земовиту власть над Польшей. Вместо этого читаем, что сын крестьянина Земовит за свои военные заслуги был избран главой войска (*magister militum*) и лишь затем стал правителем (II, 3)²⁶. При такой характеристике элекция Земовита ничем принципиально не отличалась от выбора других польских правителей в древние времена.

²⁵ См. комментарий Б. Кюрбис к польскому переводу Хроники // *Mistrza Wincentego kronika polska...* S. 88.

²⁶ Сопоставление текстов см. *Michałowski R. Ideologia monarchiczna Piastów wcześniejszego okresu // Imagines potestatis. Rytuały, symbole i konteksty fabularne władzy zwierzchniej Polska X—XV w. Warszawa, 1994. S. 185—187.*

Особого внимания заслуживает стремление Кадлубка представить польских правителей древнего времени как людей низкого происхождения. Так, обычным человеком был Лестко, ставший правителем после того, как отличился в битве с македонскими войсками (I, 10—11). Его преемник, по имени Лестко, также был юношей «самого низкого происхождения». Он подчеркивает, что правитель поместил на троне свои убогие лохмотья, чтобы помнить о своем происхождении (I, 13, 15). В этом же ряду находит свое место и сын крестьянина Земовит. Свои рассказы о возведении на трон людей низкого звания Кадлубек сопровождает аналогичными примерами из античной истории: о Сосфене, человеке низкого происхождения, которого после победы над галлами избрали своим правителем македонцы (I, 12), о Гордии, пахавшем на волах, и Агафокле, сыне гончара (II, 4—5). Как представляется, эти рассказы должны были не только приучить читателя к тому, что выбор правителя — широко распространенный обычай, но и «десакрализировать» в его глазах саму процедуру избрания правителя, представить ее как обычай, сложившийся в языческие времена у разных народов и приводящий на трон людей самого низкого происхождения.

Вместе с тем из описания древнейшей истории поляков у Кадлубка читатель мог узнать, что уже в это время в польском обществе существовал «сенат». «Сенат» вместе с народом поручил правление Ванде (I, 7), по решению «сената» становится правителем Лестко II (I, 13). Термином «сенат», как показало исследование терминологии труда Кадлубка, хронист постоянно обозначал совет знати при князе, княжескую раду. Если собрание знати — это «*senatus*» и даже «*sacer senatus*», то его члены — это «*patres conscripti*», «*vires consulares*»²⁷. Выше уже отмечено, что, следуя литературным авторитетам своего времени, таким, как Иоанн Сольсберийский, Кадлубек при описании современного ему общества систематически использовал терминологию, почерпнутую из текстов античных авторов. Но не все такие заимствования объясняются эстетическими вкусами и пристрастиями автора. Как представляется, последовательное наименование совета знати «сенатом» имело для хрониста определенный социально-

²⁷ Bogucki A. Terminologia polityczna... S. 61.

политический смысл. Это давало возможность проводить параллели между польским советом знати и «сенатом» в текстах античных авторов, где «сенат» выступал как орган, управлявший государством совместно с монархом или даже в его отсутствие. Такой «сенат», как стремился убедить читателя Кадлубек, существовал в польском обществе уже в древнейшую пору его истории и уже тогда играл важную роль при выборах правителя и передаче ему власти²⁸.

Хотя чтение античных авторов ознакомило Кадлубка с разными моделями социально-политической организации общества, он (как, судя по всему, и его аудитория) был приверженцем монархического правления. Хотя история поляков начинается у Кадлубка как история народа, завоевавшего огромную территорию, одерживая победы над соседями (I, 2—3), установление общественного порядка Кадлубек связывает с появлением первого правителя, Гракха, основателя Кракова. В связи с его избранием читатель узнает, что государство без монарха подобно телу без души, светильнику без огня, безголовому человеку (I, 5)²⁹. Кадлубек признавал, что общество может существовать без монарха, но это был плохой способ существования: после смерти Ванды долго продолжалось слабое правление без правителя (I, 7).

Вместе с тем, уже в самом начале своего труда Кадлубек дал ясно понять читателю, что его «демократические» высказывания в первых разделах его сочинения не имеют никакого отношения к современной ему действительности. Польша цвела, когда стоявшими во главе ее «сенаторами» правили «не потомки плебеев и не самозванцы, но наследственные князья» (I, 1). Характерно, что противники Мешко III, как описывает их действия Кадлубек, видели выход только в том, чтобы передать краковский стол другому члену правящего рода.

В сложной обстановке борьбы с Мешко III, пытавшимся вернуть себе власть, под пером Кадлубка в четвертой книге его труда окончательно сложились образы «злого» и «доброго» правителя.

²⁸ О такой роли «римской» терминологии у Кадлубка см.: *Smolka S. Mieszo Stry...* S. 362; *Zientara B. Henryk Brodaty i jego czasy.* Warszawa, 1975. S. 100—101.

²⁹ См. подробнее об этом в статье Б. Кюрбис // *Mistrza Wincentego kronika polska...* S. 41, 45.

Цистерцианский монастырь в Енджейовце —
место захоронения Винцента Кадлубка.

Изображение Справедливости. Церковь св. Троицы в Стшельно.

Плоцкий епископ Александр с дьяконом и субдьяконом.
Фрагмент т. н. «Корсу́нских дверей» Софийского собора в Новгороде.

Образ «тирана», еще более зловещий, чем образ Мешко III, Кадлубек создал в последних разделах заключительной книги своего труда. В этой роли выступает князь Роман Мстиславич галицко-волинский. Первоначально Кадлубек пишет с симпатией о Романи как о племяннике и воспитаннике краковского князя Казимира Справедливого, как о человеке, защищавшем права сыновей Казимира на краковский стол (IV, 15, 16, 23—24), однако после вступления Романа на галицкий стол он изображал его как «тирана», более жестокого, чем Мешко III. Галицких бояр Роман подверг самым жестоким казням, одних велел живыми закопать в землю, с других содрать кожу. Тех, которые бежали от его гнева, он всякими хитростями и дарами побуждал вернуться, чтобы затем казнить их и захватить их имущество. В его уста хронист вложил присказку: «Нельзя спокойно пользоваться медом пчел, пока весь рой не задушишь» (IV, 24)³⁰. Этот образ, как представляется, должен был служить серьезным предостережением для читателя об опасностях, которые несут обществу правители, стремящиеся к сильной власти.

Образу «тирана» противостоял в четвертой книге «Хроники» образ «добрého», «справедливого» правителя. В этой роли выступал краковский князь Казимир II, возведенный на краковский стол малопольской знатью после низложения Мешко III. Похвальные характеристики этого правителя занимают значительную часть заключительной книги труда Кадлубка. В пространной характеристике этого правителя, сумевшего жить в согласии со знатью, подчеркиваются такие его достоинства, как справедливость, скромность, терпение, смирение, стремление к согласию (IV, 5). Особо хронист подчеркивал ненависть князя к «клеветникам», из которых он многих покарал, наложив на них позорные знаки. «Клеветниками» были, вероятно, те приближенные Мешко III, которые возбуждали судебные дела против представителей знати.

³⁰ Исследователи русской истории неоднократно отмечали (см., например, Пауцто В. Т. Очерки истории Галицко-Волинской Руси. М., 1950. С. 213) сходство этого изречения со словами, с которыми, согласно Ипатьевской летописи, обратился к сыну Романа, Даниилу, галицкий сотский Микула, призывая его к борьбе с боярами: «Не погнетши пчел, меду не едать» (ПСРЛ. М., 1962. Т. II. Стб. 763).

В духе такого представления о правителе Кадлубек переделывал характеристики славных монархов прошлого, почерпнутые из Хроники Галла Анонима. Так, он опустил помещенное в Хронике начала XII в. подробное описание деятельности Болеслава Храброго как главы раннефеодальной монархии, оставив только рассказ о 12 советниках, которых монарх выбрал из числа членов своей рады и из сердец которых он черпал присущую им добродетель. Магистр Винцент подчеркивал, что в своих решениях этот прославленный монарх сочетал справедливость и мягкость (II, 10). В рассказах о Болеславе III Кривоустом Кадлубек устранил все встречавшиеся в текстах Галла упоминания о столкновениях между ним и вельможами³¹.

Магистр Винцент не ограничивается похвалами достоинствам Казимира, он горячо одобряет действия, предпринятые князем после вступления на краковский стол. Он, по словам хрониста, «срывает путы неволи, сокрушает ярмо сборщиков налогов», отменяет налоги, упраздняет повинности (IV, 8). Как представляется, эти высказывания отражают определенную смену ориентации малопольской знати после успешного переворота 1177 г. После того как с переворотом были устранены препятствия на пути формирования феодального землевладения, стала обрисовываться новая цель усилий церковных и светских землевладельцев — освобождение их владений от налогов и повинностей, характерных для строя «княжого права».

Важный шаг на этом пути нашел свое выражение в решениях съезда польских князей и епископов в 1180 г. в Ленчице, которые затем были подтверждены буллой папы Александра III от 28 марта 1181 г. Винцент Кадлубек не только включил текст буллы в свою хронику (это единственный для данного труда случай такого рода), но и сопровождал буллу обширным комментарием, в котором говорил о причинах принятия таких решений (IV, 9). По его словам, в Польше существовал обычай, что, когда вельможа отправлялся со свитой по какому-либо делу, то его свита по пути забирала у крестьян не только сено и солому, но и хлеб, которым кормили коней. Кроме того, вельможи посылали по разным делам гонцов, которые отнимали у

³¹ Сопоставление текстов Галла и Кадлубка см.: Флоря Б. Н. Два портрета... С. 36—37, 39.

крестьян подводы и коней, при этом одни кони погибали в дороге, а других не возвращали. Стоит отметить, что, хотя Кадлубек считает эти действия несправедливыми, он не скрывает от читателя, что речь идет о старых, давно утвердившихся обычаях. Таким образом, теперь открыто ставится вопрос о ликвидации некоторых компонентов традиционной модели «княжого права», которые вошли в противоречие с интересами нового слоя собственников.

Хотя инициативу в принятии соответствующих решений Кадлубек приписывал князю Казимиру, за нарушение решений съезда устанавливались лишь церковные санкции. Булла угрожала отлучением от церкви каждому, кто силой или «каким-либо другим способом» отобрал или приказал отобрать хлеб у крестьян. Такому же наказанию должен был подвергнуться тот, кто забрал или приказал бы забрать у крестьян подводы или лошадей: так разрешалось поступать лишь в том случае, если необходимо было срочно сообщить о нападении вражеского войска.

Лица, которые раньше пользовались такими преимуществами, в рассказе Кадлубка фигурируют, как «*potentes*», в соответствующем тексте буллы говорится о «*principes terrae*». Так как подобные документы составлялись в папской канцелярии на основе текстов, присланных просителями, то имеет значение, что в хронике Кадлубка эта формула использовалась для обозначения крупных вельмож, наместников округов.³² Таким образом, в этих высказываниях магистра Винцента подвергалась критике деятельность тех знатных лиц, которых он поддерживал как главных организаторов переворота 1177 г. В этом противоречии отразились своеобразные переломные черты в положении польской знати второй половины XII в. Знатные люди, наместники округов, стремились всемерно увеличить свои владения и доходы с них, но одновременно широко пользовались теми преимуществами, которые давали им традиционные институты «княжого права».

Исследователи спорили о том, каково было реальное содержание решений Ленчицкого съезда, насколько полно они освобождали на-

³² Grodecki R. Zjazd łęczycki 1180 r. // Grodecki R. Polska piastowska... S. 102 i n.

селение тех или иных владений от соответствующих повинностей³³. Принципиально важно, однако, другое. Решения Ленчицкого съезда стали важным принципиальным шагом на пути к ликвидации в общегосударственном порядке ложившихся своей тяжестью на формирующееся землевладение светских феодалов и церкви поборов и повинностей, связанных с деятельностью институтов «княжого права», что вело в перспективе к слою традиционной, тесно связанной с государственной властью системы управления и росту самостоятельности социальной элиты общества в ее отношениях с носителями государственной власти. Хотя участие в работе съезда всех польских епископов несомненно повлияло на характер его решений, без согласия светских участников съезда — собравшейся в Ленчице знати — они не могли быть приняты. Отказ светской знати от некоторых преимуществ, которые давала ей в рамках «княжого права» административная власть, говорит о том, что для светских вельмож постепенно более важным становилось освобождение своих владений от поборов и повинностей, характерных для строя «княжого права», чем выгоды, которые этот порядок приносил знатным лицам как представителям власти. Таким образом, у светских и церковных землевладельцев все сильнее формировалась общность интересов, связанная с совместной борьбой за ликвидацию институтов «княжого права». Как представляется, именно поэтому Кадлубек уделил особое внимание принятию Ленчицкого статута.

Появление в сознании церковной и светской элиты Малой Польши к концу XII в. новых представлений о характере отношений между высшим носителем власти и социальной элитой позволяет выявить анализ рассказа магистра Винцента о событиях, происходивших в Кракове в 1184 г. после неожиданной смерти князя Казимира.

Согласно рассказу Кадлубка, краковский епископ Пелка (Fulko), предварительно посоветовавшись со знатью, «созвал всех на собрание». К участникам собрания епископ обратился с большой речью, а которой предложил возвести на краковский стол старшего из двух малолетних сыновей Казимира, Лешко Белого. Когда один

³³ *Russocki S. Posługi komunikacyjne // Słownik starożytności słowiańskich. Wrocław etc., 1972. T. IV. S. 247 i n.*

из участников собрания выступил с возражениями, епископ произнес еще одну речь, в которой дополнял и развивал свои доводы (IV, 21).

Из выступления оппонента епископа и содержания его речей можно составить представление о том, какие возражения и почему вызвало предложенное решение. Краковский стол был главным княжеским столом в Польше, сидевший на нем князь был главным из польских князей, по выражению самого Кадлубка «монархом всей Лехии», поэтому на этом столе по традиции сидел старший из членов княжеского рода. Когда малопольская знать свергла Мешко III, она передала трон следующему по старшинству члену княжеского рода. Решение о возведении Лешко на краковский стол означало самое грубое нарушение установленных прав наследования³⁴. Очевидно поэтому в заключительной речи епископ утверждал, что «устав прадедов», по которому краковский стол должен всегда занимать старший в роде, отменен папой Александром III и императором Фридрихом Барбароссой. Как главные авторитеты христианского мира, пояснял епископ в изложении Кадлубка, они имеют право устанавливать новые нормы права и упразднять старые. Другая необычная черта предложенного решения заключалась в том, что на главный княжеский стол Польши предлагалось возвести маленького мальчика. Именно поэтому против предложенного решения, согласно Кадлубку, выступил один из участников собрания, который утверждал, что ребенку нельзя доверять управление взрослыми людьми. Отвечая на это замечание, епископ сказал, что монарх управляет государством не сам, а с помощью более низких носителей власти (*per administratorias potestates*). Это заявление епископа не случайно привлекло к себе внимание исследователей, так как в нем наиболее ярко проявились новые взгляды на характер отношений между носителем верховной власти и социальной элитой. В модели раннефеодального государства монарх, от которого зависело распределение должностей и доходов, и который предводительствовал войском на войне, занимал ключевое место, так что военные неудачи и другие отрицательные явления часто прямо связывали с болезнью и старостью правителя. В новой модели отношений, когда

³⁴ *Smolka S. Mieszko Stary... S. 363 i n.; Grodecki R. Dzieje wewnętrzne Polski XIII w. // Grodecki R. Polska piastowska... S. 129—130.*

знать с формированием ее землевладения все более превращалась в самостоятельную силу, располагающую собственными источниками доходов, монарх мог стать своеобразным символом государственного единства, а реальная власть должна была сосредоточиться в руках окружавших его представителей знати³⁵.

После того как участники собрания были убеждены речами епископа, главы малопольского духовенства, в действие вступил первый из светских вельмож, краковский воевода Миколай, который поучал всех сохранять верность своему князю, а затем привел участников собрания к присяге. В результате при формальном наличии князя как главы государства реальная власть оказалась в руках предводителей духовных и светских землевладельцев. Далее Кадлубек записал, что «часто упоминаемые мужи, епископ Пелка и комес Миколай, занимающий должность воеводы, вместе с некоторыми сановниками берут на себя заботы о государстве, поручая управление им способным и достойным доверия людям. И утихло на какое-то время в стране, и на время настал покой» (IV, 23). Эти высказывания ясно показывают, что Кадлубку такое положение дел представлялось почти идеальным. В этой серии высказываний, произнесенных Кадлубком от своего имени или вложенных им в уста епископа, можно видеть обозначившийся к самому концу XII столетия своеобразный итог эволюции представлений социальной элиты польского общества о желательной модели взаимоотношений между носителем высшей государственной власти и социальной элитой.

Анализ этой части повествования Кадлубка позволяет раскрыть еще один аспект представлений о взаимоотношениях власти и общества, присущих социальной элите польского общества, и охарактеризовать связанные с ними особенности ее поведения.

Приведенные выше аргументы епископа доказывали лишь возможность возведения на княжеский стол малолетнего носителя высшей власти. Чтобы обосновать необходимость такого решения, он, в изложении Кадлубка, прибег к другому аргументу. Епископ

³⁵ См. об этом подробнее: *Lalik T. Społeczne gwarancje bytu. Państwo i Kościół // Kultura Polski średniowiecznej X—XIII ww. Warszawa etc., 1985. S. 141—142.*

объяснял слушателям, что есть глубокая разница между правом выбора и наследованием. При праве выбора избиратели пользуются полной свободой, и в этом случае предпочтение, конечно, отдается взрослым людям. Но когда речь идет о праве наследования, то здесь выбора нет, и наследовать могут любые лица, даже дети грудного возраста, родившиеся после смерти отца, они только нуждаются в опекунах до достижения соответствующего возраста. Поэтому, утверждал епископ, у участников собрания нет иного выбора, кроме передачи трона старшему сыну своего князя.

Изложенная в этих пассажах хроники Кадлубка аргументация, как справедливо отмечено в научной литературе³⁶, отражала своеобразное переходное состояние в развитии взглядов социальной элиты польского общества на характер отношений между обществом и властью. Уже появилось представление о возможности выбора социальными верхами общества того кандидата, деятельность которого отвечает его интересам, и они фактически используют такое право, возводя на престол Лешко и нарушая тем самым все сложившиеся правила наследования краковского трона. Вместе с тем, этот круг людей еще не был готов открыто признать за собой это право, и реальные выборы маскируются ссылками на необходимость соблюдения наследственного права, которого в данном случае фактически не было, так как ни предшественники Казимира, ни он сам не были наследственными обладателями краковского стола.

Обращение к последующему повествованию Кадлубка показывает, что аналогичная попытка представить избрание правителя как нечто совсем иное, как следование нормам наследственного права, имеет место в его тексте при описании событий 1202 г., когда выросший Лешко отказался править краковским столом на предложенных ему условиях и краковская знать решила предложить престол сыну Мешко III Владиславу Ласконогому. В уста направленных к этому князю послов вкладываются слова, что речь не идет о каком-либо выборе и князь приглашается на престол, как наследник своего отца, ранее правившего в Кракове (IV, 26).

³⁶ *Grodecki R. Dzieje wewnętrzne ... S. 179—180.*

Рассказывая о возведении на краковский трон Владислава Лаского (одно из последних известий хроники), Кадлубек записал: «Итак перед лицом всей Польши с согласия князей, вельмож и всех воинов, от простого воина до обладателя высшей должности, правителем Кракова установили князя Владислава» (IV, 26). Это свидетельство показывает, кто имел право участвовать в собраниях, участники которых стали возводить на краковский стол князей по своему выбору. Это были «воины» (*milites*), княжеские дружинники, постепенно превращавшиеся в феодалов-землевладельцев.

Все разобранные выше свидетельства Кадлубка не оставляют сомнений в том, что в его хронике получили яркое отражение взгляды церковных и светских землевладельцев Малой Польши. Существовали ли в польском обществе на рубеже XII—XIII вв. иные представления и попытки осуществлять их на практике? В какой мере взгляды, характерные для сознания церковной и светской знати Малой Польши, можно считать характерными для знати других польских земель?

Закономерно прежде всего поставить вопрос, какую реакцию вызывали происходившие перемены в сознании приверженцев прежнего порядка, прежде всего тех, чьи интересы в наибольшей степени этими переменами ущемлялись, т.е. членов княжеского рода.

Произошедшие перемены наносили их интересам значительный ущерб уже потому, что социальная элита Малой Польши стала распоряжаться княжеским столом по своему усмотрению, ставя тем самым под сомнение традиционные основы власти правителя над подданными. Но этим нанесенный ущерб не ограничивался. Через весь текст хроники красной нитью проходит убеждение, характерное, конечно, не для одного Кадлубка, о тесной, неразрывной связи между краковским столом и верховной властью над польскими землями, представление, которое в последних десятилетиях XII в. было традиционным и общепринятым в глазах всего польского общества. Возведя на этот стол мальчика, краковская знать тем самым фактически выступала с претензиями на осуществление от его имени верховной власти над другими польскими землями и сидевшими в них на столах членами княжеского рода.

Сохранился документальный источник, отражающий усилия членов княжеского рода, направленные на устранение этих перемен. Это текст буллы папы Иннокентия III от 9 июня 1210 г., адресованной польскому духовенству и выданной по просьбе одного из польских князей³⁷. В этой булле папа напоминал о существовании завещания Болеслава III Кривоустого, утвержденного святым престолом, по которому на краковском столе должен сидеть старший в княжеском роде, и после его смерти его должен сменить следующий по старшинству. Папа напоминал, что нарушитель этих норм, согласно этому установлению, должен быть отлучен от церкви. Папа призывал епископов соблюдать эти нормы и карать их нарушителей церковными санкциями. Перед нами очевидный след усилий князей, направленных на то, чтобы отстранить малопольскую знать от распоряжения краковским столом по своему усмотрению.

Повествование Кадлубка также содержит сведения о реакции Мешко III на решения, принятые в Кракове после смерти Казимира. Реакция эта изложена в форме речи Мешко III, обращенной к другим польским князьям. В этой речи, как ее излагает Кадлубек, соединяются две основные мысли. Первая касается опасностей, которым подвергнется страна, во главе которой стоит малолетний правитель. Поступившие так отдали государство на добычу врагам, разве волк пощадит овец, оставшихся без пастыря? Во второй части речи Мешко раскрывает причины, побудившие малопольскую знать принять такое решение. Организаторы избрания Лешко «избирают ребенка князем, чтобы таким образом они сами правили самими правящими». Но замыслы их идут дальше. Они намерены, искоренив весь правящий род, свободно владеть, «чтобы вместо одной головы среди них выросло столько правителей, сколько голов» (IV, 22).

Что побудило Кадлубка включить в свой труд эту речь, содержащую столь резкие обвинения по адресу малопольской знати? Конечно, поскольку Мешко III на страницах Хроники был обрисован как жестокий и несправедливый тиран, можно было надеяться, что к его

³⁷ Текст буллы см.: *Kodeks dyplomatyczny Śląska*. Т. II. Wrocław, 1959. № 137. Об этом выступлении см. подробнее: *Zientara B. Henryk Brodaty...* S. 153—155.

обвинениям читатель не отнесется серьезно. Чтобы подчеркнуть их абсурдность, хронист вложил князю в уста обвинение малопольской знати в том, что она намерена истребить весь правящий род. Эти обстоятельства, важные сами по себе, все же не объясняют появление на страницах Хроники этой речи. Объяснение приносит рассказ о последующих событиях. Хронист был вынужден так поступить, чтобы объяснить, почему, когда Мешко III попытался силой занять Краков, его поддержали другие члены княжеского рода, его племянники Болеслав и Мешко, правившие в Силезии³⁸.

В еще более трудной ситуации оказался Кадлубек, когда ему пришлось объяснять, почему несколько лет спустя Лешко и его мать Гремислава добровольно уступили краковский стол Мешко III. В этой связи Кадлубек помещает в своей Хронике текст еще одной речи Мешко III, обращенной к Лешко и его матери. В речи говорится, что Мешко III посвятит Лешко в рыцари и усыновит, и так будет обеспечена законная преемственность власти. Власть будет передана ему правителем, а не народом, который постоянно меняет свои решения. Далее в речи говорится о том, что положение правителя, зависящего от народа, незавидно. «Так долго будешь ему подходить, — читаем в речи, — как долго будешь полезен; будешь править до тех пор, пока будешь покоряться». Далее хронист сообщает, что убежденные этими словами вдова Казимира и его сын уступили краковский стол Мешко III, так как «лучше править по милости дяди, чем всегда зависеть от расположения народа» (IV, 25).

У читателя приведенных текстов Кадлубка должно было складываться совсем иное представление о взаимоотношениях власти и общества, чем у читателя хроник, возникших в эпоху раннего средневековья. В них снова отражается вложенное на этот раз в уста представителей противной стороны представление об антагонизме между носителями верховной власти и обществом, о стремлении князей положить конец излишней самостоятельности социальной элиты польского общества.

³⁸ *Smolka S. Mieszko Stary...* S. 369, 371; *Zientara B. Henryk Brodaty...* S. 100.

Вместе с тем и сами происходившие в 90-х гг. XII в. события и комментарии Кадлубка показывают, что сторонники перемен столкнулись в своей политике с противодействием со стороны объединившихся членов княжеского рода. Все это позволяет полагать, что этой борьбе сопутствовала и идейная полемика между приверженцами традиции и приверженцами перемен. К сожалению, о содержании такой полемики невозможно составить точное представление, так как нет оснований полагать, что Кадлубек объективно передал аргументы противников его и его лагеря.

Насколько сильное воздействие оказывали пропагандируемые Кадлубком взгляды на польское общество рубежа XII—XIII вв.? Изучение самих известий Кадлубка показывает, что даже на территории Малой Польши эти взгляды не пользовались еще общим признанием. Так, у самого хрониста читаем, что, когда Казимир с войском находился в 1191 г. в походе, сторонники Мешко III во главе с краковским каштеляном Г. Кетличем силой захватили Краков, несмотря на противодействие епископа Пелки, и призвали сына Мешко III Болеслава с войском (IV, 16). Возвращение Мешко III на краковский стол после соглашения с Лешко и его матерью также вряд ли было бы возможно, если бы у князя не было сторонников в Малой Польше. Правда, у Кадлубка мы читаем, что, когда Мешко III снова утвердился на краковском столе, он начал посягать «на чужие имения и деньги», т.е. попытался вернуться к прежним методам правления и снова был изгнан из Кракова (IV, 25). Все это позволяет утверждать, что взгляды, пропагандировавшиеся в Хронике Кадлубка, были в Малой Польше господствующими, но не единственными.

Большие трудности представляют поиски ответа на вопрос, в какой мере эти взгляды могли влиять на сознание социальной элиты других польских земель. Следует обратить внимание на некоторые особенности Хроники, которые могли препятствовать распространению изложенных в ней взглядов. Кадлубек явно признавал право выбора правителя лишь за вельможами и «воинами» Малой Польши. Так, после сообщения о возведении Казимира на краковский стол хронист рассказывает о мерах, принятых Казимиром как новым верховным князем Польши для урегулирования междукняжеских отношений. Он произвел перераспределение земель между силезскими

князьями, поставив одного из них князем в Глогове; утвердил за Лешко, сыном Болеслава Кудрявого, его земли и приставил к нему в качестве опекуна комеса Жиру; Богуслава он поставил князем Западного Поморья (IV, 8). О каком-либо участии представителей общества в этих действиях князя Кадлубек не говорит. Заслуживает внимания сообщение хрониста о том, что после низложения Мешко III с краковского стола его родовые владения в Великой Польше захватил его старший сын Одо, и князь с тремя сыновьями от второго брака был вынужден искать приюта в городе Ратибор в Силезии (IV, 7)³⁹. Это указывает как будто бы на то, что и в Великой Польше были силы, считавшие, что общество может устранить неугодного правителя. Однако, следует учитывать, что в 1181 г. Мешко III вернул себе власть над великопольскими землями и удерживал их за собой без каких-либо серьезных конфликтов вплоть до своей смерти в 1202 г., а великопольское войско поддерживало своего князя в его попытке занять Краков после смерти Казимира. Очевидно, значение этого эпизода не стоит преувеличивать.

При возможной оценке сферы воздействия взглядов, изложенных в Хронике Кадлубка, следует учитывать и итоги исследования социально-политической истории Силезии в первой трети XIII в. в книге Б. Зентары. Исследователь убедительно показал, что силезские князья в конце XII — первых десятилетиях XIII в. пользовались всей полнотой традиционно принадлежавшей им власти и вплоть до 30 гг. XIII в. у них не возникало серьезных конфликтов ни со светской знатью, ни с церковной иерархией. Все это с известным основанием позволяет предполагать, что те новые взгляды на отношения власти и общества, которые получили отражение в Хронике Кадлубка, в то время, когда писался его труд, пользовались общим признанием, по-видимому, лишь в среде социальной элиты Малой Польши.

Особого рассмотрения заслуживает вопрос о том, как представлял себе хронист, во время написания своего труда — уже высокопоставленный католический прелат место церкви, прежде всего церковной иерархии в общественной жизни, в отношениях между

³⁹ Подробнее об этих событиях: *Smolka S. Mieszko Stary...* S. 306—307; *Zientara B. Henryk Brodaty...* S. 120.

властью и обществом. Уже разобранные выше известия Кадлубка о событиях 70-х—90-х гг. XII в. показывают, что церковная иерархия в лице краковских епископов Гедко, а затем Пелки занимала видное место в рядах тех сил, которые стремились к разрушению традиционного порядка. В столкновениях между верховным носителем власти и социальной элитой краковские епископы активно выступали на стороне последней. Вместе с тем, обращение к повествованию Кадлубка позволяет отметить, что в нем содержалось историческое обоснование той роли, которую сыграли церковные иерархи в развернувшемся во второй половине XII в. конфликте. Кроме того, Кадлубек изложил в своем повествовании и свои взгляды на идеальную модель отношений духовной и светской власти в обществе. Соответствующие взгляды хрониста сложились под явным влиянием такого политического мыслителя, как Иоанн Сольсберийский. Взгляды Иоанна Сольсберийского на характер отношений духовной и светской власти были типичными для католической церкви после григорианского периода, хотя и приобрели некоторые новые нюансы в условиях оживления во второй половине XII в. интереса к вопросу о роли и значении права в жизни общества и возрождения студий над текстами римского права.

Посвященный теме отношений светской и духовной власти раздел в IV книге «Поликратикуса» открывался заголовком «Правитель является слугой духовных и низшим по сравнению с ними». Согласно рассуждению Иоанна, правитель получает знак своей власти — меч из рук церкви. Это «меч крови» (*gladius sanguinis*), с помощью которого он карает за преступления. Тем самым церковь передает ему ту часть своих обязанностей, исполнение которых недостойно рук священника. В этой связи Иоанн Сольсберийский уподобляет правителя мяснику⁴⁰. Эту часть его воззрений можно считать типичной для католической церкви после григорианского периода.

Вместе с тем, — и это признак наступления новых времен — мыслитель отмечает, что роль светской власти не сводится только к карательной функции. Государство должно сохранять порядок в обществе и обеспечивать счастливую жизнь подданным, что возможно

⁴⁰ *Boczar M. Czlowiek i wspólnota... S. 134, 137.*

лишь при установлении и соблюдении норм права⁴¹. Право — дар божий, высшей ценностью является божье право — «*lex aeternum*» и оно должно служить образцом для законодателя⁴². Однако знанием «божьего права» обладает только церковь и на ней лежит право и обязанность следить за тем, чтобы установления светской власти не противоречили «божьему праву»⁴³. Обращение к новой тематике, таким образом, приводит Иоанна Сольсберийского не только к более глубокому обоснованию превосходства церковной власти над светской, но и к заключению, что церковь должна постоянно наблюдать за действиями светской власти и направлять ее.

Прямые отголоски этих взглядов обнаруживаются в рассказе Кадлубка о первом польском короле Болеславе Храбром, который к концу XII в. выступал в сознании польского общества как образец идеального правителя. Желая знать, как следует править, этот монарх отправляется за поучениями к св. Войтеху, который наставляет его, что правитель «связан правом» и должен соблюдать его нормы. Но при этом он должен знать, что «божье право», поскольку оно безупречно, стоит выше права человеческого, и его нормы во всем должны служить образцом. Поэтому правитель в своей деятельности должен руководствоваться советами духовных лиц. Правитель, по словам Кадлубка, последовал этим поучениям, неизменно предлагая свои решения для оценки «боящимся Бога мужам» (II, 10). Нетрудно видеть, что этот рассказ представляет собой краткий пересказ охарактеризованных выше воззрений Иоанна Сольсберийского, привязанный к личности самого выдающегося польского монарха⁴⁴. Очевидно, что его поведение должно было служить образцом для его преемников.

Охарактеризованные выше взгляды о взаимоотношениях духовной и светской власти Иоанн Сольсберийский и его близкий друг архиепископ Кентерберийский Томас Бекет использовали для того, чтобы отстаивать независимость церковной власти от светской, добиваясь, в частности, чтобы клирики, виновные в уголовных преступлениях,

⁴¹ Boczar M. Człowiek i wspólnota... S. 35—36.

⁴² Ibid. S. 39.

⁴³ Ibid. S. 135—136.

⁴⁴ См. также: Łowmiański H. Religia słowian i jej upadek. Warszawa, 1979. S. 337—339.

даже в случае лишения сана не подлежали юрисдикции светского суда. Ряд острых высказываний, направленных против неумеренных претензий светской власти, настаивающей на особом значении своих законов, читается в разных частях «Поликратукуса»⁴⁵.

Как увидим далее, Кадлубек использовал идеи Иоанна Сольсберийского, чтобы внушать читателю несколько иные представления.

Взгляды Кадлубка на роль церкви в жизни польского общества XI—XII вв. позволяет установить анализ ряда помещенных в его повествовании рассказов о действиях духовных иерархов. Рассказы эти немногочисленные, но каждый раз речь идет о действии, поступке, занимающем важное место в жизни общества.

Первый из таких эпизодов — рассказ о столкновении короля Болеслава II Смелого с краковским епископом Станиславом. В главном источнике Кадлубка — хронике Галла об этом эпизоде сохранились лишь отрывочные и неясные сведения. Ясно лишь, что епископ был обвинен в измене («*traditio*») и король приказал его четвертовать. Хронист не одобрял ни епископа-изменника, ни короля, подвергшего высокопоставленное духовное лицо («помазанника») такому наказанию (Галл. I, 27). Это краткое и неясное высказывание, где ничего не говорится о причинах столкновения, было заменено в сочинении Кадлубка обширным повествованием, которое, по заключению исследователей, в его основной части следует рассматривать, как плод вымысла хрониста⁴⁶. Это обстоятельство придает данному рассказу при характеристике взглядов Кадлубка особый интерес, так как не стесненный необходимостью считаться с традицией, с теми или иными историческими реалиями, хронист мог свободно излагать свои взгляды на отношения правителя и церкви. Повествование Кадлубка начинается с сообщения о том, что занятый войнами Болеслав II редко находился в стране. Когда он особенно долго был в походе на Руси или даже в землях «за Партами», «невольники» участвовавших в походе «воинов» женились на дочерях и женах своих господ, захватили

⁴⁵ *Boczar M. Człowiek i wspólnota...* S. 43, 46 i n.

⁴⁶ См., например, заключение Т. Грудзиньского, что для истории конфликта рассказ Кадлубка «*nie ma wartości źródłowej i historyk musi ją eliminować*» (*Grudziński T. Bolesław Śmiały—Szczodry i biskup Stanisław. Dzieje konfliktu.* Warszawa, 1982. S. 155—156).

их дома, укрепили города и встретили возвращающихся господ с оружием в руках. Далее читаем, что вернувшиеся «воины» жестоко наказали восставших «невольников» и неверных жен (II, 18). Источником для этого сообщения послужил рассказ, восходящий к Геродоту, о скифах и их женах. Его краткое содержание приводит сам Кадлубек в «ученом» комментарии к собственному рассказу (I, 19).

Эти действия «воинов» привели к конфликту между ними и правителем. В этих действиях король, по словам хрониста, увидел угрозу своей власти, так как он может остаться без подданных. Кроме того, король обвинял «воинов» в том, что, желая вернуть своих жен и имущество, они бросили короля во время похода. В результате он стал требовать «головы» военачальников. Эта часть рассказа заканчивается сообщением, что с особой жестокостью Болеслав II стал преследовать жен, которых простили их мужья. Он приказывал отбирать у них младенцев и заставлял их кормить грудью щенят (II, 20).

Последнее сообщение привлекло к себе внимание исследователей, пытавшихся определить его возможный источник. Так, в частности, обращали внимание на рельефы романских храмов, где изображены попавшие в ад грешные женщины, которые кормят грудью щенят.⁴⁷ Позднее был указан и другой возможный источник — рассказ в Хронике Козьмы Пражского о войне чехов с лучанами, где сообщается, что в случае победы враги «будут творить насилие над вашими женами, убивать младенцев на коленях матерей, а их [заставят] кормить грудью щенят»⁴⁸. В этом обороте исследователи усматривают формулу, которая означает полное уничтожение противника. Поэтому исследователи видят в этом сообщении Кадлубка его указание на то, что правитель хотел до конца истребить вызвавшие его недовольство знатные роды⁴⁹.

Каковы бы ни были источники заимствования, как представляется, данное сообщение Кадлубка играло в его повествовании иную роль, чем скрытая передача некой информации. Заставляя женщин кормить щенят и лишая материнского молока их младенцев, монарх

⁴⁷ Grudziński T. Op. cit. S. 148—149.

⁴⁸ Козьма Пражский. Хроника чехов. I, 10, 12, 13.

⁴⁹ Plezia M. Retoryka mistrza Wincentego // Studia źródłoznawcze. T. XX. Warszawa, 1976. S. 93.

нарушал не только «людские законы», но и «естественное право», в котором, согласно Иоанну Сольсберийскому, отразились некоторые нормы «божественного права»⁵⁰, а за соблюдение «божественного права», разъяснял мыслитель, следует бороться даже с угрозой для жизни⁵¹.

Сообщения о несправедливых, жестоких, нарушающих все нормы права действиях Болеслава II должны были подготовить читателя к новому повороту действия — вмешательству в события краковского епископа Станислава. Епископ сначала увещевал князя, убеждая его, что такие жестокости приведут к гибели королевства, а когда убеждения не подействовали, «простер к нему меч клятвы», т. е. угрожал ему отлучением от церкви. Тогда, согласно рассказу Кадлубка, правитель ворвался со слугами в храм и приказал им убить епископа. Когда слуги под воздействием высших сил оказались не в состоянии это сделать, Болеслав II сам убил епископа и разрубил его тело на части. Эта часть повествования была создана магистром Винцентом под влиянием несомненно известных ему житий Т. Бекета (одно из них написал Иоанн Сольсберийский), рассказывавших об убийстве архиепископа Кентерберийского в храме приближенными короля Генриха II⁵². Кадлубек заострил сюжет, найденный им в этом источнике, сделав убийцей епископа самого монарха. Поступая таким образом, Кадлубек, как представляется, хотел лишить носителя высшей власти того полусакрального ореола, которым в XII в. он еще был окружен в сознании значительной части польского общества.

За убийством епископа последовали чудеса. С четырех сторон света прилетели орлы, охранявшие его останки от хищных птиц⁵³. От

⁵⁰ О иерархии различных правовых систем у Иоанна Сольсберийского см.: *Boczar M. Człowiek i wspólnota...* S. 39—43.

⁵¹ *Ibid.* S. 39.

⁵² *Borawska D. Z dziejów jednej legendy. W sprawie genezy kultu św. Stanisława w Polsce.* Warszawa, 1950. S. 20—25.

⁵³ Мотив восходит, по—видимому, к *Passio sancti Adalberti*. См.: *Флорья Б. Н. Христианство в Древнепольском и Древнечешском государстве во второй половине X — первой половине XI в. // Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия.* М., 2002. С. 231.

разбросанных по земле останков исходили лучи света. Когда благочестивые люди пришли, чтобы собрать эти останки, они нашли тело епископа целым, даже без следов ран. Далее хронист кратко сообщает о том, что пораженный этим монарх, которого возненавидели, как «отечество», так и «сенаторы», бежал в Венгрию. Здесь, пораженный необычной болезнью, он покончил жизнь самоубийством, а его сын уже в юности был отравлен. Так весь род Болеслава понес кару за святого Станислава (II, 20).

Этот рассказ Кадлубка представляет собой один из немногих фрагментов II книги Хроники, где отсутствует раскрывающий значение событий «ученый» комментарий. Хронист, очевидно, полагал, что основной смысл его повествования и так ясен читателю. Заслуживает, однако, внимания характерное расхождение между историей Кадлубка и использованным хронистом образцом — житием Томаса Бекета. Архиепископ Кентерберийский погиб, защищая права церкви от притязаний светской власти, а Станислав пожертвовал жизнью, защищая «воинов» и их жен от несправедливого монарха, и именно за это он был причислен Богом к лику святых.

Следующее свидетельство о выступлении церковного иерарха относится в повествовании Кадлубка к 40 гг. XII в. К этому времени между сыновьями князя Болеслава III Кривоустого началась война. Согласно магистру Винценту, старший из братьев, Владислав, желая стать единовластным правителем, попытался отобрать у младших братьев их владения, лишив их наследства. Просьбы братьев не преследовать их не возымели действия. Видя такую несправедливость, знать и глава польской церкви архиепископ гнезненский Якуб перешли на сторону молодых князей (III, 26, 28). В дальнейшем архиепископ у Кадлубка никакого участия в развитии событий не принимает. Спор братьев решается оружием под стенами Познани. Однако упоминание архиепископа в тексте Кадлубка не было случайным.

В одном из главных памятников польской историографии XIII—XIV вв. «Великопольской хронике», которая в своей начальной части представляет пересказ Хроники Кадлубка, при описании событий, связанных с осадой Познани, присутствует важный эпизод, касающийся архиепископа Якуба. Здесь говорится, что архиепископ прибыл в лагерь Владислава и потребовал, чтобы тот примирился с

братьями и увел «варварское» войско, которое бесчестит девиц и насилует жен. Когда увещания не подействовали, архиепископ отлучил Владислава от церкви, как «врага христианской веры»⁵⁴.

То, что архиепископ Якуб отлучил Владислава от церкви, подтверждается таким современным событиям авторитетным источником, как письмо папы Евгения III моравскому епископу, где читаем, что Владислав, собрав «множество сарацин, что в наше время является неслыханным и негуманным, напал на христианскую землю», и за это архиепископ Якуб отлучил его от церкви⁵⁵. Таким образом, согласно папской булле, Владислав был отлучен от церкви за то, что привел с собой «сарацинское» (очевидно, половецкое) войско для борьбы со своими противниками-христианами.

В рассказе «Великопольской хроники» важна не религиозная принадлежность «варварского» войска, а то, что оно совершает насилия⁵⁶. Князь нарушает принятые нормы обращения с братьями, обращения с подданными, и за это архиепископ объявляет его «врагом христианской веры». Архиепископ выступает подобно святому Станиславу, как борец с несправедливостью, защитник несправедливо обиженных «младших» князей, «воинов», поддержавших их справедливое дело, страдающих от бедствий войны женщин. Очевидно, что перед нами круг идей, весьма близких взглядам Кадлубка.

В этой связи заслуживает внимания заключительный эпизод рассказа «Великопольской хроники», где говорится, что Владислав не поднял руки на епископа, и поэтому его потомки смогли в дальнейшем унаследовать часть владений своего отца. Связь этого сообщения с рассказом Кадлубка о св. Станиславе очевидна.

Эти наблюдения позволяют предполагать, что данный фрагмент «Великопольской хроники» следует рассматривать, как утраченную в русле главной рукописной традиции часть первоначального повествования Кадлубка. В Малой Польше, где прежде всего сохранялась

⁵⁴ Pomniki dziejowe Polski. Ser. 2. T. 8. Kronika wielkopolska. Warszawa, 1970. S. 85.

⁵⁵ Цит. по: Smolka S. Mieszko Stary... S. 459.

⁵⁶ Характерно, что в рассказе о войне магистр Винцент несколько раз упоминал о наборе Владиславом «иноземных» войск (III, 28), никак не комментируя этот факт.

и переписывалась Хроника, не были заинтересованы в сохранении памяти о деяниях гнезненского архиепископа, запись о которых сохранилась лишь в том экземпляре Хроники, который попал на земли Великой Польши. Стоит отметить также, что в Хронике Кадлубка все выступления церковных иерархов — заметные события в общественной жизни, и беглое упоминание архиепископа Якуба было бы единственным непонятным исключением.

Намеченная в этих рассказах линия получает развитие и завершение в заключительной, IV книге Хроники. В иной связи уже говорилось о важной роли, которую сыграл в событиях, связанных с низложением Мешко III, краковский епископ Гедко. Здесь важно отметить, что, согласно Кадлубку, именно епископ публично выступил против злоупотреблений приближенных князя, нарушавших установленные нормы, в защиту паствы, ставшей добычей хищных волков. «Не мог ведь милостивый пастырь, ставя под угрозу вечное спасение, отнестись с пренебрежением или обойти молчанием столь острое притеснение своей паствы» (IV, 2). Это смелое выступление навлекло на епископа гнев князя, который решил отправить его в ссылку, но, как отмечает Кадлубек, узнав об угрозах со стороны князя, мудрый епископ «и сам избег его козней и других научил, как могут их избежать» (IV, 3).

После низложения Мешко III имел место ряд столкновений между ним и новым краковским князем Казимиром, и после одного из таких столкновений в плен к Казимиру попали сын Мешко III Болеслав и его воины (IV, 16). Конец конфликту, согласно повествованию Кадлубка, положило вмешательство гнезненского архиепископа Петра, убедившего Казимира и его советников освободить пленных. В его уста хронист вкладывает речь, полную примеров из античной и библейской истории, свидетельствующих о том, что на благоволение Бога, пославшего Казимиру победу, следует ответить добрыми деяниями, а не безбожной кровавой местью (IV, 17). Казимир освобождает пленных, и это приводит к установлению долгожданного мира.

Анализ рассмотренных текстов показывает, что церковные иерархи предпринимают общественно значимые действия, которые неизменно получают самую высокую положительную оценку хрониста. Церковная иерархия выступает в текстах Кадлубка, как сила,

препятствующая обострению конфликтов в обществе, указывающая правильный путь их разрешения. Вместе с тем церковь выступает и как сила, защищающая общество от несправедливых действий власти, добивающаяся восстановления норм права, нарушенных этой властью. В защиту же каких-то собственных прав церкви епископы у Кадлубка ни разу не выступают. Пропаганда в Хронике Кадлубка именно такого взгляда на роль церкви в общественной жизни сложилась в условиях характерной для рубежа XII—XIII вв. расстановки социальных сил в польском обществе. К этому времени, как уже отмечалось, сложился союз церковных и светских землевладельцев, добивавшихся ослабления позиций раннесредневековой монархии в обществе, превращения ее из господствующей силы в партнера формирующейся социальной элиты. Эта общая заинтересованность прочно объединяла церковную и светскую элиту общества в их противостоянии государственной власти. Неудивительно потому, что у Кадлубка церковная иерархия последовательно выступала как защитник общих интересов этих социальных слоев перед лицом государственной власти.

При рассмотрении вопроса о роли церкви в общественной жизни заслуживает внимания один важный идеологический аспект наметившегося противостояния. Авторитет государственной власти в обществе опирался на традиционные нормы «княжого права». Поэтому для достижения стоявших перед социальной элитой целей необходимо было эти нормы дезавуировать, показать возможность их замены другими, более совершенными. Отсюда интерес Кадлубка (очевидно, присущий не только ему одному) к идеям Иоанна Сольсберийского о различии между несовершенными «*leges civiles*» и вечно неизменным и совершенным «божественным правом». Несовершенные «*leges civiles*» нуждались в изменениях, чтобы приблизиться к нормам, если не «божественного», то хотя бы «естественного» права, сохранявшего в себе отблески этого высшего начала. Своими примерами Кадлубек, как представляется, стремился доказать, что борьба за достижение этой цели может быть успешной лишь под руководством церкви, обладающей знанием норм «божественного права» и готовой возглавить борьбу за изменение несовершенного светского законодательства. Так Кадлубек обосновывал ведущую роль церковной ие-

пархии в складывавшемся союзе духовной и светской знати Малой Польши.

Еще в период раннего средневековья защита страны была одной из главных обязанностей правителя, и оценка его деятельности зависела от того, насколько успешно он справлялся с исполнением этой обязанности.

Кадлубек в этом отношении всецело следует за своими предшественниками. В его иерархии ценностей воинские доблести как правителя, так и простого воина, занимают видное место. Воину, бежавшему с поля битвы, вручают в подарок кудель, веретено и заячьи шкурки, и он вешается, не вынеся позора (III, 26). Одновременно с большим одобрением Кадлубек пишет о поступке воина, отдавшего в битве Болеславу III своего коня. За это князь возвысил его, обогатил и включил в ряды своих «рыцарей» (III, 26).

Характеризуя «дурного правителя» Помпилия (Помпея), запятнавшего себя убийством родственников, Кадлубек пишет, что он предавался удовольствиям в обществе женщин, был первым в бегстве, последним в сражении (I, 19). Его печальная судьба, его гибель не случайна. В доказательство этого Кадлубек приводит рассказ о Сарда-напале, проводившем свое время в обществе женщин и разделявшем их занятия, которому подданные отказали в повиновении (I, 20).

Однако подобный «дурной правитель» фигурирует лишь в повествовании Кадлубка о древнейшем периоде польской истории. Правители династии Пястов выступают на страницах его труда не только как умелые полководцы, но и как храбрые воины, несущие гибель неприятелю, врываясь в его ряды (примером могут служить рассказы о военных подвигах Болеслава III /III, 26/; о славных деяниях Казимира II /IV, 14/). Даже о старом и больном Владиславе Германе хронист записал, что, несмотря на свой преклонный возраст, он постоянно давал отпор врагам, нападавшим на Польшу (II, 22); маленького Лешко Белого хронист одобряет за его желание участвовать в военном походе, хотя он еще не может сражаться (IV, 24).

В основной части повествования Кадлубка княжеская власть выступает как сила, успешно защищающая страну от нападений врага, и такие ее действия постоянно получают высокую оценку. Примером может служить рассказ о войне Болеслава III и его воеводы

Скарбимира с нападавшими на Польшу поморянами. Описав их подвиги в войне с врагом, Кадлубек устами одного из епископов, участников диалога, констатирует, что эти подвиги совершались из любви к отечеству, и, приводя примеры подобных подвигов, совершенных героями античных времен, констатирует, что добродетель состоит в том, чтобы ценой собственного вреда положить конец общественным бедствиям (II, 26—27).

Чтобы создать у читателя впечатление об успешном выполнении правителями этой своей функции, Кадлубек умалчивает о фактах, которые такой оценке противоречат. Так, по его описанию, поход, предпринятый Фридрихом Барбароссой против польского князя Болеслава Кудрявого, закончился полной неудачей, когда немецкое войско было блокировано и оказалось перед угрозой голодной смерти (III, 30). В действительности поход завершился тем, что Болеслав Кудрявый принес ленную присягу императору⁵⁷.

В этой сфере отношений Кадлубек подчеркивает единодушие подданных и правителя. Описывая борьбу против войск напавшего на Польшу в 1109 г. императора Генриха V, он специально обращает внимание на то, что вместе с войском Болеслава III на немецких воинов нападали жители города Глогова, мужественно выдержавшие долгую осаду вражеской армии (III, 18).

Характеризуя эту сторону взглядов Кадлубка, следует отметить его убеждение в том, что враждебные и коварные соседи заслуживают сурового возмездия. Описания такого возмездия в Хронике встречаются неоднократно. Наиболее яркую характеристику таких действий обнаруживаем в рассказе о походе воинов Болеслава III на Галицкую землю. Воины сжигают города и села и убивают всех, кто попадает им навстречу, не щадя даже беременных женщин (III, 24). В другом разделе Хроники можно прочесть, как польское войско разоряет поселения прусов и сжигает находящиеся в них запасы хлеба (IV, 19).

В освещении всех этих вопросов Кадлубек выступает как продолжатель более ранних традиций польской общественной мысли, как апологет княжеской власти в еще большей мере, чем хронист начала

⁵⁷ *Grodecki R. Dzieje Polski średniowiecznej. T. I. Kraków, 1926. S. 152 i n.*

ХІІ в. Галл Аноним, не скрывавший от читателя, что Польшу «топтали враги», когда по старости и болезни Владислав Герман был не в состоянии командовать войском (Галл. II, 10, 20).

Черты нового во взглядах Кадлубка проявляются в том, что в его повествовании князь-правитель уже не выступает как единственный защитник страны от нападений врага. В этой роли выступают в его Хронике также плоцкие епископы Симон и Александр, защищающие Мазовию от нападений прусов и поморян. Если Симон собирает воинов и побуждает их вступить в битву с грабителями-поморянами, то Александр сам становится во главе войска, являясь одновременно и епископом, и воином, за что, по оценке Кадлубка, он «заслуживает наивысшего восхищения» (III, 8).

Отношение к низам общества, к простым людям оказывается у Кадлубка разным в разных частях его труда. Забота о бедных, внимание к ним очевидно в I книге его Хроники. Появление института княжеской власти он связывает с появлением закона и установлением справедливости. Если ранее, пишет он, справедливо было то, что приносило пользу наиболее сильному и богатому, то с появлением законов власть должна больше заботиться о том, кто меньше может (I, 5)⁵⁸. В этой же ранней части труда неоднократно говорится о том, что в древности Польшей правили люди «низкого и неясного происхождения», которые, однако, сумели дать отпор войскам Александра Македонского и Цезаря (I, 9, 11). Рассказ о возвышении первого представителя династии Пястов, Земовита, сына простого крестьянина, хронист сопровождал рассуждением, что «благородное великодушие не всегда живет в городах, украшенных башнями, оно не пренебрегает и домами убогих» (II, 4). В соответствии со своим рассуждением о том, что такое справедливость, хронист записал о Болеславе Храбром, что тот «в делах людей притесняемых выступал не как судья, а как защитник» (II, 10).

Хотя Кадлубек признавал, что среди простых людей могут появиться личности, выдающиеся по своим достоинствам, он считал это явлением редким: «Чем является добродетель у человека низкого

⁵⁸ На важность этих высказываний справедливо обратила внимание Б. Кюрбис // *Mistrza Wincentego kronika polska...* S. 41.

происхождения, — писал он, — солнцем у антиподов» (I, 12). Как целое простой народ неопытен и легко может стать добычей предприимчивого самозванца. Сообщение о самозванце Маславе, захватившем власть в Мазовии в 30-х гг. XI в., Кадлубек сопровождал историей о ремесленнике Гипандре, ставшем правителем македонцев. Он обещал понизить налоги, «и не подвела его наивность легковерной толпы» (II, 15).

Обращение к основной части повествования Кадлубка показывает, что положение простых людей, их судьба не входили в круг интересов магистра Винцента. XII век в истории Польши ознаменовался целым рядом войн между членами княжеского рода. Кадлубек порицает такие войны, в которых свои убивают своих (IV, 23), но, в отличие от древнерусских летописцев, он ни разу не упоминает об участии простых людей, прежде всего страдавших от таких войн. Когда Кадлубек обличает злоупотребления приближенных Мешко III, как пострадавшее лицо в его рассказе выступает знатный землевладелец. Когда он хвалит князя Казимира II за то, что тот одни налоги уменьшил, а другие совсем отменил (IV, 8), то явно одобряет меры, предпринятые в интересах землевладельцев, свергших Мешко III.

Можно отметить лишь одно исключение. Это комментарий Кадлубка к установлению запрета отбирать у крестьян коней, хлеб и солому при поездках вельмож по стране. В этой связи Кадлубек не только говорит о «бедных людях», страдающих от таких злоупотреблений. У него читаем, что эти злоупотребления давали «немалую причину для разбоев, а иногда и для убийств» (IV, 9). Здесь мы видим определенное понимание того, что злоупотребления могут создать угрозу общественному порядку. Однако следует иметь в виду, что для труда Кадлубка — это буквально единичное, уникальное высказывание.

В связи с отношением Кадлубка к социальным низам следует под иным углом зрения коснуться помещенного в его Хронике рассказа о восстании невольников во время отсутствия в стране Болеслава II. Хотя речь идет явно о сюжете литературного происхождения, как уже отмечалось выше, все же следует рассмотреть, как его описывает и оценивает Кадлубек. По его словам, «невольники» (*servi*), пользуясь отсутствием «воинов», склонили к сожительству с собой их жен и дочерей, а когда воины вернулись, они оказали им сопротивление. За

это вернувшиеся подвергли «невольников» жестоким казням. Такую кару Кадлубек считает справедливой, а поступок жен называет ужасным и неслыханным преступлением, которое нельзя сравнить ни с каким другим поступком (II, 18). Очевидно, в восприятии Кадлубка их преступление было большим, чем преступление «невольников»⁵⁹. Так резко осуждает хронист отступление от главных, основных норм общественного порядка.

Разумеется, следует быть осторожным в суждениях, имея дело с литературным сюжетом, привлеченным к тому же для того, чтобы показать особую роль церкви в обществе, но все же следует отметить, что в мировоззрении Кадлубка социальные низы (или какая-то их часть) могут восприниматься как враждебная сила, способная при благоприятной ситуации нарушить существующий общественный порядок.

Следует обратить внимание на одну важную особенность в повествовании Кадлубка. «Невольники» (*servi*) его рассказа далее в речи Болеслава II выступают как «*plebs*», без существования которого не может существовать и правитель, т.е. это понятие обозначает у Кадлубка собственно не рабов, а всю массу подданных низкого общественного положения. В этой связи заслуживает внимания замечание о возможной социальной функции такого использования «античной» терминологии. В заострении им в духе античных представлений оппозиции «*servi*» — «*liberi*», когда термин «*servi*» распространяется на все социальные низы, усматривают отражение стремлений польских землевладельцев второй половины XII в. усилить свою власть над зависимым населением⁶⁰.

⁵⁹ *Trawkowski S.* Monarcha wobec ludu w świetle "Kroniki" Mistrza Wincentego // *Człowiek w społeczeństwie średniowiecznym*. Warszawa, 1997. S. 371.

⁶⁰ *Ibid.* S. 377—378.

**МОНАРХ И ОБЩЕСТВО В ЧЕШСКОМ ГОСУДАРСТВЕ XII в.
ГЛАЗАМИ ХРОНИСТОВ**

XII век в чешской истории, в особенности под углом рассмотрения отношений верховной власти и общества, хронологически ограничен двумя событиями: 1125 годом — переходом власти к Собеславу I и 1197 годом — получением королевской короны с правом ее наследственной передачи Пршемыслом Отакаром I. Эта дата, обозначившая поворот в чешской истории, начало ее нового периода, признается чертой, разделяющей раннее и зрелое чешское Средневековье, всеми историками, в том числе крупнейшими специалистами Й. Жемличкой и его постоянным оппонентом В. Ваничеком, считающими концом «княжеского периода» именно 1197 г.¹ XII век для Чехии — это завершение «княжеской эпохи», если пользоваться термином, устоявшимся в чешской историографии, переход к более высокому государственному статусу, что, безусловно, существенно изменило соотношение сил между верховной властью и чешским обществом, прежде всего знатью, дружиной и духовенством.

¹ Přehled dějin Československa. I/1. Praha, 1980. S. 133—139, 187; Bláhová M., Frolík J., Profantová N. Velké dějiny zemí Koruny české. I: do roku 1197. Praha-Litomyšl, 1999; Vaníček V. Velké dějiny zemí Koruny české. II: 1197—1250. Praha; Litomyšl, 2000. S. 15—16; Žemlička J. Čechy v době knížecí (1034—1198). Praha, 2007.

Выбор первой даты — 1125 г. во многом обусловлен сменой главного исторического источника. Этим годом заканчивает свою «Чешскую хронику» Козьма Пражский. Этим же годом начинается фиксация событий другими хронистами, известными в науке под совокупным названием «продолжатели Козьмы». Именно они приводят те данные (факты и изредка комментарии), на основе которых мы можем не только реконструировать отношения в обществе, но и судить об интерпретации этих отношений самими хронистами, т. е. мы можем определить оптику хрониста как представителя той или иной социальной группы и даже политической группировки чешского общества. Корпус текстов продолжателей Козьмы Пражского является сложносоставным. Источниковедческий анализ этого источника сделан чешскими исследователями при публикации хроники в XIX в.² В отечественной науке он представлен в книге Л. П. Лаптевой³. Суммарная характеристика специфики каждого текста и взглядов их авторов дана в фундаментальном труде чешских историков⁴.

Все произведение принято разделять на две большие части — Первые продолжатели Козьмы и Вторые продолжатели Козьмы. В свою очередь Первые продолжатели состоят из двух частей: хроники Сазавского монаха и хроники Вышеградского каноника. Первая из них, написанная в Сазавском монастыре в 1177 г., непосредственно продолжает Козьму Пражского и доводит повествование до 1162 г. Сведения хроники надежны, изложение отличается объективностью и беспристрастностью, как отмечает Л. П. Лаптева⁵. К этому необходимо добавить, как уже отмечали чешские историки⁶, что именно Сазавский монах, говоря о борьбе Собеслава I с императором, формулирует идеологему чешского патриотизма, прямо связывая ее с моделью

² *Fontes rerum Bohemicarum. D. II: Kosmův Letopis český s pokračovateli* / Ed. J. Emler. Praha, 1876 (далее FRB).

³ *Лаптева Л. П.* Письменные источники по истории Чехии периода феодализма. М., 1985. С. 52—56.

⁴ *Kutnar F., Marek J.* Přehledné dějiny českého a slovenského dějepisectví. Praha, 2009. S. 28—30.

⁵ *Лаптева Л. П.* Указ. соч.

⁶ *Kutnar F., Marek J.* Op. cit. S. 28.

политической власти в Чехии. В целом же сочинение имеет характер монастырской хроники, ограниченной кругом интересов своей обители. Вышеградский каноник излагает события с 1125 г., его повествование отличается по характеру освещения событий. Автор — хорошо образованный чех, свидетель и очевидец многих описываемых им событий, его хроника весьма достоверна, по своим политическим убеждениям он приверженец Собеслава I, которого и прославляет в своем сочинении⁷. Он также уделяет значительное внимание отношениям монарха и знати, приводит красочные рассказы о заговорах против князя и их последствиях, подчеркивает сакральный аспект чешского патриотизма, связанный со спецификой культа св. Вацлава. Эти особенности обусловлены тем, что хроника возникла в привилегированном монастыре, находившемся под особым покровительством чешских князей. Поэтому она отражает взгляды как светских патронов монастыря, так и определенных церковных кругов. Ф. Кутнар и Я. Марек, анализируя взгляды хрониста, употребляют термин «феодальный патриотизм», показывая, что хронисту присуща «живая национальная остро антинемецкая направленность, реалистическое видение мира и жизни». Св. Вацлав предстает как «отец чешского народа, наследник чешской земли, а чехи — как его семья». Тем самым хронист, по сравнению с Козьмой Пражским, делает новый шаг в утверждении государственно-правовой функции святовацлавского культа и, что самое важное, «в рамках христианского мышления формулирует политическое понятие чешского народа и государства»⁸.

Вторые продолжатели Козьмы — это комплекс повествований, состоящий из нескольких частей, выделенных исследователями из единого текста, составленного и отредактированного в начале XIV в. В него входят:

1. Выписки из хроник Винценция и Ярлоха начиная с 1154 г., а также выписки из «Пражских анналов».
2. Чешские летописи с 1196 г. до 1278 г.
3. История Вацлава I.

⁷ Лантева Л. II. Указ. соч. С. 54.

⁸ Kutnar F., Marek J. Op. cit. S. 28.

4. История Пршемысла Отакара II.
5. «О тяжких годах после смерти короля Отакара».
6. Заключение составителя всего текста.

Изложение событий доведено до 1283 г. Источник характеризуется фрагментарностью и компилятивностью⁹. Как единое, цельное произведение (без вычленения составных частей) «Вторые продолжатели Козьмы», как и было задумано их редактором-составителем начала XIV в., впервые изданы М. Благовой и З. Фиалой в 1974 г. в серии исторических источников, издаваемых крупнейшим чешским книгоиздательством «Свобода». Публикация восстанавливает целостность источника, однако, это не оригинальный латинский текст, а его перевод на современный чешский язык¹⁰. Для нашей темы интересен первый из вышеуказанных текстов, относящийся к XII в., однако он очень лаконичен и сух, лишь яркий рассказ о доблести чешского войска под командованием Владислава II при взятии Милана императором Фридрихом Барбароссой нарушает монотонность хрониста.

Хроники пражских клириков Винценция¹¹ и Ярлоха содержат мало материалов, интересных для нашей темы, но они важны своей интерпретацией событий, в особенности хроника Ярлоха, автор которой проявляет себя убежденным сторонником не только княжеской власти, но и единства — симфонии — светской и церковной властей, феноменальным образом осуществившегося, когда пражский епископ Индржих Бржетислав стал по воле императора чешским князем, то есть соединил в своих руках митру и корону. Сам хронист Ярлох был немцем (его настоящее имя — Герлах), членом ордена премонстратов, с 1177 г. он подвизался в Чехии. В дьяконы

⁹ Лаптева Л. П. Указ. соч. С. 54.

¹⁰ Pokračovatelé Kosmovi. Praha, 1974; см. также: Bláhová M. Druhé pokračování Kosmovo // Sborník historický. Praha, 1974. T. 21. S. 17.

¹¹ См. новейшее исследование: Kernbach A. Vincenciova a Jarlochova kronika v kontextu svého vzniku. Brno, 2010. Автор уделяет значительное внимание античным и ветхозаветным реминисценциям хронистов, связанным с прославлением власти чешских правителей, с созданием ими образа идеального монарха.

его в 1184 г. рукоположил сам пражский епископ Индржих Брже-тислав. В этом факте, очевидно, и надо искать истоки прославления хронистом деяний епископа, ставшего князем. В 1187 г. двадцатипятилетний будущий хронист стал аббатом Милевского монастыря в Чехии. Свою хронику он написал в начале XIII в. В ней, как справедливо отметил Б. Н. Флоря, он постоянно осуждает чешскую знать за ее вероломство (*perfidia*) и одновременно одобряет вмешательство императора в чешские дела, поскольку оно поддерживает верховную власть князя и власть императора над Чехией как над любой другой страной Империи¹². Вряд ли справедливо считать Ярлоха лишь сторонником церкви, критикующим чешских князей и положительно оценивающим стремление императора ослабить чешское государство¹³. Хронист выступает как выразитель имперской позиции, для которой важно укрепление вертикали светской власти и ее союз с церковью в рамках Империи. Винценций, придворный хронист Владислава II (середина XII в.), также занимает позицию, осуждающую властолюбие чешской элиты. Ядром его повествования стало описание похода Фридриха Барбароссы в Италию в 1158 г., когда чешские войска Владислава II отличились при взятии Милана. Хронист был свидетелем этого события, что придало черты мемуарности его хронике, в целом представляющей внешнюю политику Владислава II¹⁴.

Можно утверждать, основываясь на анализе текстов, что ни один из продолжателей Козьмы не выражает интересы чешской светской знати, наоборот, большинство хронистов явно стоит на стороне монарха, пражского князя, отстаивая его интересы прежде всего в не прекращавшейся весь XII в. борьбе между князьями из правящего рода Пршемысловцев за пражский престол, тот стародавний каменный трон, который еще князь Борживой в IX в. поставил посередине Пражского Града, символизируя, как справедливо считал Д. Тршештик, переворот в общественном устройстве — переход не только к единству чешских племен, но и к доминированию пражского князя над остальными членами

¹² Флоря Б. Н. Об этнических взглядах хрониста Ярлоха // *Folia Historica Bofemica*. 12. Praha, 1988. S. 109—122.

¹³ Kutnar F., Marek J. Op. cit. S. 29.

¹⁴ Ibid.

рода¹⁵. Междоусобия князей-Пршемысловцев собственно и составляли главное содержание, наряду с военными походами в зарубежные страны, рассказов Продолжателей Козьмы. Также эти хроники выражают церковную точку зрения на происходящие события, формулируемую высшим клиром. Чешской знати, элите общества, как и остальным его слоям, они уделяют внимание лишь постольку, поскольку они принимали участие в междоусобной борьбе князей, сами по себе они, за редкими исключениями, не становились объектом внимания хронистов. Поэтому из хроник мы ничего не можем узнать об эволюции чешской знати, дружины, клира, крестьянства в XII в., об изменении экономической базы страны и трансформации самого социума. Источником для такого анализа служит актовый материал, великолепно исследованный чешскими историками, выяснившими существенные изменения, происходившие в экономическом и социально-политическом развитии чешского общества именно в XII в.

В чешской исторической науке XII столетие изучено весьма основательно. Кроме довольно схематичного и неполного в смысле изложения исторических событий XII в. анализа в коллективном обобщающем труде «Обзор чехословацкой истории»¹⁶ имеется целый ряд работ монографического характера, посвященных государству Пршемысловцев. Все они базируются на фундаментальном труде классика чешской исторической науки Вацлава Новотного, создавшего в первой половине XX в. целостную картину чешской истории IX—XIII вв.¹⁷ Во второй половине XX в. с марксистских позиций эпоху Пршемысловцев анализировал крупный знаток этой эпохи Зденек Фиала¹⁸, которому оппонировал Ростислав Новый, не разделявший

¹⁵ Třešník D. Počátky Přemyslovců. Vstup Čechů do dějin (530—935). Praha, 1997; Тржеши́тик Д. Великая Моравия и возникновение государства Пршемысловцев (Святополк и Борживой) // Великая Моравия, ее историческое и культурное значение. М., 1985. С. 171—172.

¹⁶ Přehled... . S. 133—147.

¹⁷ Novotný V. České dějiny. I. 1. Od nejstarších dob do smrti knížete Oldřicha. I. 2. Od Břetislava I. do Přemysla I. a Václava I. I. 4. Rozmach české moci za Přemysla Otakara II. Praha, 1912—1937.

¹⁸ Fiála Z. Přemyslovské Čechy. Český stát a společnost v letech 995—1310. Praha, 1975.

теорию о феодальном закабалении крестьянства в раннем Средневековье¹⁹. В центре их внимания находилось государство и общество, характер их развития, центральноевропейская специфика, однако Чехия рассматривалась ими достаточно изолированно, без широкого европейского контекста. Работы Душана Тршешика 1980-х гг. произвели настоящий переворот в интерпретации чешской истории раннего Средневековья. Собственно XII в. он не уделял специального внимания, однако его общая концепция раннего Средневековья с его спецификой верховной власти князя и большим значением дружины как сообщества свободных людей, образующих «политическую нацию»²⁰, оказала сильное влияние на историографию. Отражению идеологии общества в искусстве раннего Средневековья посвящено исследование «Романское искусство в Чехии и Моравии», написанное Д. Тршешиком и искусствоведом А. Мерхаутовой²¹ и ставшее образцом анализа идеологием в невербальных источниках. Из концепции Д. Тршешика исходит Йозеф Жемличка, многочисленные работы которого, от статей до солидных монографий, составляют основной корпус исследований о пршемысловском государстве²². Его книги, издаваемые и переиздаваемые большими тиражами ведущими издательствами, очень популярны в современном чешском обществе, взгляды которого на раннее Средневековье они во многом и формируют. Й. Жемличка детально прослеживает эволюцию чешского общества, его различных слоев и, что самое главное, рассматривает чешскую историю в широком международном контексте, прежде

¹⁹ *Nový R. Přemyslovský stát 11. a 12. století. Praha, 1972.*

²⁰ *Třešník D. Počátky Přemyslovců...; Idem. Kosmova kronika. Studie k počátkům českého dějepisectví a politického myšlení. Praha, 1968; Idem. Mír a dobrý rok. Státní ideologie raného přemyslovského státu mezi křesťanstvím a «pohanstvím» // Folia Historica Bohemica. 12. Praha, 1988. S. 23—45.*

²¹ *Merchautová A., Třešník D. Romanské umění v Čechách a na Moravě. Praha, 1983.*

²² Основные работы: *Žemlička J. Čechy v době knížecí. Praha, 1997; Idem. Počátky Čech královských. Praha, 2002; Idem. Století posledních Přemyslovců. Praha, 1998; Idem. Přemyslovci. Jak žili, vládli, umírali. Praha, 2005; Idem. «Omnes Bohemi»: Od svatováclavské čeledi ke středověké šlechtě // Monumenta Historica Bohemica. Praha, 1993. T. 3. S. 111—133.*

всего связи Чешского княжества с Империей и ее политикой. Далее мы остановимся на взглядах Й. Жемлички по ряду конкретных проблем, сейчас же отметим, что и в его капитальном труде «Чехия в княжеский период (1034—1197)» отношения княжеской власти и того слоя, который позднее получит название шляхты, уделено не столько внимания, сколько эта тема заслуживает. Он также слишком скупно цитирует источники, оставляя вне своего текста некоторые любопытные детали и факты, приводимые хронистами. Это позволяет нам более подробно останавливаться на сообщениях хроник. Итогом исследований государства Пршемысловцев стала огромная по объему коллективная монография чешских авторов «Пршемысловцы. Создание чешского государства»²³. Наряду с собственно чешскими историками пршемысловскую Чехию исследуют моравские историки. Вратислав Ваничек по многим позициям оппонирует Й. Жемличке, в центр своего внимания он ставит структуру и эволюцию чешской и моравской шляхты²⁴. Моравские историки более молодого поколения заняли критическую позицию по отношению к чешским коллегам также в вопросе государственности. Они считают, что самостоятельность и специфичность государства Пршемысловцев — это скорее концепт чешской историографии XIX—XX вв., и предлагают рассматривать раннесредневековую историю страны в широком контексте имперской и восточноевропейской истории, что позволяет сделать вывод о глубокой интеграции Пршемысловцев и их владений в имперские структуры²⁵. Интересующий же нас аспект — рефлексия общественной мысли, выражаемая хронистами той эпохи, по пово-

²³ *Sommer P., Třeštík D., Žemlička J.* (editors). *Přemyslovci. Budování českého státu*. Praha, 2009.

²⁴ *Vaniček V.* Šlechta a český stát za vlády Přemyslovců. (K formování ideologie české šlechty od 11. do počátku 14. století) // *Folia Historica Bohemica*. 12. Praha, 1988. S. 65—107; *Idem.* *Soběslav I. Přemyslovci v kontextu evropských dějin v letech 1092—1140*. Praha; Litomyšl, 2007.

²⁵ *Wihoda M.* Nostra terra tua est camera. České země v historických počátcích středovýchodní Evropy // *Wihoda M., Reitinger L. a kolektiv.* *Proměna středovýchodní Evropy raného a vrcholného středověku. Mocenské souvislosti a paralely*. Brno, 2010. S. 11—33.

ду исторических событий и эволюции общества и власти в чешской историографии не стал предметом специальных исследований.

Чтобы понять, как общественные связи и их трансформация осмыслились общественным сознанием, следует начать с характеристики перелома в положении знати в XII в., приведшего к изменению ее отношений с верховной властью.

Институция монарха не претерпевает каких-либо принципиальных изменений по сравнению с XI в. Пражский князь по-прежнему является главой дружины, верховным сувереном многочисленных удельных князей, связанных с ним родовыми узами, и воплощает в себе идею государства. Он эффективно осуществляет управление страной через систему крепостей, охватывающую всю территорию страны. Получение Владиславом II в 1158 г. королевского достоинства от императора Фридриха Барбароссы в сущности ничего не изменило ни в положении Чехии в системе Империи, где владыка Чехии занимал место после имперских князей, ни в отношениях чешского монарха и чешской знати. «Королевский эпизод», оказавшийся кратковременным, поскольку корона в силу ряда обстоятельств не перешла по наследству, лишь подчеркнул другую проблему — степень зависимости пражского князя от Империи. На протяжении всего XII в. императоры (или римские короли) предпринимали вмешательство в чешское престолонаследие, самолично назначая нового князя, что шло в разрез с традициями свободного избрания «всеми чехами» своего князя из рода Пршемысловцев. Нарушая прерогативу чехов, император ставил в прямую зависимость от себя их князя, поэтому повышение статуса последнего до королевского лишь акцентировало эту зависимость и, естественно, не могло приветствоваться чешской знатью. Многочисленные в XII в. «назначения» императорами чешских князей делают чешскую княжескую институцию все менее зависимой от избирательного волеизъявления чешской знати. Однако, привязанная к политике императора, она обретает увеличивающуюся самостоятельность во внутривнутриполитической системе страны. С одной стороны, знать недовольна таким нарушением своих стародавних прав, дававших возможность влияния на внутреннюю политику, ограничением своих привилегий. С другой стороны, имперские «назначения» чешских князей влекли за собой более активное участие

этих князей, а соответственно и всей дружины, в многочисленных, практически перманентных войнах, которые вели императоры в Германии и особенно в Италии. Тем самым дружина получала надежный источник дохода, обеспечивающий ее существование и функционирование. Участие в императорских походах также давало возможность дружинникам прославиться своими подвигами, т. е. влияло на упрочение категории рыцарской чести и доблести, игравшей одну из основных ролей в становлении идеологии чешского дворянства. Очевидно в силу приведенных соображений чешская знать в XII в. фактически не сопротивлялась (за исключением поддержки Собеслава I, отстаивавшего право выборности от посягательств Лотаря III) «назначениям» своих князей, производимых императорами.

Таким образом, эмансипация княжеской власти от чешской знати шла за счет усиления ее зависимости от Империи. Балансируя на этом, чешские князья в некоторых случаях усиливали свою личную власть (Собеслав I, Конрад Ота), но в целом XII в. прошел под знаком ослабления верховной власти. Этому способствовали также очень частая смена князей на пражском престоле, постоянные княжеские усобицы, свержения князей знатью. Чехарда на Пражском Граде также не в последней мере была вызвана фактором резкого увеличения рода Пршемысловцев. «Слишком много князей», как выразился кто-то из историков. Почти каждый из них стремился к большей власти, что постоянно дестабилизировало внутреннюю обстановку. Наибольшую опасность для пражских князей представляли претензии их моравских родственников, что в итоге привело к обретению Моравией автономного политического статуса. Это самостоятельная и довольно сложная проблема, постоянно приводящая к конфронтации современных чешских и моравских историков, но не имеющая прямого отношения к нашей теме.

Значительно большую трансформацию, чем институт княжеской власти, в XII в. претерпел социальный слой, который несколько позднее получил наименование шляхты (чеш. *šlechta*, ее представитель — *šlechtic*). Формирование этого слоя шло на протяжении X—XII вв. Государство Пршемысловцев развивалось без старой, родовой аристократии. Главной не только военной, но и социальной силой была

дружина, из рядов которой и формировалась шляхта²⁶. Она полностью зависела от князя, что обеспечивало их союз и его относительную прочность. По отношению к этому слою источники употребляют разные термины: *optimates*, *comites*, *primates*, *barones*, *maiores*, *principes*, *nobiles*. Современные чешские историки справедливо считают их синонимами, переводимыми на чешский язык одним термином — *předáci*, что соответствует древнерусским терминам «первые люди», «лучшие люди»; в современном русском языке *předáci*, как представляется, адекватны «лидерам». Весь социальный слой с некоторыми допущениями, учитывая будущее развитие, по-русски лучше называть шляхтой или дворянством. Знать, т. е. «лучшие люди» — лидеры составляли верхушку этого социального слоя, образуя особую социальную группу со своими интересами.

К рассматриваемому кругу терминов также необходимо отнести выражение «все чехи» (*omnes Boemi*) или просто «чехи». Это отнюдь не все племя чехов — свободных людей, установивших демократические порядки, как считала наука XIX в. Современная историография понимает под ним определенный социальный слой. Д. Тршешик дал ему новое определение: «все чехи» — это узкий слой лиц, формирующаяся шляхта, присвоившая себе «демократическую» идеологию родоплеменного строя²⁷. Исходя из этой дефиниции Й. Жемличка более подробно рассматривает проблему. Для него «чехи» («*Čechové*») не только племя (*gens*), не только этническая, но и прежде всего социально-политическая общность («*párod*») свободных мужей²⁸. Этот социальный слой в раннее Средневековье чрезвычайно широк, он объединяет людей очень разного положения от вельможи до княжеского крестьянина. Именно он в сфере идеологии, связанной со спецификой чешского религиозно-исторического сознания, образует «челядь святого Вацлава» как «военного правителя» «всех чехов»²⁹. Слово «челядь», употребляемое современными историками (чеш. *čeled'*), в латинских источниках фигурирует как *familia*, что лучше было бы переводить как «семья», поскольку

²⁶ Přehled... S. 123.

²⁷ Třešník D. Mír a dobrý rok... S. 35.

²⁸ Žemlička J. Čechy v době knížecí. S. 388.

²⁹ Ibid. S. 336.

в семье имеются старшие и младшие (соответственно «оптиматы» и простые дружинники), термин же «челядь» их всех уравнивает, хотя и подчеркивает их подчиненно-родственное положение по отношению к святому патрону. К «чехам» также принадлежали клирики, особенно высшие, хотя непонятно, входили ли в число «чехов» клирики-немцы, не имевшие никаких чешских корней, вроде аббата-хрониста Ярлоха или пражского епископа Менхарта. Й. Жемличка в своих трудах всегда ставит слово «чехи» в кавычки, подчеркивая тем самым, что это прежде всего политоним. Исследователь показывает, что именно этот слой участвовал в сеймах, избирал князя, являясь «политическим чешским народом»³⁰.

Постепенно из него выделяются лидеры — группа людей, влияющих на принятие государственных решений. Именно их и обозначают источники теми терминами, которые были приведены выше. Эта группа лидеров тесно связана, с одной стороны, с дружиной, с другой стороны, с князем, именно они занимают должности при дворе и на градах, толпятся у трона, имеют решающее влияние на выборах князя. Они — элита войска и ядро того слоя, который уже обозначается как «nobiles», «благородные». Их nobilitas детерминировалась «высокой» княжеской службой, верностью, мужеством и богатством. Именно они составляли высший слой дружины, называемый хронистами «*milites primi ordinis*» — «воинами первого ранга», а также «щитом страны». Князь считал себя обязанным им, искал их поддержки, раздавал им военную добычу (трибут) и бенефиции. Из этой элиты и формировались управители крепостей-градов и военачальники. Другая часть дружины, очевидно, количественно большая, называлась «*milites secundi ordinis*» — «воинами второго ряда». Й. Жемличка отмечает пестроту этого слоя, в который входили рядовые дружинники, а также княжьи крестьяне и министриалы, часто привлекавшиеся в войско в качестве вспомогательной военной силы. В исторической перспективе, обозначившейся именно в XII в., расслоение «всех чехов» на первый и второй ранги вело к образованию двух дворянских сословий — панов и рыцарей, составлявших

³⁰ *Žemlička J. Čechy v době knížecí. S. 336.*

вместе шляхту, т. е. собственно государственно-политическое общество³¹.

В середине XII в., как считают все исследователи, начинаются серьезные изменения внутри слоя свободных чехов. Стартует колонизация, в процессе которой земля приобретает большую ценность, чем военная добыча. «Лучшие люди» начинают концентрировать в своих руках значительные земельные владения с подданными и кормиться с них. Именно эти приобретения вели к изменению общественных отношений: дворянство приобретает независимые от княжеской власти источники доходов и становится заинтересованным в освобождении этих владений от воздействия государственных институтов. У монарха и дворянства формируются разнонаправленные интересы. В XII в. знать еще живет доходами от государственных институтов, но по мере разветвления процесса колонизации становится все менее зависимой от центральной власти.

Со второй половины XII в. термин «чехи» стал относиться только к лидерам, обозначая элиту страны³². Когда хронисты говорят о собрании «всех чехов», об участии «чехов» в политических и репрезентативных акциях, то ясно, что это лидеры, поскольку реальных «всех чехов» попросту не могли вместить в себя те пространства, в которых эти акции разыгрывались. Очень важно отметить, что, несмотря на выделение лидеров, они для обозначения своей группы продолжают использовать старую терминологию, относившуюся ко всем членам племени. Таким образом они становятся «солью народа», что позволяет им не только выступать от имени этого народа, но и манипулировать им в своих целях. В глазах своего князя и Империи они становятся репрезентантами всей страны и ее населения, что повышает их общественный престиж. Это обстоятельство особо подчеркивает В. Ваничек, говоря об интегративных процессах в генезисе шляхты. Он показал, что категории чести и знатности могли проявляться только в системе государства с его суверенитетом и целостностью территории. Эталон вассалитета как «постоянства в преданности» и «мудрости в советах» успешно работал не на уровне

³¹ *Žemlička J. Čechy v době knížecí. S. 200, 337.*

³² *Ibid. S. 337.*

реальных дел, а на уровне идеологии, обосновывая получение бенефициев наиболее именитыми, «благородными» дружинниками. В. Ваничек также отмечает расслоение дружины в XII в., называемое им феодализацией дружины, и, с середины XII в., превосходство высшей знати, выступающей как самостоятельный политический конструктивно действующий коллектив³³. Наряду с дезинтеграционными устремлениями знати в XII в., акцентируемыми Й. Жемличкой, В. Ваничек обращает внимание на центростремительные, интеграционные тенденции, поскольку именно служба князю являлась единственным путем к нобилитации. Отсюда следует заинтересованность шляхты в монархе³⁴. Однако надо отметить, что шляхта, безусловно будучи заинтересована в существовании самой институции монарха, отнюдь не стремилась к политической стабильности в стране. Частые смены персон на княжеском престоле приносили ей новые блага, бенефиции и привилегии от нового князя, заинтересованного в поддержке со стороны знати. Конечно, при этом отодвигалась от трона та часть знати, которая поддерживала предыдущего князя и вперед вырывалась новая, по возрасту более молодая часть знати, оттеснявшая старую. Так осуществлялась регенерация слоя в целом, поддерживавшая его жизнеспособность и дававшая силы к дальнейшему росту. Собственно говоря, шляхта была заинтересована в государственных переворотах до тех пор, пока она не создала себе крупных земельных владений, требовавших внутривластной стабильности.

Генезис шляхты в XII в. сопровождался формированием ее идеологии, обстоятельно исследованной В. Ваничком. Он подчеркивает, что знать осознавала себя сотворцом государства, его, наряду с монархом, воплощением³⁵. Так формировалось дуалистическое понимание государственной власти, оформившееся впоследствии в систему сословной монархии. Й. Жемличка не склонен считать шляхту государствообразующим элементом, настаивая на безусловном лидерстве монарха, воплощавшего именно в себе государственное начало,

³³ Vaniček V. Šlechta a český stát... S. 104.

³⁴ Ibid. S. 65.

³⁵ Ibid.

поэтому он называет раннесредневековую Чехию не «чешским», а «пршемысловским» государством³⁶.

Шляхта вырабатывает свою идеологию, отражающую ее интересы. В конце XII в. она уже осознает свою избранность, привилегированность, передающуюся по наследству, «по крови». Так, богатейший вельможа конца XII в. по имени Благословенный Грозната подчеркивал, что благородство основывается не только на держании бенефициев или на патримониях, но и на принадлежности к избранному обществу «*primates*» — «первых людей»³⁷. В. Ваничек отмечает, что в середине XII в. меняется понимание категории преданности. Со всей дружины она переходит как некий «категорический императив» на небольшой круг лиц и родов, лично связанных с монархом. Проводится политика систематической придворной приязни, гарантировавшая князю гораздо большую дееспособность³⁸.

С 1180-х гг. в дружине уже явно доминируют «воины первого ранга», лучшие роды имеют свои гербы. Идет феодальная экспансия шляхты, задержанная, однако, обновлением сильной монархической власти Пршемыслом Отакаром I. На протяжении всего XII в. внешняя политика остается чрезвычайно активной. Это говорит о том, что шляхта продолжает быть кровно заинтересованной в трибуте, военной добыче, по-чешски — «корысти». Очевидно, несмотря на отмечаемый исследователями процесс «феодализации шляхты», все же не он определял позиции этого слоя в XII в., а старый, традиционный тип функционирования дружины. Иная ситуация, когда шляхта начнет сопротивляться походам короля, обозначится в XIII в., что будет связано с ее новыми, землевладельческими интересами.

Хронисты XII в. подробно не рассказывают об участии шляхты в походах, о подвигах, деяниях чешских рыцарей, что невыгодно отличает чешскую хронистику от западноевропейской. Есть лишь два исключения: рассказы Сазавского монаха и Вышеградского каноника о битве чехов против императора у Хлумца в 1126 г. и о доблести чехов при взятии Милана в 1158 г. Возникает вопрос, почему чешские

³⁶ *Žemlička J. Čechy v době knížecí. S. 401—404*

³⁷ *Codex diplomaticus et epistolaris regni Bohemiae. Pragae, 1904—1907. T. I. S. 323.*

³⁸ *Vaniček V. Šlechta a český stát... S. 103.*

хронисты остались чужды жанру рыцарских деяний, ведь вряд ли их не было в действительности. С хронистикой контрастирует бытование в устной традиции жанра эпических песен. Так, в более поздней (начала XIV в.) так называемой Хронике Далимила рассказ о миланской победе и подвигах чехов дан намного ярче и подробнее, чем у Винценция, поскольку автор использовал популярные в тогдашней Европе сказания о доблести чехов, проявленной ими в составе армии императора Фридриха Барбароссы³⁹. Как уже отмечалось, политическая позиция всех хронистов была четко прокняжеской, поэтому им не было никакого резона воспевать подвиги «лучших людей», потенциально представлявших оппозицию центральной княжеской власти. Хронистики, связанной с дворами «лидеров чехов», в Чехии не существовало. В результате под пером хронистов возникал образ единой дружины, некоего боевого целого, никак внутренне не дифференцированного, всецело подчиненного инициативам князя-полководца. Тем самым фигура последнего приобретала еще большее значение благодаря ореолу единственного воителя, некоего совокупного тела чешских воинов.

Исследователи, подробно анализировавшие историю XII в., не ставили, как это ни покажется странным, вопроса о соотношении интересов и целей оппозиционной части шляхты и князей-Пршемысловцев, выступавших против пражского князя. Другими словами, остается невыясненным, кто кого использовал в своих целях. Становились ли князья-Пршемысловцы игрушкой, неким квазилегитимным щитом в руках шляхетской оппозиции против центральной власти, или же сами князья-Пршемысловцы использовали недовольных лидеров «чехов» для достижения своих политических целей, как правило для борьбы за пражский престол. Княжеские междоусобицы усугублялись тем, что в Чехии было «слишком много князей». Каждый стремился к увеличению своей власти и владений-уделов. В непрекращавшейся внутридинастической борьбе шляхта должна была занимать и фактически занимала, как мы увидим, ключевое место, ибо от ее

³⁹ FRB. III/1 Kap. XLVII. Об этом см.: *Bláhová M. Česká rýmovaná kronika tak řečeného Dalimila // Kronuka tak řečeného Dalimila. Praha, 1977. S. 196.*

поддержки зависела судьба того или иного претендента на трон. Но, рассматривая внутридинастические конфликты, можем ли мы считать их формой борьбы между элитой и центральной властью? Хронистика не дает нам какого-либо материала для решения этого вопроса. Представляется очевидным, что интересы князей-претендентов и оппозиционных лидеров шляхты часто могли совпадать, и эти две социально-политические силы нуждались во взаимной поддержке. Такое положение делало центральную княжескую власть весьма неустойчивой, что и демонстрирует история Чехии XII в.

Анализ текстов хроник позволяет достаточно полно выявить характер отношений между центральной властью - пражским князем и чешской знатью — формирующейся шляхтой, образующей дружину князя, а также с клиром. Таким образом мы также выявляем оптику хронистов, другими словами — общественную мысль, выражающую свою позицию по вопросу отношений власти и общества.

В 1125 г. князь Вратислав I, перед смертью помирившись со своим братом Собеславом, передал ему трон. Ясно, что передача прошла без традиционной процедуры избрания, но при четко выраженном одобрении знати. Сазавский монах зафиксировал, что Собеслав I был «возведен на престол отцовской славы при восторженных криках всех лучших людей»⁴⁰ и в стране наступила всеобщая радость. Попутно отметим, что хронист здесь описал старую чешскую традицию приветствовать избрание, интронизацию нового правителя громкими криками одобрения всех присутствующих, что подтверждало, легитимизировало само избрание. Это как бы голосовая печать на устном акте выборов. Интересно, что этот обычай, исчезнувший в XIII в. с превращением княжеской власти в королевскую, наследственную, был воскрешен Карлом IV в середине XIV в. в составленном им Уложении о коронации чешского короля, согласно которому при акте интронизации в соборе св. Вита «все присутствующие» т. е. элита общества, должны были по-чешски троекратно крикнуть «Rádi, rádi, rádi!»⁴¹. Реконструкция древнего «демократического» обычая одобрения возгласами нового избранника для Карла IV являлась

⁴⁰ Pokračovatelé... S. 11.

⁴¹ Karel IV. Literární dílo. Praha, 2000. S. 93.

частью обширной идеологической программы легитимации своей власти и того, что можно назвать ретроспективным патриотизмом, включавшим обновление символики и традиций былых времен. Но здесь нам важно другое, а именно то, что в понятие государственно-патриотической традиции прочно вошло представление о выборности монарха, причем «всеми чехами», под которыми уже совершенно очевидно понимались лишь «первые люди», лидеры, репрезентировавшие всю шляхту и выражавшие ее волю. Демократический имидж сохранялся при существенном, направленном в сторону элитарности, изменении состава электората.

Далее следует рассказ хрониста — Сазавского монаха о битве у Хлумца (1126 г.), в котором главным тезисом является отстаивание принципа выборности чешского князя. Хронист повествует о том, что моравский князь Ота, кстати старший на то время в роде Пршемысловцев, обвинил Собеслава перед императором Лотарем III в узурпации пражского трона, который, как считал Ота, «по наследственному праву был определен ему и обещан присягой всех вельмож чешской земли»⁴². Как видно из этой формулировки, Ота ссылается не на акт избрания, а лишь на обещания знати, апеллируя главным образом к традиции перехода трона к старшему в роде. Далее в хронике приводятся фиктивные речи Лотаря III и Собеслава I, в которых четко излагается имперская и чешская позиции по вопросу выборности чешского князя. Начиная поход против Чехии император заявляет, что выборы чешского князя могут совершаться только с разрешения императора. Собеслав I отвечает ему, что традиционно выборы князя никогда не были в компетенции императора, но «всегда зависели от воли лидеров (*principes*) чешской земли», император лишь утверждает избранника, передавая ему Чешское княжество в ленное владение⁴³. Собственно говоря, сопоставляя тезисы Оты и Собеслава I, мы видим столкновение двух концепций престолонаследия: по старшинству в роде, и тогда функция избирателей сводится лишь к фиксации этого права, или по праву самого избрания, и в таком случае резко возрастает зависимость кандидата от воли электоров. Отстаивая вторую позицию, Со-

⁴² Pokračovatelé... S. 11.

⁴³ Ibid. S. 11—12.

беслав I выступает, главным образом, защитником электорских прав «всех чехов». Это нужно ему прежде всего для консолидации шляхты в борьбе с агрессией Империи, которая в свою очередь укрепляет его внутривластные позиции. Конечно, Собеслав I лукавит, ведь сам он получил трон не в результате выборов, а по воле Владислава I, поддержанной знатью. Выдуманная речь, очевидно, нужна хронисту для изложения четкой позиции Чехии в ее отношениях к Империи, а не для поддержки прав знати, так как при дальнейшем изложении он всегда будет на стороне монарха в его борьбе со знатью.

После битвы у Хлумца, в которой пал Ота и чуть не попал в плен Лотарь III, Собеслав I делает мудрый политический шаг, примирившись с императором и торжественно оставив акт получения в лен Чехии от императора. Князь добился своего: император был вынужден лишь подтвердить его избрание. Важно подчеркнуть, что хронист акцентирует согласие на всю эту процедуру, полученное Собеславом I от чешской знати, ибо акт принесения вассальной присяги происходит в присутствии «нескольких вельмож»⁴⁴.

Очень важен сакральный элемент в концепции власти, представленной в хрониках. Конечно, все хронисты исходят из убеждения в божественном происхождении власти чешского князя и поддержке ее Богом. Тем самым князь как властитель *Dei gratia* отделяется от остального общества. К божественному покровительству, общему топосу Средневековья, прибавляется покровительство земских святых патронов, прежде всего св. Вацлава, что значительно расширяет сферу сакрального заступничества с одного князя на «всех чехов» — «челядь святого Вацлава». Этот аспект способствует сплочению князя и шляхты на уровне, который можно обозначить как этно-социо-государственно-сакральный. Сазавский монах подчеркивает душевное спокойствие Собеслава I незадолго до битвы у Хлумца, вкладывая в его уста следующую фразу: «Я полагаюсь на милосердие Божие и на заслуги святых мучеников Христовых Вацлава и Войтеха в том, что земля наша не будет отдана в руки чужаков». Затем князь, «обратив мысли свои к Богу, посетил все храмы и взывал к Богу о помощи и охране против своих врагов»⁴⁵.

⁴⁴ Pokračovatelé... S. 13.

⁴⁵ Ibid... S. 12.

Ротонда св. Георгия на горе Ржип.
Чехия. 1126 г., современное состояние после реставрации.

Зноймо. Ротонда св. Екатерины.

Роспись с изображением князей из династии Пршемисловцев.

Ок. 1134 г.

Денарии Собеслава I с изображениями дружины и ангела.
Чехия. 1125—1140 гг.

Денарии Владислава II: император Фридрих Барбаросса
передает королевскую корону Владиславу II;
два ангела держат крест.
Чехия. 1158—1172 гг.

Рельеф с изображением получения Владиславом II королевской короны. Прага. 1172 г.

Королевская печать Владислава II: св. Вацлав на троне.
Чехия 1169 г.

Королевская печать Владислава II: Владислав II на троне.
Чехия 1169 г.

Другой «продолжатель Козьмы», Вышеградский каноник, в рассказе о битве у Хлумца гораздо более сильно выделяет сакральный аспект, связанный с чешской святовацлавской историко-патриотической традицией⁴⁶. Для него победа чехов — это знак небесного заступничества св. Вацлава как небесного патрона Чехии и «всех чехов», а также как ее «вечного правителя». Специфика культа св. Вацлава, его уникальность в средневековой Европе хорошо исследована⁴⁷. Здесь важно отметить, что хронист активно использует семантику святовацлавского культа для обоснования не только сопротивления Империи, но и для консолидации чешского общества. Св. Вацлав поддержал чехов, следовательно, моравский князь Ота выглядит как отпавший от «семьи святого Вацлава», как предатель, обратившийся за помощью к неприятелю. В рассказе Вышеградского каноника государственно-патриотическое и сакральное образуют органическое и нерасторжимое единство. Возникает вопрос, почему сакральная идеология так слабо присутствует в рассказе Сазавского монаха, тоже, естественно, клирика. Объяснение этому видится в том, что Вышеградский каноник, очевидно, стоял гораздо ближе к князю, находясь в его резиденции в Вышеграде. Связь Вышеградского капитула с дворцовым окружением князя и с ним самим была гораздо более тесной, чем у Сазавского монастыря, переживавшего в XII в. период упадка и превратившегося в провинциальную обитель.

⁴⁶ Непонятно, почему Р. Антонин, справедливо указывая на настойчивое повторение темы божественного покровительства чешскому князю у чешских хронистов, не говорит о том, что это общепринятый средневековый топос. Также непонятно, почему автор выделяет сакральный аспект в битве у Хлумца только у Сазавского монаха и ничего не говорит об этом же у Вышеградского каноника, в хронике которого он представлен намного ярче и объемней. См.: *Antonín R. Panovník ve světě českých legend a kronik 10.—13. století // Proměna středověčného Evropy... S 492—493.*

⁴⁷ Укажу лишь на новейшее издание: *Svatý Václav. Na památku 1100. výročí narození knížete Václava Svatého / Ed. by P. Kubín. Praha, 2010.*

Добавляя в рассказ о битве элемент сакрализации Вышеградский каноник продолжал создавать государственную идеологию небесного покровительства чехам и их властителю. Хронист ничего не говорит об обмене мнениями по вопросу о выборности чешского князя, в то же время унижая Лотаря III, титулуя его «король Саксонский», хотя в 1125 г. он уже стал Римским королем. «Уменьшая» титул Лотаря III хронист четко дает понять, что тот не имел никаких прав на вмешательство в чешские дела, поэтому его поход выглядит как чистая агрессия, которая принесла немцам жестокое поражение. Очевидно, благодаря небесному заступничеству в битве у Хлумца «погибли только три славянина», а чехи вернулись «с великой честью и славой». Хронист употребляет выражение «вся семья (familia) святого Вацлава», к ней он относит «отцов, дедов и прадедов наших»⁴⁸. Очевидно, здесь понимаются все чехи (gens) независимо от их социального статуса, поэтому вводится слово «вся» (семья), что вряд ли адекватно переводить на чешский и русский языки как «челядь». Мы можем констатировать, что хронист отнюдь не сужает этот термин до слоя чешской знати, он его использует в широком смысле.

Далее хронист красочно описывает видение капеллана Вита, державшего в войске чехов «копье святого Вацлава», как это обычно делалось⁴⁹. Он увидел над наконечником поднятого в небо перед битвой копья самого св. Вацлава, сидящего в белых одеждах на белом коне. Ради справедливости хронист тут же отмечает, что другие этого чуда не видели⁵⁰. Таким образом, в хронике дружина предстает как войско св. Вацлава, т. е. происходит ее сакрализация. При этом акцентируется этническое противопоставление саксонцев и чехов-славян. Этого не заметил Й. Жемличка, который после первой констатации того, что термин *Bohemi/Voemi* имеет еще и этнический характер, рассматривает его далее исключительно как синоним знати⁵¹.

К святовацлавской традиции хронист добавляет святовойтехскую. Перед битвой Собеслав I посылает своего капеллана в деревню

⁴⁸ Pokračovatelé... S. 39.

⁴⁹ О копье св. Вацлава см.: *Nový R. Symboly české státnosti v 10.—12. století* // *Folia Historica Bohemica*. 12. Praha, 1988. S. 51.

⁵⁰ Pokračovatelé... S. 39.

⁵¹ *Žemlička J. Čechy v době knížecí*. S. 336.

Врбчаны, где в костеле на стене висело знамя св. Войтеха. Тот его взял и повесил на копье св. Вацлава во время битвы с саксонцами⁵². Здесь интересны два обстоятельства. Во-первых, наличие каменного костела в какой-то деревне недалеко от Хлумца, где к тому же находилась святовойтехская реликвия — знамя. Это объясняется тем, что костел был построен еще в X—XI вв. на землях рода Славниковцев, к которому принадлежал св. Войтех, отсюда его особое почитание в этом костеле, хотя сам храм был посвящен св. Вацлаву. Исследователи отмечают невозможность отнести этот храм, судя по его плану (костел сохранился в сильное перестроенном виде), к какому-либо конкретному стилю⁵³. Если мы посмотрим на современную карту Чехии, то увидим, что Врбчаны находятся довольно далеко на юго-запад от Хлумца, что требовало нескольких часов конной езды. Значит, за знаменем св. Войтеха Собеслав I послал специально, еще накануне битвы. Во-вторых, следует обратить внимание на сознательное объединение культов двух чешских небесных патронов в призыве их покровительства в решающей битве с саксонцами. Эти культы уже были объединены в храме св. Вацлава в Врбчанах, где хранилось знамя св. Войтеха. Соединяя их для победы дружины Собеслав I явно учитывал принцип дополнительности: главный святой князь-воин Вацлав получал поддержку пражского епископа Войтеха — светское, военно-дружинное начало получало церковное благословение. Очень характерно, что Вышеградский каноник специально подчеркивает, что саксонцев победил Бог⁵⁴, таким образом, по молитвам чехов их небесные патроны склонили высший промысел на сторону чехов. Так чешская дружина стала орудием Божьим. Черты сакрализации чешской дружины, здесь никак не отделяемой от ее князя-предводителя, земного заместителя св. Вацлава, находящегося на небе⁵⁵, значительно повышали престиж дружинников, придавая их статусу особую окраску, связанную с непреходящими христианскими ценностями.

⁵² Pokračovatelé... S. 40.

⁵³ Merchautová A., Třeštík D. Op. cit. S. 43, 44, 351.

⁵⁴ Pokračovatelé... S. 40.

⁵⁵ Žemlička J. Svatý Václav jako věčný kníže «Čechů» // Svatý Václav... S. 211—220.

Война превращалась из княжеского междоусобия в богоугодный отпор чужакам-агрессорам.

Для темы единства исторического, патриотического и христианского сознания чешского общества XII в. очень важно сообщение хрониста о следующем деянии Собеслава I после победы над Лотарем III. То, что князь получил от него Чехию в лен, Вышеградский каноник умалчивает. Очевидно, после Божьей победы над войском императора такой акт представляется унижительным. Хронист лишь глухо говорит под 1127 годом, что Собеслава I «помирили» с немецким королем Лотарем. Зато сообщается о том, что Собеслав I обновил (заново построил) обветшавшую часовню на горе Ржип, а оломоуцкий епископ Здик ее освятил⁵⁶.

Это был акт большой общественной значимости, которому хронист придал символическое значение. По сложившейся чешской исторической традиции, зафиксированной еще Козьмой Пражским, гора Ржип, находящаяся между Прагой и Судетами в Северной Чехии, считалась тем местом, где остановился со своим родом праотец Чех, пришедший на эти земли как в библейскую «землю обетованную»⁵⁷. Уже в раннее Средневековье на вершине этой горы стояла часовня, сакрализовавшая «малую родину» чехов-язычников. Необходимо отметить особый рельеф этой местности, поражающий наблюдателей даже сейчас. Гора Ржип не выше других, соседних гор, определяющих характер широкой географической округи, но она имеет особые очертания (типа «седла» или «пуха земли»), сразу выделяющие ее. Поставленная почти на вершине Ржила новая часовня⁵⁸ стала видна очень далеко, на 10—15 км в ясную погоду. Таким образом она возобновила и даже повысила, благодаря епископскому освящению, свой статус «национальной святыни», акцентировавшей общность происхождения «всех чехов» в этническом, а не социальном понимании. Стоящая недалеко от границ с Саксонией, она стала овеянным знаковым жестом патриотизма, указывавшим на единение чехов против агрессора-чужака. Й. Жемличка, придерживающийся

⁵⁶ Pokračovatelé... S. 40.

⁵⁷ Kosmova Kronika česká. Praha, 1972. S. 12—13.

⁵⁸ Merchautová A., Třeštík D. Op. cit. S. 90, 110.

традиционной методологии, к сожалению, не придает большого идеологического значения этому акту⁵⁹. Хотя сам акт освящения храма епископом, акцентированный хронистом, говорит об обратном.

Однако единение князя со знатью носило скорее характер официального идеологического имиджа, что и продиктовало обоим хронистам анализировавшееся выше освещение битвы у Хлумца, чем выражало реальные отношения. Уже через два года, в 1128 г., автократия Собеслава I вызвала сопротивление. Вышеградский каноник лаконично сообщает, что князь «многих чешских предводителей (*principes*)» арестовал и подверг заключению⁶⁰. В 1130 г. князем Собеславом был раскрыт заговор против своей особы. Сазавский монах сообщает об этом крайне скупое, акцентируя внимание на особо жестокой казни заговорщиков: им сначала отрубили конечности и язык, ослепили, лишь затем умертвили⁶¹. Вышеградский каноник, наоборот, дает подробный рассказ обо всем заговоре, его раскрытии, публичном суде и казни, отмечая, что он сам был участником суда, т. е. очевидцем событий. Этот рассказ столь обширен, что составляет в структуре хроники ее центр, самостоятельную повесть, явно имеющую целью доказать правоту монарха и осудить и предостеречь центробежно настроенную шляхту. Само событие представлено как некое политическое действо, спектакль, рассчитанный на самый широкий общественный отклик. Вслед за Й. Жемличкой, посвятившим специальную статью этому событию⁶², проследим ход событий, точнее, как именно их изображает близкий к князю клирик и какие мысли он вкладывает в свой рассказ.

Ясно, что заговор был связан с борьбой моравской ветви Пршемысловцев с пражской, так как его нити сходились к Бржетиславу,

⁵⁹ *Žemlička J. Čechy v době knížecí. S. 398.*

⁶⁰ *Pokračovatelé... S. 41.*

⁶¹ *Ibid. S. 14.*

⁶² *Žemlička J. Vyšehrad 1130: soud, nebo inscenace? // Husitství – reformace — renesance. Sborník k 60. narozeninám F. Šmahela. Praha, 1994. S. 47—68.* См. также: Мельников Г. П. Политический спектакль 1130 г.: чешский клир и заговор против Собеслава I // Славяне и их соседи. XXIV конференция. Церковь в общественной жизни славянских народов в эпоху Средневековья и раннего Нового времени. М., 2008. С. 64—65.

сыну умершего князя Бржетислава, за которым якобы стоял высший пражский клир во главе с епископом Менхартом. Заговор имел целью убийство Собеслава I, который отправился с войском в Моравию. Собеслав I уже давно заподозрил недоброе и внимательно следил за двумя своими оруженосцами. В один момент, причем без всякой мотивации, он их велел арестовать. При них нашли отравленное оружие. На допросе один из них признался, что был слугой некоего Мирослава, сына «предводителя чехов» Яна, второй — слугой его младшего брата Стржезимира. Перед нами явно заговор знати против князя. Характерно, что допрос проводился в «присутствии предводителя чехов». Сам Мирослав, послав слуг своей семьи убить Собеслава I, находился в его свите во время этого похода. Его с братом схватили и посадили в Вышеградскую крепость, т. е. в резиденцию Собеслава I⁶³. Князь прервал поход в Моравию и вернулся в Прагу, народ его встретил с радостью. Вход в столицу Собеслав I произвел театрально: он шествовал пешком, босой и в нищенской одежде. Это было глубоко символично. Как показал К. Шрайнер, босые ноги — это атрибут публичного покаяния, в том числе церковного, входивший в ритуал покаяния государя: «Хождение босыми ногами оставалось важной частью церковного покаяния и тогда, когда последнее принимало отчетливый политический характер вследствие противоречий и конфликтов...»⁶⁴.

Этот «добровольный жест смирения» можно считать ритуальной коммуникацией с целью восстановления внутригосударственного мира, поэтому в нем переплетались религиозные мотивы и политические цели. Как представляется в случае Собеслава I, монарх предстал перед народом в покаянном облики, чтобы возбудить его недоумение и сочувствие: он сам кается в том, что его хотели убить за какую-то вину, о которой он сам не знает, поэтому ее надо выявить публично, на суде всего народа, как вскоре и произошло. Именно последующее поведение Собеслава I придает особое значение его покаянному имиджу при вступлении в Прагу, что свидетельствует о

⁶³ Pokračovatelé... S. 45—46.

⁶⁴ Шрайнер К. *Nudis pedibus*. Шествие босиком как ритуал религиозный и политический // Казус. 2006. М., 2007. С. 15—70.

глубоко продуманной им «режиссуре» этого политического спектакля, заставляя усомниться в реальных масштабах заговора, если даже не в самом его существовании⁶⁵. Для хрониста же такое поведение князя — лишнее доказательство преступности заговорщиков и определенный жест Собеслава I, апеллирующего к «толпе», т. е. простому народу, для поддержки своих позиций. Под пером хрониста возникает непосредственная связь монарха и народа, объединившихся против части знати, желающей погубить монарха из своекорыстных соображений. Народная поддержка, оказанная князю, единение народа вокруг его персоны в ситуации угрозы — главная идея хрониста в сцене последующего суда, нарисованной необычайно красочно по сравнению с другими страницами хроники, что позволяет считать ее эпицентром повествования.

Вступление в Прагу было началом большого представления, состоявшегося через день на Вышеграде. Накануне туда, узнав, что князь избавился от страшной опасности, съехались многие лидеры чехов. Хронист здесь не жалеет образности, чтобы показать преданность князю подавляющего большинства чешских лидеров: они «как пчелы к своей королеве и матери» слетелись на Вышеград и, найдя там князя, «радовались его спасению как мать радуется первенцу». Кстати, сравнение князя с первенцем наглядно подчеркивает его положение главного лидера чехов. Назавтра Собеслав I собрал во дворце «благородных и простых мужей» и каноников — почти 3 000 человек. Ясно, что под крышей дворца столько народа не могло уместиться. Отсюда следует, что или Вышеградский каноник резко преувеличил число участников этого собрания, или, что более вероятно, оно происходило на открытом пространстве, благо размеры Вышеградской крепости это позволяли. Чрезвычайно важно, что этому суду был придан характер общего народного собрания с участием всех слоев населения: знати, простолюдинов (скорее всего незнатных дружинников) и клириков. Собеслав I, стоя посреди них со слезами

⁶⁵ Иного мнения придерживается В. Ваничек, верящий в реальность заговора и называющий его спонтанным событием: *Vaniček V., Soběslav I. S. 218—219.*

на глазах, «как сын, просящий прощения у отца за все свои непослушания», сказал трогательную речь⁶⁶.

Относительно речи Собеслава I ясно, что это художественная стилизация хрониста. Но поскольку он сам там был, что он с гордостью отмечает, мы не можем сомневаться в аутентичности смыслового содержания этой речи и даже ее театрализованной формы. Князь начал с обращения к знати: «Предводители чешские и щиты земли чешской!». Такая адресация ориентирована исключительно на знать, именно с ней князь вступает в диалог, незнатные же и клирики лишь составляют фон, являются свидетелями сведения счетов князя со знатью, чтобы в случае необходимости оказать ему поддержку. Само выражение «щиты земли чешской» в XII в. стало уже клише, под которым понимались «воины первого ранга». Далее Собеслав I заявил, что он не завоевывал чешского княжества, а получил его «выбором своего брата еще при его жизни и выбором, сделанным всеми вами». Здесь князь явно имеет в виду не процедуру его выборов, которых не было, а те крики одобрения его преемственности, о которых говорилось выше. Собеслав I подчеркивает свою легитимность и тут же переходит к обвинениям: «Некоторые из высокопоставленных людей этой земли» хотели меня погубить, «как их предки убили брата моего Бржетислава». Это очень интересное заявление, поскольку кроме обвинения в предательстве и боязни самому быть убитому, оно содержит указание на Бржетислава II, сын которого, тоже Бржетислав, стоял у истоков заговора, о чем читатель узнает в дальнейшем. Как кажется, Собеслав I здесь намекает на непостоянство той знати, которая сейчас поддерживает того, чьего отца она убила. Далее следуют обвинения всей знати в ее неблагодарности: «Не знаю, почему вы также хотели расправиться со мной, пекущемся о благе родины и о вашей чести. Те, кому я наиболее давал дары своей милости и кого я выше других почитал с большой любовью и склонностью и кому я предоставлял почетное место рядом с собой, те пытались в своей злобе уничтожить меня». Изображая жертву, князь явно указывает на трибут и бенефиции и одновременно выставляет себя «главным патриотом» и радетелем о

⁶⁶ Pokračovatelé... S. 46—47.

благе чешской знати. Тем самым он подчеркивает ее зависимость от него. В речи Собеслава I хронист акцентирует моменты, которые можно считать частью идеальной модели отношений между монархом и знатью. Подчеркивается забота монарха не только о «благе родины», но и о «чести» «всех чехов». Честь в данном контексте означает дары и благодеяния монарха: он «чтит» знать, уделяет ей «честное место» подле себя; за это знать обязана быть ему «верной». Возникает картина взаимных обязательств, которые хронист полагает основой социального мира. Это характерные черты традиционной системы представлений, хорошо известных еще со времен «Чешской хроники» Козьмы Пражского.

Чтобы суд над заговорщиками не выглядел как расправа по воле князя, ему придаются черты всенародного судилища. Привлекая к осуждению заговорщиков большинство знати, князь фактически вновь требует своей легитимации и подтверждения верности, поддержки своего правления. На суде оруженосцы подтвердили свои показания. Допрос Мирослава, что характерно, вел один из «предводителей чехов», а не князь. Он спросил его, сам ли он замыслил убийство или по чьему-либо наущению и кто был вождем заговора. Явно, что заговор не мог созреть в семье Мирослава, выступавшего лишь посредником между заказчиком и убийцами. Мирослав называет Бржетислава, сына Бржетислава II, племянника Собеслава I. Однако далее этот Бржетислав предстает лишь игрушкой в руках церкви, точнее пражского епископа Менхарта. Именно тот послал к Мирославу некоего капеллана Собеслава I Блажика из знатного чешского рода с предложением вступить в заговор и найти людей, из простых, которые бы убили монарха. Мотивация привлечения Мирослава проста: его отец Ян был в числе первейших людей, а теперь Мирослава считают за последнего, к тому же посажен его брат. Причина для личного недовольства, вызванного, по-видимому, деградацией сыновей Яна, очевидна. Очень интересна формулировка цели заговора: Блажик говорит Мирославу, что убив Собеслава, следует посадить на престол такого князя, «от которого мы сможем иметь все, чего пожелаем». Итак, перед собранием обнажилось стремление иметь слабого, послушного знати князя, высказанное вступившими в коалицию тремя силами: князем-претендентом, частью знати и церковной

иерархии. Кажется, что испуг Собеслава I и жалобная просьба о поддержке «всех чехов» вполне оправданны.

Из дальнейших показаний Мирослава ясно, что истинным инициатором заговора он считает епископа Менхарта, с которым беседовал лично. Тот сулил ему за организацию убийства большую награду, предоставляя на выбор должности управителя различных градов, коморника, стольника, конюшего. Из этого перечня, как верно отметил Й. Жемличка⁶⁷, видны те основные должности, за которые боролись представители знати.

Приговор суда, точнее, решение чешских лидеров, несколько удивляет, так же как последующая реакция Собеслава I. С отмечавшейся и Сазавским монахом жестокостью, невиданной в Чехии (Вышеградский каноник добавляет еще колесование) были казнены Мирослав с братом и некий лекарь. Последний, очевидно, дал яду для оружия, которым должен был быть убит Собеслав I. Других, не названных, участников заговора обезглавили, а Бржетислава ослепили. Сразу после этого, в 1131 г, Собеслав I строит две новые крепости⁶⁸. Этим князь усилил свое присутствие в стране. Однако непонятно, почему избежали наказания клирики⁶⁹, да и были ли они замешаны в заговоре? Зачем пражскому епископу Менхарту, иностранцу, немцу, не связанному с чешской знатью, организовывать убийство князя? Конечно, между ним и Собеславом I уже возникли трения, о чем свидетельствует упоминавшееся освящение храма на горе Ржип не главой чешской церкви, а епископом Оломоуцким Здиком, родом из чешской знати. Но все же этого недостаточно для заговора с целью убийства князя. Верил ли сам Собеслав I в эти обвинения, или же он использовал их, чтобы прочно подчинить себе чешскую церковную организацию? Последнее, как будет ясно из дальнейшего, очевидно. Тогда закономерно возникает вопрос: кто был инициатором навета на епископа? Примечательно, что хронист говорит о присутствии на суде среди толпы того самого Блажика, отказываясь объяснить его

⁶⁷ *Žemlička J. Čechy v době knížecí. S. 225.*

⁶⁸ *Pokračovatelé... S. 48—49.*

⁶⁹ Блажик был всего лишь посажен в крепость, затем удален от двора князя: *Ibid. S. 48.*

поведение, явно показывающее, что он тут ни при чем⁷⁰. Сам Менхарт сразу же пожелал очиститься от обвинений, причем перед судом князя и всех предводителей. Но именно такой суд и не состоялся, будучи заменен очищением от обвинений, сделанным церковными иерархами, т. е. казус не вышел за пределы церковной юрисдикции. Хронист пишет, что в 1131 г. «28 сентября епископ Бамбергский и епископ Оломоуцкий с семью аббатами чешскими в присутствии князя Собеслава и народа и духовенства очистили Менхарта, епископа святого храма Пражского, от всякой вины, перед тем на него возведенной, провозгласив, что епископ Менхарт не замышлял никакого зла против князя Собеслава, но лишь пытался помочь тому, чтобы Бржегислав был освобожден от пут заключения». После этого собрания, называемого хронистом «синодом», что подчеркивает его церковный характер, Менхарт уехал на церковный собор за границу⁷¹. Из этого сообщения ясно видно, что Менхарт все же поддерживал оппозицию, но не до такой степени, чтобы возглавить заговор. Следовательно, его в определенной мере оклеветали. Кому это было нужно, не вполне ясно. Знать, объявляя епископа своим сторонником, показывала, что на ее стороне высший чешский прелат, поэтому с ней надо считаться, а Собеслав I ставил Мейхарта в положение оправдывающегося, причем все время.

Повторно ему пришлось очищаться в 1133 г. Клирики костела св. Вита потребовали его отставки, обвинив в ряде прегрешений, каких, не сказано, и он был вызван папой в Рим. Следовательно, обвинения были внутрицерковного, а не светского характера. Однако Менхарт поехал не в Рим, а к своему непосредственному начальнику архиепископу Майнцкому. Там на соборе епископов он оправдался и простил клевету своим обидчикам⁷².

Мнение о поддержке Менхартом оппозиции прочно сохранялось в чешском обществе. Хронист рисует слезливую сцену прощания Собеслава I с умирающим епископом и говорит об их взаимной любви, но, описывая погребение Менхарта в Праге, приводит речь еписко-

⁷⁰ Pokračovatelé... S. 48.

⁷¹ Ibid. S. 50.

⁷² Ibid. S. 52—53.

па Оломоуцкого, явно стилизованную самим хронистом, из которой ясно, что Менхарт действительно был замешан в делах оппозиционной части знати⁷³.

Создается впечатление, что очернив пражского епископа, князь все же не решился открыто с ним враждовать, но все время держал под подозрением. Первый раз Менхарт «очищался» в сентябре 1131 г., второй раз в 1133 г., а в 1134 г. он умирает. Может быть переживания, связанные с обвинением в заговоре, стали причиной его быстрой смерти. Сам Менхарт тоже не желал, по вполне понятным причинам, окончательно ссориться с князем. Интересно, что хронист, близкий к Собеславу I, сохраняя все намеки на виновность Менхарта, все же называет его «мужем праведной жизни» и легитимизирует его «очищения»⁷⁴. Кажется, что двойственное отношение князя выразил именно хронист, оставивший открытым вопрос о причастности верховного церковного иерарха к заговору шляхетской оппозиции. Такая оптика хрониста соответствовала его положению: будучи сам высокопоставленным клириком, он одновременно являлся приближенным Собеслава I и выразителем «великокняжеской» концепции власти.

Нет полной ясности и по основному вопросу: использовала ли оппозиция князя Бржетислава в своих целях, или же он привлек ее к своим честолюбивым планам. Выяснение этого вопроса было бы для нас весьма важно, чтобы понять, являлись ли события 1130 г. междоусобием внутри правящей династии или конфликтом между монархом и частью недовольной знати. Скорее всего, в реальности переплетались оба мотива. О существовании недовольства среди шляхты, особенно ее молодого поколения, мы знаем из сообщения хрониста о том, что в 1133 г. некий молодой шляхтич Владислав, сын очень хорошего отца, бежал в Баварию, причем не один, а вместе со многими знатными юношами чешской земли⁷⁵.

Смерть Менхарта Собеслав I использовал в целях усиления власти своей и власти знати. В день св. Вацлава (дата выбрана явно символически) в 1134 г. он созвал в Праге собрание для избрания

⁷³ Pokračovatelé... S. 55.

⁷⁴ Ibid. S. 53.

⁷⁵ Ibid.

нового епископа, на котором были представлены «все лучшие чехи» и духовенство. Был избран явный ставленник князя Ян, пробст Вышеградского костела⁷⁶. Исследователи давно отметили, что право избрания (назначения) епископа Пражского было присвоено чешским сеймом и монархом, но так явно, с большой помпой оно давно не реализовывалось. Доминация «лучших» мирян над церковной иерархией была продемонстрирована всему католическому миру, прежде всего Империи. С новым пражским назначением быстро согласились император и архиепископ Майнцкий. Первым деянием нового пражского епископа — «человека князя» было «освящение костела одного из предводителей чешских»⁷⁷. Этот символический акт новой церковной власти должен был означать укрепление союза монарха и знати, осуществляемого через церковно-сакральную сферу. Хронист подчеркивает «всенародную поддержку» нового епископа-чеха, ставленника князя, говоря о торжественной встрече его при въезде в Прагу⁷⁸. Таким образом в хронике вновь возникает идея сплочения народа вокруг монарха и его политики при явной поддержке церкви. Хронист рисует идеальную картину единения всех составляющих частей чешского социума — монарха, знати, «народа» (шляхты и простонародья) и церкви на основе патристической парадигмы: избрание Пражским епископом чеха самими чехами без вмешательства Империи и Рима предстает как еще одна победа над иноземцами.

О продолжавшихся конфликтах среди Пршемысловцев, а также о способе содержания дружины, мы можем узнать из следующего сообщения хрониста под 1136 г. По просьбе Лотаря III Собеслав I собрал войско, поставив во главе его своего племянника Владислава, будущего Владислава II, «недавно приведенного из изгнания». Когда князь решил выплатить воинам деньги, то передал Владиславу 900 гривен динаров, сумму, очевидно, очень большую; тот же, приняв деньги, тайно бежал вместе со своими друзьями⁷⁹. Войско осталось без денег, что срывало планы Собеслава I, осложняя его

⁷⁶ Pokračovatelé.... S. 56.

⁷⁷ Ibid. S. 59.

⁷⁸ Ibid.

⁷⁹ Ibid. S. 61.

отношения и с императором, и с дружиной. Хронист, зная будущее развитие истории, уже заранее сознательно бросает довольно густую тень на будущего чешского князя, занявшего престол не по воле Собеслава I.

Далее хронист сосредоточивается на проблеме передачи трона. При избрании императором Конрада в 1138 г. в обмен на свою поддержку Собеслав I получил от него заверения в том, что сын Собеслава I Владислав унаследует чешский трон. Тем самым Собеслав I нарушал дважды зафиксированную хронистом (в 1126 и 1130 гг.) его же собственную легитимизацию выборности князя. Чтобы как-то смягчить противоречие и одновременно частично легитимизировать форму передачи трона от отца к сыну через одобрение императора, но не совсем устранив знать, Собеслав I дважды потребовал поддержки его предложения от «всех чешских предводителей». Сначала они присягнули в этом перед императором на святых мошах, потом в резиденции Собеслава I в Садской, километрах в 60 от Праги. Это была сильно укрепленная крепость на высоком холме, возвышающемся над широкой округой, позволявшая контролировать важную часть Средней Чехи. Туда он созвал «воинов первого и второго рангов», вынудив их присягнуть на верность своему сыну⁸⁰. Из этого сообщения видно, что князь остро нуждался в поддержке не только элиты дружины, но и всего войска в деле изменения формы престолонаследия, выразившегося во введении примогенитуры. Избегая конфликта с князем, дружинники согласились с его требованием.

Однако это согласие ничего не стоило. Как только Собеслав I в 1140 г. серьезно заболел, пошли всякие слухи, взволновавшие чешских лидеров. Они съехались на Вышеград, день и ночь совещались, выдвигая разных кандидатов на трон. Из этих слов хрониста ясно, что о передаче трона сыну Собеслава I уже не было речи. Самой влиятельной фигурой этого собрания был вельможа Начерат. На него все взирали, чтобы единогласно выбрать того, кому он окажет протекцию⁸¹. «Лучшие мужи» вновь ощутили власть в своих руках, ведь важнейший вопрос зависел от решения их лидера. Казус Начерата

⁸⁰ Pokračovatelé... S. 65.

⁸¹ Ibid. S. 67—68.

позволяет говорить о том, что вновь, как в случае со Славниковцами и Вршовцами, кстати, владевшими в разное время Либицей, находящейся всего в десятке километров от Садской, из среды знати выделяется явный лидер, берущий на себя роль руководителя или активного деятеля на политическом поприще. Конец его был столь же плачевен, как и двух упомянутых родов (он был убит при осаде Праги в 1442 г., находясь в войске моравян, выступивших против преемника Собеслава I), что подтверждает общую тенденцию роста центральной княжеской власти, идущего с отступлениями, иногда с явным регрессом, но в большом историческом времени осуществляющимся по восходящей линии.

Собеслав I умирает 14 февраля 1140 г. Вышеградский каноник пишет траурный панегирик покойному, называя его «отцом» и «охранителем», который «так любил родину, что, заботясь обо всех, всегда был готов умереть за свободу и честь своих подданных»⁸². Здесь подо «всеми» (*omnes*) понимаются все подданные князя, т. е. общество в целом, а не только шляхта-дружинники. Среди «национальных приоритетов» хронист указывает свободу и честь, понимая под первой независимость Чехии (конечно, в рамках Империи) и достоинство ее рыцарей. Под словом «честь» здесь, как и ранее, в речи Собеслава I на суде над заговорщиками в 1130 г., где говорилось о «благе родины» и о «чести»⁸³, следует понимать как имущество, владения, данные монархом его подданным, которые он обязуется охранять от внешних посягательств в обмен на верность. Престиж государства и его элиты — важнейшие ценности для правителя. Так под пером хрониста образ Собеслава I принимает черты идеального правителя. Указанное соответствие понятий в разных местах хроники говорит о продуманной концепции центральной власти. Конечно, не Вышеградский каноник был ее автором, скорее всего он зафиксировал в письменном тексте идеологему, выработанную самим Собеславом I.

Хронист, будучи поклонником Собеслава I, крайне невнятно сообщает о том, что «после него вступил Владислав», получивший от ко-

⁸² Pokračovatelé... S. 68.

⁸³ Ibid. S. 48.

роля Конрада утверждение⁸⁴. Читатель не понимает, что этот Владислав не сын Собеслава I, а его племянник, тезка, с которым покойный князь долго враждовал. Мы также не узнаем, почему знать избрала Владислава, сына Владислава, а не Владислава, сына Собеслава, а тем более о том, что процедура избрания князя по настоянию шляхты вернулась к первоначальной форме. Был избран сын старшего из покойных братьев-Пршемысловцев. Гарантом возврата к традиции выступила шляхта, нарушившая свои обещания поддержать новый принцип примогенитуры. Хронист дезинформирует читателя, не желая разрушить свою концепцию гармоничных отношений между монархом и обществом.

Однако поддержка нового князя Владислава II не была единодушной: часть шляхты, очевидно, встала на сторону Владислава, сына Собеслава. Именно так можно понимать повествование хрониста, связывая два события, произошедшие в один 1141 г. Сначала Владислав, сын Собеслава, бежит к венгерскому королю Беле II, а затем Владислав II расправляется с недовольными. По всей стране, сообщает хронист, в тот год много людей было повешено на виселицах, некоторые же спаслись и бежали⁸⁵. Можно заключить, что интронизация Владислава II вызвала довольно широкий протест, очевидно со стороны знати, приверженной Собеславу I и желавшей сохранить свое положение при его юном сыне.

Далее, в 1142 г., конфликт внутри шляхты усугубился. Как пишет Вышеградский каноник, точнее его продолжатель, «между чехами началась сумасшедшая распря». «Лучшая и благороднейшая часть» перешла к моравскому князю Конраду, а «низшая и младшая» осталась при Владиславе II⁸⁶. Очевидно, произошла смена элиты: молодое поколение, рвущееся к доходам, поддержало нового князя. Это поколение не было тесно связано с уже утвердившимися родами, оно не было столь «благородно», как они. Низшая часть дружины прорывалась вперед, что говорит о незавершившемся процессе складывания шляхты как социального слоя. Конечно, в таком

⁸⁴ Pokračovatelé... S. 69.

⁸⁵ Ibid. S. 72.

⁸⁶ Ibid.

распределении сторонников, представленном хронистом, мы видим желание автора всячески умалить Владислава II, но все же вряд ли можно сомневаться в объективности самого расслоения шляхты и ее внутренней конфронтации. Интересно, что ранее упоминавшийся нами вельможа Начерат, которому Владислав II был обязан своим избранием, перешел в стан его противников, став одним из «главных вождей войны»⁸⁷, затем погибшим. Тем самым хронист акцентирует несправедливость поведения князя, оттолкнувшего от себя «лучших мужей». Сазавский монах также сообщает о том, что в Чехии против Владислава II поднялись «предводитель Начерат и другие первые мужи чешские», объединившиеся с мораванами, а Винценций, также писавший примерно через 30 лет после событий, в своем пространном рассказе использует явно вымышленные детали и библейские аллюзии, соответствующие его концепции оправдания и возвеличивания Владислава II, возглавившего молодую и лучшую часть дружины, получившего поддержку мудрого епископа Индржиха Здика и оказавшегося фактическим и моральным победителем, опровергнув обвинения ставшей к нему в оппозицию знати в неумении управлять государством, которые и стали причиной конфликта, как считает хронист⁸⁸. Диаметральная противоположная интерпретация событий Вышеградским каноником и Винценцием создает впечатление конфронтации, возникшей в среде чешской элиты по вопросу о характере правления. Стремлению «старой знати» иметь покладистого князя противостоит строго монархическая концепция, приводящая затем к идее сильной королевской власти, руководимой божественной силой, концепции, которую Винценций будет далее развивать в своей хронике. Говоря же о событиях 1142 г., известных ему лишь из враждебно ориентированного чужого текста, он стремится подать их так, чтобы сделать из них пролог будущей славы короля.

После ряда военных столкновений и походов не без поддержки императора Конрада III, на сводной сестре которого женился Владислав II, превратившийся из буйного юноши в опытного политика,

⁸⁷ Pokračovatelé... S. 72.

⁸⁸ FRB. II. S. 261, 410—413. Анализ текстов источников см.: Kernbach A. Op. cit. S. 94—118; Antonín R. Op. cit. S. 500—502.

наступило новое упрочение центральной княжеской власти. Однако она попала в сильнейшую зависимость от Империи, которая стала решающим фактором в чешской внутренней политике.

Следующим важным явлением, привлечшим пристальное внимание хронистов, стало участие чехов в итальянском походе императора Фридриха Барбароссы в 1158 г. и получение Владиславом II от него королевской короны. В своем очень пространном рассказе об осаде Милана хронист Винценций (его текст повторил т. н. Второй продолжатель Козьмы⁸⁹) сообщает о том, что «император украсил Владислава, князя чешского, королевской короной и сделал его из князя королем». Хронист подробно и ярко описывает доблесть чешских воинов, проявленную ими при взятии Милана, говорит об огромной добыче, взятой ими⁹⁰. Из его повествования ясно видно, что дружина была чрезвычайно заинтересована в завоевательных походах, приносивших трибут. А. Кернбах, подробно анализируя текст Винценция, пришла к выводу о том, что «дискурсивная стратегия Винценция направлена к единственной цели — к прославлению Владислава II как идеального христианского монарха». Поэтому хронист стилизует поведение чешского монарха и изложение событий в духе библейской модели презентации истории⁹¹. К типичной для Средневековья идеологеме богоизбранности монарха хронист добавляет идеал мужественного и благородного рыцаря («*strenuous et illustris miles*»⁹²), что соответствует социальному и литературному топосу эпохи расцвета рыцарской культуры. Главная цель Винценция — создание образа идеального правителя — обуславливает его историческую оптику: хронист соответствующим образом интерпретирует события и их участников, опуская, игнорируя то, что не годится для его концепции⁹³. Винценций не скрывает того, что королевский титул Владислава II не был принят чешской знатью с восторгом, так как угрожал ее правам на избрание монарха. Поэтому Владислав II был вынужден рассматривать свое королевское достоинство как личную награду.

⁸⁹ Bláhová M. Pokračovatelé Kosmovi // Ibid. S. 207.

⁹⁰ Ibid. S. 82—87.

⁹¹ Kernbach A. Op. cit. S. 155.

⁹² FRB. II. S. 430.

⁹³ Kernbach A. Op. cit. S. 134, 214.

Другой автор — Сазавский монах очень подробно и ярко рассказывает о наделении Владислава II королевской короной и подчеркивает позитивное отношение к этому населения страны — скорее простых людей, чем дружинников (вернувшись домой, новый король встретил «огромную радость своих людей»⁹⁴).

Несколько по-иному оценивает ситуацию Й. Жемличка. Он сомневается в легитимности королевского титула Владислава II, ибо не ясно, был ли над ним совершен обряд помазания. Коронация не повысила статус Чехии в Империи, но подняла личный престиж Владислава II внутри страны. В то же время возник раскол среди элиты: одна ее часть поддержала введение примогенитуры, другая была недовольна внутренней политикой короля, ущемлявшего интересы отдельных вельмож. Так, с его согласия был убит знатнейший вельможа Войслав, что вызвало осуждение хрониста Ярлоха⁹⁵. По проблеме королевского титула Владислава II существует значительное количество научных трудов, авторы которых дают различные интерпретации этого факта⁹⁶. А.Кернбах указывает на то, что Винценций уделяет значительное внимание отношениям между Владиславом II и Фридрихом Барбароссой. В своем чешском владении Владислав II равен императору, он безусловный суверен и ведет себя как идеальный правитель. По отношению же к империи он выступает как одна из ее опор, представляя собой «*honor imperii*»⁹⁷. Таким образом хронист Винценций совмещает в своей социо-исторической концепции осуждение чешской знати и ее политических интересов и прославление идеального чешского государя, который охраняет свою страну от вмешательства императора, но в то же время поддерживает его внешнюю политику в Европе. Сконструированная автором гармоническая модель оказалась весьма далекой от действительности.

Как представляется, внутренние раздоры среди элиты не ослабили позиции этого социального слоя в целом, они лишь усугубили нестабильность центральной власти. Не имея возможности вдаваться в подробности политических перепетий второй половины XII в., при-

⁹⁴ Pokračovatelé... S. 25.

⁹⁵ Žemlička J. Čechy v době knížecí. S. 257—263.

⁹⁶ Библиографию вопроса см.: Kernbach A. Op. cit. S. 138.

⁹⁷ Kernbach A. Op. cit. S. 141.

ведем лишь сжатый перечень событий, попавших на страницы хроник и отражающих взаимоотношения княжеской власти и общества. В 1161 г. Собеслав, сын Собеслава I, будущий Собеслав II, бежал из заточения, взял город Оломоуц, примирился с королем, но был вновь посажен в заточение. В 1173 г. Владислав II отрекся от престола в пользу своего сына Бедржиха, попытавшись осуществить на деле, опираясь на обещания Фридриха Барбароссы, принцип примогенитуры. Однако император переменял свое решение. О чешской королевской короне речь уже не шла, а на княжеский престол император предложил не Бедржиха, а Олдржиха, сына Собеслава I. После его отказа трон перешел к Собеславу II, его брату. Однако в 1178 г. Барбаросса вновь делает ставку на Бедржиха, передав ему Чехию в лен, который он, однако, сам должен был отвоевать для себя. Шляхта, до этого находившаяся в оппозиции к Собеславу II, перешла на сторону Бедржиха. Собеслав II бежал за границу, где и умер. Но в 1182 г. был изгнан и Бедржих. Вновь состоялись выборы князя, престол занял зномский князь Конрад Ота. Вмешательство Барбароссы разделило государство: Бедржих остался князем Чехии, а Конрад Ота получил в лен свою же Моравию, но уже как маркграфство, подчиненное только Империи. Борьба князей разрешилась в 1185 г. после битвы у Лодениц: проигравший сражение Конрад Ота признал верховенство Бедржиха и зависимость Моравии от Чехии и был объявлен преемником пражского князя. Власть он получил в 1189 г. после смерти Бедржиха. Однако в 1191 г. он умирает в Италии. С октября по декабрь 1191 г. князем был сын Собеслава I Вацлав, которого свергла шляхта, избравшая в 1192 г. сына Владислава II Пршемысла Отакара I. Но в следующем 1193 г. император Генрих VI за участие в заговоре против него лишил того трона, передав его пражскому епископу Индржиху Бржетиславу. Необходимо при этом учитывать, что с 1187 г. пражский епископ являлся князем Империи и в светских делах не подчинялся чешскому князю. Объединение в одной персоне светской и церковной власти в Чехии объективно усиливало страну. Князь-епископ встретил поддержку со стороны шляхты и стал воевать против сыновей Владислава II Пршемысла Отакара I и маркграфа Моравии Владислава, но в 1197 г. умер. Шляхта избирает князем Владислава, но тот передает власть Пршемыслу Отакару I. С этого момента начинается

укрепление центральной власти, что открывало новый период чешской истории.

Весь период 1173—1197 гг. (от отречения Владислава II до повторного избрания Пршемысла Отакара I) можно обозначить как перманентный династический кризис. В его ходе, как отмечалось выше, при значительном ослаблении центральной княжеской власти резко усиливается роль двух противоположных сил — императора и чешской шляхты, борьба между которыми, по сути, и составляет главное содержание истории этого периода. Борьба ведется с переменным успехом, ее колебания еще более дестабилизируют положение в стране. Решительные вмешательства императора в чешские дела происходят очень часто при Фридрихе Барбароссе (1173, 1178, 1182 гг.) и в 1193 г. при Генрихе VI. Императорская власть считает, что именно ей принадлежит право назначать чешских князей, хотя само право «чехов» на избрание князя не отрицается. Барбаросса, теоретически признавая эту старую традицию, на деле ее отвергает. В этом смысле очень показательна сцена передачи власти от Бедржиха другим князьям. Барбаросса лишает Бедржиха престола на основании того, что «он принял его лишь от отца без соизволения чехов и не из рук императора»⁹⁸, и передает знамя, символизирующее чешский лен, Олдржиху, который тоже не был избран чехами. Тот же прямо на месте отдал знамя Собеславу (II) как старшему брату, т. е. акт окончательной передачи власти вновь обошелся без выборов⁹⁹. Без них состоялась и обратная передача власти императором от Собеслава II Бедржиху. Чешская знать вновь проявляет пассивность, поддерживая очередное решение императора.

Краткое правление Собеслава II (1173—1178) весьма примечательно тем, что на страницы хроник проникает «безмолствующее большинство» (термин А. Я. Гуревича), до этого присутствовавшее лишь в виде толпы, радостно встречающей торжественные въезды князей. Именно его, в противовес дружинной элите, и хотел сделать своей опорой Собеслав II, что, естественно, вызвало ее резкое недовольство. Хронист Ярлох называет этот слой по-разному. Говоря о

⁹⁸ FRB. II. S. 465—466.

⁹⁹ *Žemlička J. Čechy v době knížecí. S. 264.*

князе, он пишет, что тот защищал «бедных» (*pauperes*) против «властных» (*potentes*), поэтому его называли «князем крестьян» (*princeps rusticorum*)¹⁰⁰. Вряд ли это «бедное крестьянство», как считал З. Фиала¹⁰¹, ибо оно не могло служить гарантом власти князя. Р. Новый и Й. Жемличка полагают, что это свободное, лишь от князя зависимое население, неблагогородное, выполнявшее воинскую службу. Сюда же относились княжеские крестьяне. Все вместе они составляли «*populus*», обладавший политическими правами, в том числе правом избрания князя. Именно в силу такого социально-юридического положения этого слоя Собеслав II хотел на него опереться¹⁰². Заметим от себя, что если бы Собеслав II защищал действительно нищих и обездоленных, то он бы считался наследником святоацлавской традиции и должен был изображаться в иных тонах. Что заставило князя искать поддержки *populus*'а? Будучи ставленником императора, Собеслав II вызвал к себе оппозицию со стороны элиты¹⁰³, поэтому он искал поддержки у широкого слоя зависимых от себя людей, настраивая их против «властных». Создалась довольно оригинальная ситуация, когда в борьбе с элитой князь опирался на столь разные силы, как император и «народ», что, очевидно, и обусловило его падение.

Вновь политику «защиты бедных» возобновил другой прямой ставленник императора князь-епископ Индржих Бржетислав, за что вызвал к себе «ненависть первых людей земли», как пишет Ярлох¹⁰⁴. Вторичная попытка ограничить элиту также не увенчалась успехом, шляхта взяла реванш при выборах следующего князя. Поэтому можно заключить, что стремление императорской власти подчинить себе чешские дела через назначение своих ставленников на чешский трон нельзя считать успешным. Шляхта при любой возможности отстаивала свои права и традиции.

¹⁰⁰ FRB. II. S. 468.

¹⁰¹ Fiala Z. *Princeps rusticorum* // *Zápisky katedry československých dějin a archivního studia*. 5. Praha, 1961. S. 31—42.

¹⁰² Nový R. *Přemyslovský stát 11. a 12. století*. Praha, 1972. S. 59—60; Žemlička J. *Čechy v době knížecí*. S. 314, 548.

¹⁰³ *Přehled...* S. 138.

¹⁰⁴ FRB. II. S. 468.

Хронист Ярлох считал, что чешская шляха отличалась непостоянством, вероломством, нарушением своих обязательств¹⁰⁵. Для ее негативной характеристики Ярлох не жалеет слов¹⁰⁶. Позиция шляхты выражала ее стремление использовать каждую представившуюся возможность, в том числе внутридинастические распри, чтобы закрепить за собой и восстановить свои политические prerogatives. Элита ищет максимального влияния, поэтому постоянно меняет свои ориентиры, поддерживая то одного, то другого Пршемысловца, иногда по несколько раз изменяя свое отношение к одному и тому же князю. С другой стороны, ни один Пршемысловец не может реально обойтись без поддержки элиты, как показал печальный опыт Собеслава II.

Сам хронист Ярлох интерпретирует исторические события в ином ключе, чем Винценций. Б. Н. Флоря говорил об определяющем влиянии на его сознание одной из разновидностей космополитической идеологии средневековья¹⁰⁷. Новейшая исследовательница А. Кернбах внесла много существенных уточнений. Она убедительно доказывает, что хроника Ярлоха — не история чешского народа или государства. Винценций, рисуя идеальный образ монарха (Владислава II), развивал идею чешской государственности, но отречение короля обесмыслило подобного рода глорификацию. Поэтому хроника Винценция не получила распространения и дошла до нас только потому, что ее основной материал включил в свою хронику Ярлох, имевший, однако, совсем иные цели. Если Винценций ориентировался на читателя-«государственника», то Ярлох — на церковно-христианского, ибо сам хронист — член ордена премонстратов. А. Кернбах считает, что для Ярлоха характерно «понимание мира в рамках библейской модели презентации истории», что придает его сочинению универсальный масштаб. Тем самым история Чехии и ее государей включены в запланированную Богом программу спасения, ориентированную эсхатологически¹⁰⁸. Ярлох выстраивает «единую литературную концепцию» своего труда, в которой прославление Владислава II связывается с началом новой эпохи развития христи-

¹⁰⁵ Анализ взглядов Ярлоха см.: Флоря Б. Н. Указ. соч. С. 115—121.

¹⁰⁶ FRB. II. S. 464, 473, 481.

¹⁰⁷ Флоря Б. Н. Указ. соч. С. 120.

¹⁰⁸ Kernbach A. Op. cit. S. 211—218.

анства в Чехии (приход премонстратов и основание нескольких монастырей). Воплощением этой эпохи стал премонстратский аббат Готшалк — человек святой жизни, уподобляемый по своему значению библейскому Моисею, чье житие (*Vita Godescalci*) композиционно и по объему составляет основную часть труда Ярлоха, являясь ключевым звеном концепции «истории спасения»¹⁰⁹. Другой аспект универсалистско-провиденциальной концепции хрониста — сопряжение чешской истории с имперской в главном для нее, с его точки зрения, аспекте — участии в крестовом походе. Поэтому рассказ так называемого Ансберта о походе Фридриха Барбароссы Ярлох включил в свою хронику, сделав ряд дополнений, связанных с Чехией¹¹⁰. Можно определить характер хроники Ярлоха как теологически-историософский. Хотелось бы также обратить внимание на идею симфонии церкви и государства, явно содержащуюся в рассказе о похоронах Готшалка. Ярлох пишет, что на погребение святого человека собралось невиданное количество благородных и неблагородных мужей и жен, стояли рыдания, каких он никогда не слышал, а тело покойного несли на своих плечах не только четыре аббата и пражский епископ Индржих, но и князь Депольт¹¹¹.

Роль элиты особенно важна, когда она свергает князя и проводит новые выборы. Хронист акцентирует внимание на том, что Собеслав II «был чехами свержен с престола»¹¹². Шляхта как решающая сила выступает на выборах князя в 1182, 1192 и 1197 гг. Пршемысловец Вацлав, который авантюрным образом сел на трон, по сути ни на кого не опираясь, просидел на нем лишь три месяца, его просто «прогнали с престола»¹¹³. Конраду Оте благодаря гибкой политике удалось снискать глубокое уважение современников. Хронист называет его «достойным славы», а по поводу его смерти выражает свою горесть в специальной стихотворной вставке в свою хронику¹¹⁴. Конрад Ота поддерживал политику императора (он умер в Риме, куда сопрово-

¹⁰⁹ Kernbach A. Op. cit. S. 166, 203, 209—211, 218.

¹¹⁰ Ibid. S. 157—166.

¹¹¹ FRB. II. S. 505.

¹¹² Pokračovatelé... S. 89.

¹¹³ Ibid. S. 91.

¹¹⁴ Ibid.

ждал поехавшего на коронацию Генриха VI) и в то же время значительно укрепил чешское государство. Он разработал свод законов, названных в его честь «Конрадовыми статутами». Характерно, что процедура их принятия предусматривала одобрение элиты: в крепости Садска — военно-административном центре Пршемысловцев во всей центральной и восточной Чехии — они были зачитаны на собрании «лучших людей» и, очевидно, не встретили возражений. Статуты предусматривали упорядочение судопроизводства, ограничение княжеского права мертвой руки и, что самое главное, гарантировали шляхте полученные ею земельные владения, не вдаваясь в выяснение их генезиса. Этим князь «построил мост взаимопонимания со шляхтой и дал твердые основания для феодального владения землей»¹¹⁵. Й. Жемличка считает, что законодательная деятельность Конрада Оты встретила всеобщее одобрение, которое хорошо продемонстрировало заинтересованность феодализовавшихся дружинников в защите их земельной собственности верховной властью, которая для этого должна обладать силой и стабильностью¹¹⁶. Поэтому на выборах 1192 г. шляхта поддержала Пршемысла Отакара I, а затем, в 1197 г., смирилась с передачей ему трона. Несколько по-иному оценивает «Конрадовы статуты» В.Ваничек: шляхта добилась признания своих земельных владений и захватов, но в определенной мере была ограничена, так как ей теперь отводилась роль «чиновничества», т. е. «служилых людей», поэтому в статутах она не фигурирует как самостоятельный субъект, нет даже намек на ее право вооруженного сопротивления монарху¹¹⁷. Выборы 1197 г. можно считать последним триумфом «чехов». Уже не император, а они, возобновив старую традицию выборов, решали, кто будет князем. Избранный ими Владислав провел инвеституру пражского епископа, показав, кто на деле является господином в стране. Последующий мирный характер передачи им власти старшему в роде Пршемыслу Отакару I особо поразили современников своим благородством. Важно, что этот добровольный акт состоялся, как отмечает хронист, «после совета с друзьями

¹¹⁵ Přehled... S. 139.

¹¹⁶ Žemlička J. Čechy v době knížecí. S. 324.

¹¹⁷ Vaniček V. Šlechta... S. 75.

и вельможами»¹¹⁸. Следовательно, «лучшие люди», поддерживавшие Владислава, уже не были заинтересованы в возобновлении внутридинастических распрей. Как справедливо отметил Й. Жемличка, из династической борьбы конца XII в. главным победителем вышла шляхта, уже «новая», опиравшаяся на свои земельные владения, своих клиентов-вассалов и групповую солидарность¹¹⁹.

Рефлексия общественной мысли, выражаемой хронистами, по поводу всех этих событий сводится к осуждению решающей роли знати в политических делах и поддержке тех князей, которые стремились укрепить центральную власть, привести в систему законодательство страны (Конрад Ота) и найти гармоничное сосуществование с церковными властями.

¹¹⁸ FRB. II. S. 514.

¹¹⁹ *Žemlička J.* Čechy v době knížecí. S. 376—377.

**ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В ЛИТЕРАТУРНЫХ ТЕКСТАХ
ДРЕВНЕЙ РУСИ И ДРУГИХ
СЛАВЯНСКИХ СТРАН (XII—XIII вв.)**

Издатель А. Кошелев

**Корректор С. Редькин
Оригинал-макет подготовлен Е. Андреевой
Художественное оформление переплета
С. Жигалкина**

**Подписано в печать 02.11.2011. Формат 60×90 1/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 20,5. Тираж 800 экз. Заказ № 5233.**

**Изд-во «Знак».
ОГРН 1067746430102.
Тел.: 607-86-93, E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>**

**Отпечатано в ОАО ордена «Знак Почета»
«Смоленская областная типография им. В.И. Смирнова».
214000, г. Смоленск, пр-т им. Ю. Гагарина, 2.**

**Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел./факс: (499) 255-77-57, тел.: 246-05-48, e-mail: gnosis@pochta.ru
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Zubovskiy проезд, 2, стр. 1
(Метро «Парк Культуры»)**

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В ЛИТЕРАТУРНЫХ ТЕКСТАХ
ДРЕВНЕЙ РУСИ И ДРУГИХ СЛАВЯНСКИХ СТРАН (XII–XIII вв.)

ISBN 978-5-9551-0517-8

9 785955 105178 >